

# Л и т е р а т у р н а я А р м е н и я

Литературно-художественный  
и общественно-политический  
журнал Союза писателей Армении

Հայաստանի գրողների միության  
գրական-գեղարվեստական  
և հասարակական-քաղաքական հանդես

*Основан в декабре 1958 года*

*Журнал издается при содействии Министерства культуры РА*

**№2 2022**

## В номере:

### Проза, поэзия

|                                                                                            |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Спартак Карабахцян. Репатрианты. Рассказы. Вступительное слово и перевод В.Гаспаряна ..... | 3  |
| Константин Шакарян. Полями различного зренья. Стихи .....                                  | 37 |
| Владислав Черемных. Предательство. Повесть .....                                           | 44 |
| Ваге Армен. Моя Голгофа. Стихи. Перевод Г.Баренца .....                                    | 87 |
| Сергей Калашников. Из цикла "Армения. ги". Стихи .....                                     | 92 |

### Очерк, публицистика

|                                                                        |     |
|------------------------------------------------------------------------|-----|
| Григор Джаникян. Это армянское слово "карот". Перевод С.Марданян ..... | 98  |
| Владимир Ружанский. Арцахский дневник .....                            | 126 |

|                                                                                                                |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <b>Ануш Варданян.</b> Не знаю, зачем я здесь... <i>Перевод</i><br><i>К.Шакаряна</i> .....                      | 155 |
| <b>Ирина Дзуцова.</b> Кара-Дарвиш: полуденный пафос<br>Востока .....                                           | 160 |
| <b>Саша Зайцева.</b> «Одна из моих муз родилась в Араратской<br>долине». <i>Интервью Арцви Бахчиняна</i> ..... | 167 |

## РЕДАКЦИЯ

Альберт Налбандян, *главный редактор*  
Сергей Мурадян, *заместитель главного редактора*  
Жанна Шахназарян, *отдел прозы*  
Ирина Маркарян, *отдел очерка и публицистики*

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тигран Акопян, Маргарита Геворкян, Наталия Гончар,  
Григор Джаникян, Магда Джанполадян, Давид Мурадян,  
Карине Ходикян

## СПАРТАК КАРАБАХЦЯН



*Прозаик, публицист, историк. Родился в 1951 г. в Ереване. Окончил Ереванский педагогический институт им. Х.Абовяна. Автор сборников рассказов «Куда бы ни отправился, Армения со мной», «Обитель солнца», «Яма-Париж». По его сценариям создан ряд документальных фильмов.*

## РЕПАТРИАНТЫ

*Перевел Валерий Гаспарян*

### ***От переводчика***

*76 лет назад мощная волна репатриации всколыхнула умы и сердца диаспоральных армян. Согласно открытым источникам, в двенадцати государствах, в том числе США, Франции, Румынии, Египте, Болгарии, Ливане, Сирии, о желании выехать в СССР заявили около 360 тысяч человек. Конечно, свою роль в иммиграционном «девятом вале» сыграла политическая подоплека – по окончании войны Сталин рассчитывал присоединить к Советскому Союзу Карс, гору Арарат и другие территории, отошедшие к Турции после революции. СССР претендовал на без ма-*

лого 26 тысяч квадратных километров, из которых более двадцати тысяч должны были отойти Армении.

Сама идея, что по возвращении в СССР представится возможность оказаться на своей исторической родине – в Западной Армении, для многих зарубежных армян оказалась крайне соблазнительной и решающей. За пару лет в Армению переселились около ста тысяч армян, примерно столько же осели здесь за предыдущие два десятилетия. Но набирающая обороты холодная война вкупе с политикой США, твердо вставшей на защиту территориальной целостности Турции, привели в Москве к осознанию – вернуть Арарат без серьезных осложнений не получится.

Для судьбы рвавшихся на родину людей весьма символичным и трагическим стал загадочный пожар, возникший 1 сентября 1948 года на борту теплохода «Победа», который незадолго до этого доставил в Батуми очередную партию репатриантов. Сталинская телеграмма Маленкову, в которой «вождь всех народов» высказал уверенность, что «среди армянских репатриантов есть американские агенты, которые подготовили диверсию на теплоходе», подвела итог всей этой истории с репатриацией. Маленков намек вождя понял и на следующий день отрапортовал Постановлением Совмина от 14 сентября: «...полностью и немедленно отменена репатриация в СССР зарубежных армян и воспрещен прием армянских переселенцев в Армению».

Между тем оказалось, что для уже приехавших армян не хватает ни жилья, ни работы. Да и отношение местного населения к «ахпарам» было, мягко говоря, не ахти. Свою роль сыграл агитпроп, разом зачисливший переселенцев в ряды шпионов, диверсантов, тунеядцев, спекулянтов и т.п. – одним словом, носителей враждебной капиталистической морали.

Вот этим «носителям», в подавляющем большинстве своем простым труженикам и патриотичным армянам, посвятил цикл своих рассказов «Яма-Париж» писатель и публицист Спартак Карабахян. Написанные с болью и юмором, рассказы представляют нам «ахпаров», оказавшихся в ереванском квартале с весьма символичным названием Яма.

## ЯМА-ПАРИЖ

В городе было два одноименных квартала: один звался Ямой Чарбаха, другой, наш, – Ямой Третьего участка. Потом к нашему кварталу пристало название «Париж», а причиной тому наверняка послужили приехавшие из Франции семьи. Правда, благодаря стараниям де Голля число их со временем периодически уменьшалось (возвращались во Францию), но сказочное «Париж» так и осталось – Яма-Париж. Даже таксисты быстро освоились: достаточно было лишь сказать Яма-Париж, как прямоком доставляли до места.

...Последними французскими подданными, которые еще оставались в квартале, была семья госпожи Забел с ее единственным сыном Завеном (Заво). Упаковав вещи, они с нетерпением ожидали, когда им тоже протянут спасательный круг – разрешение на выезд. И вот однажды почтальон, наконец, постучал и в дверь госпожи Забел, однако ж принесенное им послание оказалось совершенно иного рода – повесткой из военного комиссариата: Заво призывали в Советскую Армию...

На следующий день госпожа Забел со злосчастной повесткой в руке направилась прямоком к военкому: вдоволь наплакалась, безрезультатно пытаясь объяснить, что произошла ошибка, что она и ее сын – французские подданные, что ее сын, в конце концов, солдат де Голля, а не Советов...

Военком не на шутку разгневался и, стукнув кулаком по столу, крикнул: «К белым медведям пошлю! Посмотрим, чьим солдатом будет – де Голля или нашим?!»

Заво явился на призывной пункт. Спустя два месяца пришло письмо из Читы. Рука де Голля оказалась длинной, добралась и до Читы: не отслужив шестой месяц, Заво вернулся, а еще через несколько дней мать с сыном вернулись во Францию...

Когда пересекали границу, Заво поклялся: «Пока Советы не развалятся, я сюда ни ногой!»

Но пока развалились бы Советы и исполнился бы кажущийся невероятным завет Заво, жизнь в квартале продолжалась – играли свадьбы, тайно крестили детей. Были и... смерти...

Даже строгий инспектор финотдела приказал долго жить. Давно уже его воды и воды портного Акопа одним руслом не текли... Из Константинополя в Алеппо, из Алеппо в Ереван – таким был репатриантский маршрут Акопа. В минуту геноцида его род спасся благодаря высокопоставленному турецкому офицеру.

– По дороге в Тер-Зор нас отделили от каравана смерти, вернули в Константинополь: повелели шить мундиры для турецкой армии, – вспоминал мастер Акоп и грустно добавлял: – От турецкой депортации спаслись, а в этой по своей доброй воле оказались...

Родовая фамилия Акопа походила на ладно сшитое одеяние: Дердзакян (Портнов). Акоп был человеком небольшого роста, подвижным, немногословным, как и все хорошие портные мира. Часто приговаривал: «Встретишь медоречивого, льстивого мастера, беги без оглядки... Человека славит его дело...»

Незыблемой традицией был славен квартал Яма-Париж: когда кто-то оказывался в нужде или в горести, все жители его – будь то имущие или неимущие, каждый по мере своих возможностей, – скидывались и приходили на помощь. А когда Солакци Хачик с карандашом и листком в руке обходил дома, это означало, что в квартале кто-то умер.

...Хачик дошел до дома портного Акопа.

– Свет твоим глазам, уста Акоп! Освободился, наконец, – сказал Хачик.

Не поняв причины радости скорбного вестника, Акоп удивленно спросил:

– Ты это о ком?

Хачик назвал имя строгого инспектора финотдела. Портной Акоп с благоразумием умудренного опытом человека сказал:

– Э, Хачик джан, он тоже был мастером своего дела... Не переживай, взамен другого пришлют... еще сожалеть о нем будем.

Солакци Хачик против фамилии Дердзакяна Акопа написал сумму пожертвования, поставил крестик и собрался было уходить, но мастер Акоп остановил его:

– Погоди-ка, Хачик!

– Что такое, уста Акоп?

– Погоди-ка, – повторил Акоп и прошел за занавеску, где располагалась его маленькая мастерская, а чуть погодя вернулся с новеньким, тщательно выглаженным костюмом в руках.

– Держи вот, покойника оденете.

Хачик пришел в замешательство. Портной Акоп заметил это и настоял:

– Бери, бери... Последнее путешествие человеку предстоит, так пусть ублагодотворенным отправляется!

– И не жалко, уста Акоп? – возразил Хачик и добавил: – Нет ли у тебя чего постарее, поплоче?

От наивного и чистосердечного предложения Солакци Хачика на лице мастера Акопа появилась улыбка.

– Есть, Хачик джан, но для меня это будет разорительно.

Слово было чуждым для слуха Хачика.

– Не могу взять в толк. Объясни, уста Акоп, что значит «разорительно»?

– Значит слишком дорого для меня, бесценно, Хачик... – ответил мастер Акоп и попытался открыть Хачику тайну перерождения старого, «поплоче» костюма в чрезвычайно дорогой.

– В Алеппо сшил, – с удовольствием и чуть ли не с блаженством предался воспоминаниям Акоп, – по случаю приезда в Армению... В нем есть мечта, Хачик, не могу с ней расстаться... Его заказчиком была Армения!

Вот бы Солакци Хачик хоть что-то понял из сказанного портным Акопом и не спросил:

– Уста Акоп, а вдруг хозяин (он имел в виду заказчика нового костюма) объявится, что ему скажешь?

– Не переживай, скажу, что архангел Гавриил унес его для своего сына-путешественника.

Когда покойного несли к кладбищу Кармирблур, кто-то из процессии спросил шагающего рядом:

– Покойный всю свою жизнь проходил в галифе и сапогах, откуда же этот шикарный наркомовский костюм?

– Уста Акоп сшил, – шепотом ответил тот, – а туфли подарил уста Мхо.

Вот ведь как бывает!

## ЧАЕВЫЕ

В Стамбуле мусульмане его почтительно называли эфенди, христиане же – господин. К деду Асатура Амамджяна обращались точно так же.

Однако в нашем квартале его звали Асо – ни тебе эфенди, ни тебе господин.

Когда же он пошел работать в общественную баню, то кличка кисачи (банщик) прочно закрепилась за ним. Между тем, случайно встретив его на улице, вряд ли кто-либо предположил, что этот представительный и видный мужчина содержит семью, обмывая кого ни попадя в общественной бане.

– А чего мне стыдиться? – говаривал Асо. – Стыдно семью в голоде и нужде держать.

Обремененным заботами, но не растерявшим доброты человеком был Асо. В совершенстве владел французским, говорил на изысканном западно-армянском, а почерк у него был, я видел, что твоя жемчужная нить. На месте работы у Асо имелась небольшая ячейка со скромным и простым убранством. В ней, помимо рабочих принадлежностей, стоял жестяной стаканчик, в котором он копил дарованные клиентами чаевые. И клиенты у него были особые. Чтобы подчеркнуть важность своего дела, Асо часто перечислял их, особенно выделяя имена Грача и Папаза. Грач – это был Грачья Нерсисян, а Папаз – Ваграм Папазян. Они были земляками Асо. Помимо гордости это для Асо служило также утешением – столь гениальные люди в том же городе живут. Их существование дарило ему надежду, было праздником, фейерверком...

В числе клиентов Асо был некий немногословный и мрачный тип, известный своей скупостью – чаевых никогда не оставлял. Порой Асо и его вспоминал...

...Была пятница. Отец нас с братом взял с собой в баню. Шум восточной бани походил на музыку: пронзительный звон медных ковшей и тазов, журчанье льющейся воды... А еще, что немало важно, здесь все были голыми и равными.

В густых клубах пара, поднимающегося от кипящей воды, проступало очертание доброго лица Асо, когда он, обмотанный полотенцем от пояса до колен, точно египетский жрец, во весь свой рост возникал возле тебя. В наполненных водой тазах плавали его рабочие принадлежности: пошитые из специальных тканей узорчатые рукавицы – кессе, разные сорта душистого мыла.

– Эй, малыш, – мягким голосом обратился он ко мне, – расслабь-ка свое тело, – и медленно провел кессе по моей спине. Повторив движение пару раз, с удивлением заметил: – Ну и смуглая кожа у тебя, ты случаем не из Абиссинии приехал?

– А Абиссиния где, дядя Асатур?

– В Африке, малыш, в Африке... столица – Адис Абеба, слышал? – с каждым словом его кессе методично поднималось и спускалось по моей смуглой коже.

– Так ты говоришь об Эфиопии, дядя Асатур?

– Это то же самое, то же самое, малыш...

Кисачи Асо разом и свое дело делал, и урок географии проводил.

Был у него покрытый орнаментом медный ковш со змеевидной ручкой, тянущейся от самого горла до дна. Ею он несколько раз зачерпнул и вылил на мою голову желанную горячую воду, а затем приступил к следующей процедуре. В его тазу бугрилась холмами взбитая белоснежная мыльная пена. Через какие-то мгновения Асо укутает и спеленает меня этой напоминающей белое облако пеной, и я впаду в состояние блаженной дремы...

После бани Асо угостил меня и брата лимонадом, а отца – кофе. Когда мы уходили, я заметил, как Асо открыл дверцу своей таинственной ячейки и бросил полученные от отца чаевые в запятанную в глубине копилку.

Асо смирился со своей судьбой.

– Слава Богу, – говорил, – моя семья не голодает.

С тех пор как Асо поступил на работу, никто к нему не обращался по имени и фамилии. Хоть бы и в тот день не обратились. Но... В этот день строго официально вошел в баню некий бесформенный толстяк, едва достигавший ростом до пояса Асо, и...

– Ты Амамджян Асатур? – спросил.

– Да, – ответил Асо.

– Одевайся, поедem кое-куда.

Асо молча и покорно выполнил распоряжение мясной туши.

Место же, куда доставили Асо, в те годы было известно многим, и особенно репатриантам.

Асо впервые оказался здесь. Беседу с ним предпочли вести теплым доверительным тоном.

– Ты должен нам помочь, товарищ Асатур, – так начался таинственный разговор. – У нас есть информация, что на теплоходе с вашим караваном в Советскую Армению проникли шпионы Турции, закоренелые дашнаки... Их надо найти и выявить...

Асатур не плыл на пароходе. Обрадовался. Решил, что спутали с кем-то, что выпустят его.

– Мы не на пароходе прибыли, нас паровозом доставили, – ответил Асо.

– Не имеет значения, товарищ Асатур, – военный на мгновение замолк, а затем с многозначительной хитровой улыбкой пристально посмотрел в глаза Асо и: – Они же тоже иногда в бане моются, не так ли?

Проснувшаяся было в Асатуре надежда, что вышла ошибка и его с кем-то спутали, померкла. Он понял, что хотят от него, но предпринял еще одну попытку спастись.

– Я же только тела их мою, с душами дела не имею... Грех же совершу, неугодное Богу дело требуете от меня.

– Имя Бога здесь не поминать! – осадил Асо холодный металлический голос. Говоривший, о присутствии которого Асо не подозревал, сидел где-то в глубине комнаты. Он повернулся на жесткий, бездушный голос и взгляделся... хотел вспомнить, где видел это холодное безучастное лицо, когда еще слышал этот металлический голос...

Не выдержал Асо – разом выплеснул накопившуюся внутри обиду:

– Ленин ваш Бог? Так и ему неугодно ваше желание!

Сникшим и униженным вышел Асо из здания и на негнущихся ногах кое-как доплелся до общественной бани. Свою ячейку нашел

с распахнутой дверцей. Протянул руку внутрь – за жестяным стаканчиком, но не нащупал, не нашел... Асо понял, что это конец...

«Имя Бога здесь не поминай!» – пронесся в его помутневшем сознании смертоносный металлический голос, перед глазами проступили черты лица сидевшего в глубине комнаты таинственного человека...

Вспомнил. Это был немногословный и скупой клиент... Крайне дорого обошлись Асо его чаевые...

На рассвете жена кисачи Асо (Асатура Амамджяна) истошно прокричала: «Помогите!»...

Но было уже поздно...

\* \* \*

Со дня этой реальной грустной истории прошли десятилетия. Я как-то вспомнил благородного константинопольского армянина Асатура Амамджяна и решил пройти мимо его бывшего места работы – там ныне располагается золотой рынок. Как вкопанный встал перед павильоном с его обилием золотых украшений. Словно память пригвоздила к месту. К реальности меня вернул голос хозяина павильона:

– Кого ищешь, дядя джан?

– Асо, – машинально ответил я.

– Какого Асо? Того, который камни вставляет в перстни и кольца?

– Нет, тот Асо, которого я ищу, тебе незнаком...

– Как незнаком? Нет на нашем базаре человека, которого бы я не знал.

– Его-то вряд ли знаешь, – доверительным тоном попытался я смягчить выпиравшую из него наружу излишнюю самоуверенность и поднимавшее голову высокомерие.

– Такой вот небольшого росточка, кругленький, полненький, – принялся описывать торговец золотом.

Однако изображенный им человек скорее напоминал жирного типа, пришедшего за Асатуром Амамджяном, нежели разыскиваемого мной Асо.

– Нет, все с точностью до наоборот! Этот твой Асо моему едва по пояс бы пришелся. Разыскиваемый мною Асо был высоким, представительным, добрым и благородным, похожим на жреца человеком...

Слово «жрец» было чуждым для хозяина, резануло ему слух.

– На кого-кого, говоришь, похожий? – иронично удивился он.  
– Что это еще за же... же... жрец такой?

– Так, с языка слетело.

– Слышь, уважаемый, а это часом не мат? – попытался скрыть он собственное невежество за неуклюжей попыткой сострить, а потом с непререкаемым авторитетом заявил: – Такого на этом рынке нет!

– А ты утверждал, что знаешь всех. Убедился, что тебе он незнаком? – теперь уже я вошел в раж от необычной этой беседы.

– Твой Асо чем занимался?

– Людей мыл, рукавицей кесса протирал...

– Издеваешься, дядя? – сказал он и, на этот раз решив окончательно избавиться от меня, изрек: – Наверняка что-то путаешь, уважаемый, есть еще пара базаров золота – за ГУМом, в Бангладеше. Там поищи своего Асо, может, и найдешь...

– Мой Асо вот там, – показал я пальцем на небо.

Он машинально проследил взглядом за моим пальцем, будто собирался разглядеть Асо за облаками. Но, никого там не обнаружив, посмотрел на меня:

– Ну ты, дядя, прямо как ночной кошмар... И без того сегодня ни грамма не продал, шел бы ты, уважаемый...

– Або, – окликнули его. – Что этому дяде надо?

– Ничего, братец, он не покупает и не продает, – с чванством, характерным для людей, имеющих дело с золотом, ответил он и добавил: – Какого-то Асо ищет...

– Какого Асо? Того, что камни вставляет в перстни и кольца?

– Да нет же! – загоготал Або. – Кисачи Асо ему подавай!..

К его гоготу присоединилось веселое ржание спрашивающего, их резкие голоса смешались, но проявление их веселья было настолько же далеко от человеческого смеха, насколько были далеки и разнились друг от друга Асо, которых мы знали...

## ДЯДЯ ДЕ ГОЛЛЬ

Иммигрировавшая из Франции семья Бояджянов не была похожа на другие: они напоминали птиц, которые случайно смешались со стаей и поневоле приземлились в нашем квартале – в Яме. Жаннет, жена Ваге Бояджяна, была чистокровной француженкой, и жители квартала обращались к ней исключительно «мадам Бояджян», а в знак уважения здоровались на ее родном языке: «Бонжур, мадам Бояджян». Наши познания во французском языке тем и исчерпывались, но от этого единственного слова госпожа Жаннет становилась более улыбчивой, и нам это было приятно. Ее мужа все звали «мсье Ваге»; он всегда ходил в берете, с повязанным вокруг шеи шарфом и с неизменной трубкой в руке. Их сыновья Патрик и Жан-Поль были нашими друзьями по дворовым играм, а дочь Жаклин – властительницей наших тайных грез. Безукоризненной красавицей была Жаклин!

Бояджяны, как и другие репатрианты, мало общались с местными, поддерживали отношения лишь с несколькими семьями, приехавшими из Бейрута.

Шли годы, однако мадам Бояджян все никак не могла освоиться у нас. Встретив ее на улице, никто бы не подумал, что эта женщина чем-то озабочена, что в ее душе идет борьба. Даже направляясь на рынок, она так одевалась и такой макияж наводила, что казалось, будто идет в театр или в кино... Обремененные заботами местные армянки сплетничали и злорадствовали: «На что ты так нарадоваться не можешь?» В их взглядах сквозили зависть и злоба. Забывали, что мадам Бояджян – француженка, а в ее душе царит праздник, фейерверк, необъяснимая тайна всегда оставаться женщиной... Но вместо того, чтобы усвоить, перенять неведомую эту тайну, фейерверк, праздник, они продолжали бесплодно судачить и сплетничать. Как же я хотел, чтобы Маргуша из Сурмалы, Айкануш из Кохба, солакийка Араксия хоть чуточку походили на мадам Бояджян!..

Мадам Бояджян ни с кем не делилась: умные женщины знают, как запрятать боль и тайну под тонким слоем макияжа. Единст-

венным человеком, хорошо осведомленным о всех передвижениях Бояджянов, был участковый, которому «строго секретно» приказали следить за репатриантами, имевшими связь с внешним миром, за их перепиской и информировать о содержании писем.

В отношении Бояджянов столь заботливая опека носила особый характер: они являлись французскими подданными и были вправе вернуться во Францию, если, конечно, подобное желание у них бы возникло. Мадам Бояджян несколько раз посылала письма в Москву – послу Франции, с просьбой и требованием о возвращении. Участковый же отлично справлялся с возложенными на него обязательствами: письма застревали на полпути, а через несколько дней после каждого отправленного письма Бояджянов, по удивительному совпадению, навещали два-три незнакомых человека, беседовали с ними, а затем исчезали.

В последний раз, когда письмо опять застряло на пути к адресату, Бояджянов посетили более высокопоставленные визитеры. Один из них на чистом и беглом французском попытался убедить Жаннет отказаться от мысли вернуться во Францию, наобещав взамен с три короба благ.

– Но наша родина Франция, я родилась в Париже, там мы встретились с моим мужем Ваге, полюбили друг друга... – потом, резко сменив тон, заявила: – Я буду вынуждена написать де Голлю...

– Ваше право, – вежливо ответил тот, убедившись, что эту женщину невозможно удержать от мысли о возвращении.

По дороге участковый, сопровождавший высокопоставленных визитеров, спросил:

– А кто такой этот де Голль?

– Дядя мадам Бояджян, – с иронией ответил один из них.

В целях собственной безопасности государства содержат разного рода стукачей и фискалов. Казалось бы, что от степени их преданности государство становится сильнее и неуязвимей. Но в данном случае все произошло с точностью до наоборот. Затаившиеся повсюду глаза и уши государства нет-нет да где-то и осечку дадут: как ни старайся, все равно найдется глаз, который прикинется слепым, а ухо – глухим... Мадам Бояджян нашла тако-

вые – и ослепший ненароком глаз, и оглохшее некстати ухо. Письмо дошло таки до де Голля...

В ту ночь свет долго горел в кабинете участкового. Знакомые должностные лица находились здесь. Получили конверт с грифом «совершенно секретно», в письме значилось: «В 24 часа обеспечить выезд Бояджянов из страны, пресечь общение со знакомыми, соседями, родственниками».

Мадам Бояджян попросили подготовиться к выезду без излишнего шума. Наряду с несказанной радостью Бояджянов охватила грусть – они не имели права ни с кем проститься. На рассвете, когда весь наш квартал пребывал еще в сладком сне, Бояджянов вывезли на специальных машинах из Ямы. Очевидцем всего этого стал бегущий к общественной уборной Андо, однако естественная нужда не позволила ему задержаться... Лишь потом, уже узнав о случившемся, он сказал:

– Пока зашел, пока вышел (он имел в виду уборную), мсье Ваге и мадам Бояджян до Парижа уже докатили.

Неожиданное исчезновение Бояджянов послужило поводом для разного рода пересудов. Один из жителей квартала предположил:

– В Сибирь погнали...

Другой возразил:

– Тебе бы только про Сибирь талдычить. Что, других мест в мире нет?

– А что я говорил? Мсье Ваге был скрытым врагом, шпионом, – выдал свое авторитетное заключение «пажарник» Арут.

– Но ведь хвастался, что был другом Мисака Манушяна\*.

– Наивный ты человек, не мог же он сказать, что ходил в товарищах у Гитлера?

На следующий день кто-то большими буквами написал углем на стене общественной уборной: «Я этого де Голля...» Это наверняка выводила рука того, кто безнадежно был влюблен в Жаклин.

В чем же провинился де Голль? Озабоченный судьбой своих подданных Де Голль, один из сильных мира сего, или просто – дядя мадам Бояджян.

---

\* Мисак Манушян – герой движения французского Сопротивления.

## ХАДЖИ АКОП

После возвращения семьи Бояджянов во Францию в квартале произошли перестановки. Назначили нового участкового, нового завмага, нового почтальона. На лице нового участкового красовался шрам, новый завмаг выглядел застегнутым на все пуговицы человеком, и было очевидно, что до торговли он не очень-то охоч. Новый почтальон был из румынских армян, сладкоречивый такой, змею бы из норы выманил. На несколько дней закрывшаяся было парикмахерская снова открылась, возглавлял же ее по-прежнему Акоп... Самой большой новостью, которая бросалась в глаза, стал появившийся по соседству с магазином жестяной киоск с вывеской: «Пункт приема порожней тары». Заведовало же пунктом некое человекоподобное существо... Раз репатриантов в нашем квартале было много, то и на такие «должности» вряд ли могли назначаться случайные люди... Новоназначенный завмаг был из Кировабада (Гандзак). Войну провел в тылу, но в праздничные дни с костюма его свисало столько медалей, что поневоле закрадывалась мысль – это в скольких же войнах довелось ему участвовать... Парикмахер Акоп по-прежнему бахвалился тем, что его отец в Болгарии участвовал при аресте Нжде.

В целях предстоящей результативной работы новоназначенному участковому предоставили специальный кабинет, который был намного просторнее и светлее, нежели жилье иммигрировавшей из Бейрута многодетной семьи коммуниста Маргара Маргаряна.

О владельце объявившегося по соседству с магазином киоска ничего не было известно – ни имени, ни происхождения. Его первым и самым активным клиентом стал я, и когда тайком от матери я собрал всю имевшуюся в доме пустую тару и приволок ее к нему сдавать, чтобы купить билет на фильм «Господин 420», он испуганно спросил:

– Ты что, стащил это откуда-то?

– Да нет, – ответил я, удивившись, что это человекоподобное существо умеет разговаривать.

Под его густыми бровями были не глаза, а черные блестящие шарики, которые находились в непрерывном движении, словно гонялись друг за другом и только нос служил преградой тому, что они не сталкивались... Толстые и мясистые губы больше бы подошли абиссинцу, а черные, точно по линейке прочерченные усики вызывали смех... Да, забыл, звали его Абов... Один из моих друзей, не ради лести, а в насмешку, как-то сказал ему:

– Дядя Абов, с этими усами ты прямо как Радж Капур!

Абов был явно польщен тем, что его сравнили со всемирно известным киноактером, но в следующее мгновение последовало сильное разочарование, поскольку он услышал совершенно иное:

– Это Акоп расчертил твои вицик-дана усики?.. Скажи ему, пусть сделает гуще, стыдно!

Абов вырос в детском доме, не знал родительской любви и заботы. Его головы не касалась ласковая материнская божественная рука. Неумолимый бич лишений стал для него и отцом, и матерью... Судьба бросает подобных в объятия неизвестности, откуда они вырываются лишь благодаря счастливой случайности или же в случае, если фортуна вдруг решает исправить ошибку... В Турции из подобных ковали янычаров, в Стране Советов – павликовморозовых или же вместе с кировобадскими завмагами отправляли в качестве помощников действовать в кварталы репатриантов.

Самым результативным агентом стал новоназначенный почтальон из румынских армян. Он удачно «отловил» письмо иерусалимца Хаджи Акопа, выявив антисоветского элемента...

Чтобы отличить от парикмахера Акопа, а также в силу иерусалимского происхождения, его звали Хаджи Акоп. «Хаджи» приклеилось к нему вовсе не как эпитет или прозвище, а исключительно как титул, почетное обращение. Его антипатия к кировобадскому завмагу была настолько велика и откровенна, что однажды он сказал на людях:

– У этого человека на лбу написано: «Не любите меня!»

– Как прочитал, Хаджи Акоп, скажешь тайну?.. С чего это ты видишь, а мы – нет, и не только видишь, но еще и читаешь? – спросил сладкоречивый почтальон, румынский армянин.

– Ну, пусть это останется моей тайной, не напрасно же я в Иерусалиме родился и зовут меня Хаджи Акоп... Почему, к примеру, парикмахера Акопа так не величают?.. Потому что он всего лишь парикмахер, потому что только и делает, что каждый день бреет завмага, а иногда усы Абова подправляет...

Жаль, очень жаль, что Хаджи Акоп не прочитал начертанное на лбу почтальона, а иначе с чего бы написал он то злосчастное письмо...

Сестры и единственный брат Хаджи Акопа жили за границей и с нетерпением ждали вестей из Советской Армении – писем от него, которые могли бы стать судьбоносными для них. На этот раз Хаджи Акоп решил написать живущему за рубежом зятю, мужу сестры.

Хвалебных и восхищенных слов в адрес Страны Советов, и в частности Советской Армении, не пожалел. Получивший образование в духовной семинарии Иерусалима, Хаджи Акоп на роскошном армянском щедро живописал и приукрасил скудное свое бытие, преобразив в рай плачевное состояние жалкой страны. Не забыл подробно описать и наш квартал: писал-де, в нашем магазине при желании можно даже змеиное яйцо купить, а о завмаге добавил: «... ладелец магазина – аристократическая личность, всегда выбрит, элегантен, облачен в белоснежную форменную одежду... Около магазина поставили маленький киоск, в котором принимают пустые бутылки и тару по очень хорошей цене, их здесь не выбрасывают, улицы чистые-пречистые, настолько ухоженные, что, пролей вдруг масло, сможешь без ущерба обратно собрать... Хлеб стоит дешево, очень дешево, почти даром, мясо тоже дешевое-дешевое, почти дармовое, бесчисленные сорта кофе...»

Перед тем как вложить письмо в конверт, Хаджи Акоп на мгновение задумался: «А вдруг поверят, соберутся и приедут? Как же я буду смотреть им в глаза – сестрам, зятям, брату?» И тут его осенила блестящая мысль: он развернул письмо и в конце добавил фатальную злосчастную фразу: «Я так сказал, а вы по-иному поймите»...

Тяжело перенес Хаджи Акоп поступок сладкоречивого почтальона из румынских армян, ставшего близким человеком. Хоть

он и был одарен божеским даром читать написанное на человеческом лбу, на этот раз он ошибся.

...В последний раз я видел Хаджи Акопа, когда выходил из общественной уборной нашего квартала. Поздоровался. Он не ответил. Я уже удалялся, когда он окликнул меня:

- Да, Хаджи Акоп? – спросил я.
- Обиделся?
- С чего бы, Хаджи Акоп?
- Что не ответил на твое приветствие.
- Нет, – с улыбкой ответил я.

После небольшой паузы Хаджи Акоп сказал веско и со значением:

– Послушай, сынок, в уборной не здороваются, – потом продолжил: – А знаешь почему?

– Почему? – спросил я.

– Ты поздоровался, я хотел ответить: «Дай Бог тебе здоровья», но в уборной Бога не поминают. Понял?..

...Семьдесят лет мы имя Бога шепотом произносили. Мудрым человеком был Хаджи Акоп:

«Страна, лишенная веры, похожа на уборную...»

## ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПЕНСИОНЕР

Сейчас на месте домов нашего квартала с их обремененными детьми и заботами семьями простирается пустынное ровное поле. Встречаются, правда, тут и там единичные дома, но воспоминания их жильцов скомканы, эпизодичны.

Здесь прошли мое детство и юность вплоть до того дня, когда в квартале появилась элегантная троица должностных лиц с черными таинственными портфелями в руках – для проведения учета. Как они ни старались казаться немногословными и скрытными, но все же один из них сболтнул, что наши дома подлежат сносу, а нам предоставят квартиры в новостройках. В квартале

начался ажиотаж. Все принялись делать предположения о том, в какой части города квартиры наиболее хороши – в Норке, в Бангладеше или же... Немаловажным было также то, какую взятку затребуют. На каждый массив, на каждое здание, на каждый этаж имелся свой тариф.

Часть жильцов квартала опечалилась, другая обрадовалась.

Больше других загрустил наш почтальон: кому же теперь он будет разносить письма, телеграммы, газеты, а главное – пенсии? Он прекрасно знал всех и каждого – улица за улицей, дом за домом, поименно и пофамильно.

Помимо газет и писем он ежемесячно дня два разносил также и пенсии. Не то что пенсий было так уж много – нет, просто существовала каста привилегированных пенсионеров, которых следовало обслуживать отдельно. И в нашем квартале был один такой привилегированный персональный пенсионер, чью безукоризненную деятельность и преданность государство возвело в особый ранг и тариф. Говорят, что самым важным в его послужном списке было выявление и раскрытие в среде репатриантов, обретших приют в нашем квартале, подрывных элементов, английских и турецких шпионов, террористов.

В числе этих надуманных и сфабрикованных дел был и инцидент, связанный с сирийцем Акопом, поскольку тот назвал родившегося на чужбине сына Врежем\*.

Будущий персональный пенсионер испытующим взглядом посмотрел на Акопа и спросил:

– С чего это ты вдруг сына Врежем назвал?

– А ты хотел, чтобы я ему дал имя твоего деда?

– А если бы девочка родилась?

– Родись девочка, назвал бы Врежуи, – сказал Акоп, не подозревая, насколько далеко заведет его эта короткая беседа – аж до самой Сибири!

Этот тип настолько уверовал в святость своего дела, что ему казалось, будто все мы обязаны ему уже тем, что живем и дышим.

---

\* *Вреж* (арм.) – месть.

...День посещения персонального пенсионера стоял особняком. Тяжким грузом нес его пенсию почтальон нашего квартала, нес, словно оторванный ото рта своих детей, родственников, рядовых пенсионеров – дяди Бено, кузнеца Саркиса, Бюзанда из Алеппо, сирийца Акопа – ломоть хлеба и глоток воды. Тяжеленные ворота дома были всегда заперты на семь запоров. Почтальон нажимал кнопку звонка и долго ждал, пока их откроют.

С простыми и искренними жителями квартала все было по-иному. Эти люди по доброй воле, иногда с юморком, чтобы не обидеть ненароком почтальона, оставляли ему несколько монет из своей пенсии, говоря: «А это за твои труды».

Дядя Бено и вовсе не отпускал почтальона, пока выпивкой не угостит.

В том и состояла прибыль почтальона, его выгода от этого мира. В этот день после раздачи пенсий почтальон наш с кожаной сумкой через плечо, больше походившей на потрепанный мешок, зашел в магазин за покупками.

– Вроде он под хмельком, – заметил один из посетителей.

– Ну и что, пусть и у него хоть раз будет приподнятое настроение, – ответил завмаг.

Почтальон, почувствовав, что говорят о нем, разоткровенничался:

– День пенсии, с дядей Бено выпили по чуть-чуть.

– Знаем мы «чуть-чуть» Бено, – многозначительно сказал посетитель и, пытаясь кое-что уточнить, продолжил: – Я-то подумал, что персональный тебя напоил.

– Кто-кто? – чуть удивившись, с подчеркнутой иронией повернулся почтальон к посетителю: – Этот кляузник?

Выпитый алкоголь придал ему храбрости.

Завмаг знал посетителя – кто таков, чем дышит, и попытался помочь почтальону:

– Человек под хмельком, что дитя неразумное – брякнет что в голову взбредет.

Но какими бы добрыми намерениями ни был обуреваем завмаг в своем желании утрясти ситуацию, было уже поздно...

Через несколько дней на столе начальника почтового отделения лежала жалоба с резолюцией главного: «Рассмотреть. Доложить. Срочно!»

Это была жалоба от имени пенсионеров, дескать, почтальон нашего квартала вымогает деньги у трудящихся. В кабинете начальника почтальон раскраснелся, оцепенел. Поверить не мог – кто? Дядя Бено, кузнец Саркис, репатриант Бюзанд?.. Кто из них?.. Но ведь все они порядочные люди, сами чуть ли не силой дают.

– Не верю! – взорвался он, и следом еще раз: – Не верю!

– Не веришь? Читай, – подтолкнул начальник к почтальону жалобу.

Почтальон глянул на написанное ученическим почерком письмо. Его больше интересовало, кто подписал это послание. Тем же почерком было выведено: «Группа товарищей».

Теперь почтальон был уверен, что в этой «группе товарищей» точно не было тех, кого он знал, и успокоился.

– Знаю, чьих рук это дело.

– Чьих? – непроизвольно спросил начальник

– Кляузника.

– Тише ты, еще услышит кто, – испуганно сказал начальник.

Уверенный, что раскрыл доносчика, почтальон продолжил:

– И не совестно ему?.. А писал, наверное, внук... Совесть надо иметь, невинному ребенку кровь не мутить, не портить его...

Начальник тоже много чего такого знал, но говорить права не имел. Он был человеком добрым, но пугливым. На этот раз доброта преодолела страх, и он почти шепотом сказал:

– Потерпи пару дней, не сегодня завтра избавимся от персонального...

Искренность начальника стала более убедительной, когда он взял со стола письмо с жалобой, скомкал его и выбросил в урну.

Через несколько дней все официальные газеты напечатали один и тот же некролог под обрамленной черной рамкой фотографией персонального. То был целый букет умилительных слов, а в конце вместо подписи красовалось знакомое «Группа товарищей».

## ПАРИ

История эта, с полвека назад оказавшаяся на слуху города, не раз рассказывалась и пересказывалась: сначала шепотом, потом чуть громче, затем и вовсе открыто, без страха, без оговорок... Для пущей достоверности называли имена, уточняли место и время... Потом?.. Потом все забылось... Так в забвении и оставался бы тот случай, наверное, если бы недавно не завязалась у меня беседа со старожилом нашего квартала, не вспомнили бы вдруг мы Кероб-Сероба или же Сероб-Кероба. То были братья-близнецы, схожие настолько, что даже родители не различали их, а уж учителя в школе, друзья по уличным забавам и подавно... Выход был найден: везде – будь то дома, в школе или на улице – к любому из них обращались Сероб-Кероб или Кероб-Сероб, с чем они сами быстро свыклись ...

– Сейчас в Америке живут? – спросил я Епрема.

– Да, в Лосе, – подтвердил Епрем и добавил: – Еще в советские годы сбежали...

Другим персонажем забытой истории был участковый, и когда Епрем спросил: «Бегларяна помнишь?» – перед моими глазами разом встал его облик: высоченный, подтянутый, высокомерный... Не колеблясь, ответил:

– Как же, еще шрам был на лице...

– Лист от ветра шелохнись в квартале, а Бегларян был уже в курсе, – многозначительно сказал Епрем. – Ну, ты, значит, помнишь, что многие в те годы у нас в квартале занимались частным промыслом, были, так сказать, мелкими дельцами и что столько же было и тех, кто исправно на них стучал.

В числе дельцов были, вспомнил я, готовивший бастурму-суджух алеппец Акоп, портной-бейрутец Акоп, мебельщик Арташ из Вана, валютчик французский армянин Жак, константинопольский антиквар Ваге, который имел кличку Грабар (наверное, за обширные знания и богатую многотомную библиотеку), ростовщик Кулак, неизвестными делами промышлявший Цолак и Казар по прозвищу Леденец-Петушок.

Вспомнили мы и про доносчиков, но поскольку потомки их пока живы, называть имена не будем – стыдно.

Знаменательный же случай произошел в парикмахерской Акопа, расположенной в нашем квартале близ небольшой речушки.

– Жаркое выдалось лето, – словно сдувая пыль с забытой истории, начал Епрем. – Вместе с Кероб-Серобом пришли мы в парикмахерскую постричься. У Акопа были посетители, и мы сели дожидаться своей очереди. Отбоя в клиентах у Акопа никогда не было, даже из соседних кварталов приходили договариваться, в очередь записываться, хотя в их кварталах и парикмахерские были, и парикмахеры... Каждое движение и жест Акопа были артистичны, сродни актерской игре: с непередаваемым удовольствием взбивал он мыльную пену, потом, словно художник, наносящий кистью мазки на полотне, покрывал пеной лицо клиента... Следующим церемониальным действием у него была заточка бритвы: он правил ее, водя лезвием вверх и вниз по поверхности особого кожаного ремня, – так боец перед сражением точит саблю на точильном камне. Завершив, с восторженностью ребенка любовался блестящим лезвием и приговаривал:

– Из Болгарии привез... Немецкая...

В Армению Акоп репатриировал из Пловдива, но кличка «ах-пар» к нему как-то не прижилась. Ведь Болгария что? В те годы страна, жившая под сенью Советов, совсем как мы, как Грузия или Азербайджан...

Халат у Акопа тоже был особый: белоснежный, похожий на врачебный, на верхнем кармашке вышит его вензель... Видимо, поэтому-то и любой уважающий себя мужчина в округе именно к нему шел бриться и стричься...

– Уникумом был в своем деле Акоп, – подчеркнул Епрем. – Только вот собеседник был никудышный, скучный. И в тот день он, окинув нас взглядом, попытался завязать беседу с избитой темы:

– Ты который: Сероб-Кероб или же?..

– Какая тебе разница? Все равно за одну голову буду платить, – ответил Кероб-Сероб.

– Дома-то как вас различают? – спросил уже клиент.

– По запаху, – коротко ответил Сероп-Кероп и обратился к Акопу: – Сегодня какими духами надушишь?

– Если скажешь, который ты, то самыми дорогими и лучшими, – поставил условие Акоп.

– Скажу, – согласился Кероб-Сероб.

– Все равно ж перепутаешь, Акоп. Не связывайся с ними, их даже дома не различают, – со смехом вмешался посетитель.

Акоп уже завершал работу – брызгал ароматный одеколон на чисто выбритое, или же, как он сам говаривал, зеркального блеска лицо. Потом перешел к завершающему акту действия: тонкими, изнеженными пальцами, которые помимо расчески и ножниц ничего иного не держали, принялся массировать лицо клиента. Вся эта процедура завершилась его обычным: «С приятным бритьем!» Слова эти Акоп произносил нараспев, и они служили своеобразным автографом – так художник ставит свою подпись под оконченным полотном...

– Пришла наша очередь, – продолжал Епрем. – Но пока мы решали, кто сядет на освободившийся стул, внутрь буквально ворвался участковый. Акоп на мгновение опешил, но быстро сориентировался и заученным текстом сказал:

– В самое время пришли, товарищ Бегларян.

Молниеносно помахал влево-вправо полотенцем, словно приводя в должный вид освободившееся место, и с услужливой улыбкой, которая больше походила на мольбу, сказал:

– Прошу...

Участковый, даже не глянув в нашу сторону, а вернее – презрев нас, плюхнулся на стул. Запах душистого парфюма, заполнивший небольшое пространство парикмахерской, и монотонное жужжание вентилятора навевали дрему... Пристегнутая к поясу Бегларяна кобура выпросталась из-под савана и свисала со стула. Сероп-Кероп заметил ее и, повернувшись, прошептал мне на ухо:

– Внутри наверняка деревяшка...

– А спорим – нет? – шепотом же ответил я и потом, сам не зная почему, добавил: – А спорим, я достану...

Кероп-Сероп вряд ли поверил моим словам и тоном человека, подливающего масла в огонь, сказал:

– Брось трепаться...

Кто был в этом возрасте, понимает, что это означает... Особенно в таком квартале, где нарушить данное слово, не выполнить обещание считалось делом позорным, постыдным...

Край свесившейся со стула кобуры был полуоткрыт. К тому же мне повезло – участковый задремал, а Акоп добросовестно занимался своим делом.

В какой-то момент показалось, что кто-то другой, а не я совершал последующие действия, кто-то другой сказал за меня:

– Сегодня я первым поздравлю с бритьем Бегларяна!

Подмигнул Кероб-Серобу и приступил к делу. Осторожно приблизился к Акопу, краем глаза увидел и убедился, что участковый крепко спит, одной рукой медленно опустил в карман халата деньги, а другой незаметно вытащил из кобуры оружие... На лице Акопа расцвела улыбка, поскольку Бегларян был дармовым, никогда не платившим клиентом... Мне казалось, будто я надел шапку-невидимку, и ни Акоп, ни участковый видеть меня не могут.

Лицо Кероб-Сероба побелело как мел, как выглядело мое – не знаю... Сунул оружие за пояс и преспокойно сел рядом с Сероб-Керобом.

– Не деревяшка? – испуганным шепотом спросил он.

Я качнул головой. Кероб-Сероб побледнел еще больше. Я же думал, как теперь избавиться от этого кажущегося раскаленным куском металла оружия? Внезапно осенила спасительная мысль. С провинившимся видом я обратился к Акопу:

– Акоп, выйду-ка я, курну разок... Только, прошу, нашим об этом не проговорись...

– Не скажу, – самодовольно сказал Акоп.

Я пулей выскочил из парикмахерской, метнулся к краю речушки и забросил оружие в кусты. Будто от тяжелого груза избавился.

– Покурил хоть? – на мгновение прервал я Епрема.

– Еще как! И за себя, и за Сероб-Кероба накурился, – с блаженной улыбкой вспомнил Епрем и продолжил: – Вернулся и спокойненько сел возле Бегларяна. Акоп уже горячие примочки прикладывал к свежевыбритому лицу участкового и чуть испу-

ганным голосом, пытаясь разбудить его, лепетал: «С приятным бритьем, товарищ Бегларян». Сонный участковый, лениво разглядывая себя в зеркале, прошелся ладонью по бритому лицу. Акоп спросил: «Каким одеколоном побрызгать, Бегларян джан?» – «Не надо, – отрывисто и сухо бросил участковый. – Пусть брызгает, товарищ участковый, за все ведь уплачено...» – «Ну ты и ублюдок, ахпар, – с презрительной усмешкой сказал участковый, продолжая самодовольно любоваться в зеркале своим выбритым до зеркального блеска лицом, шрам на котором теперь еще больше подчеркивал род его занятий.

– Я не ахпар, товарищ Бегларян, я в Армении родился...

– Ладно-ладно, ты советский ахпар, – бросил он и, опираясь на подлокотники, встал во весь свой исполинский рост.

Выспавшийся, посвежевший участковый наконец-то уступил место нам. И хотя он вышел из парикмахерской, а Акоп уже расчесывал и подстригал волосы Кероб-Сероба, я-то знал – грядет гроза!

Спустя короткое время в парикмахерскую ввалился участковый с ошарашенным и перекошенным от страха лицом и, рыча, словно скотина на бойне, прокричал Акопу:

– Оружие, Акоп, оружие!.. Кто стащил?.. Кто унес?..

– Ка-ка-кое оружие, Брег... Берегларян джан? – залепетал от испуга ни о чем не ведающий Акоп.

Бегларян сначала меня обыскал с ног до головы, потом стащил со стула Сероб-Кероба, его тоже хорошенько обшарил и, ничего не найдя, как-то сник.

– Крышка мне... Шкуру с меня спустят... – обреченно, чуть не плача, бормотал участковый. От бывшего самоуверенного Бегларяна и следа не осталось...

Ни о чем не подозревавший Акоп от страха окаменел, не в силах был слово проронить.

От отчаяния Бегларян уже просил, умолял, увещевал, под конец слово мужское дал, что ничего плохого не сделает нам, лишь бы оружие вернули...

– Дальше, дальше! – с нетерпением спросил я.

– А что дальше? – продолжал Епрем. – Поверили, вернули оружие, но кто видел или слышал, чтобы мент слово свое уважал! Как только оружие получил, снова преобразился, снова стал тем же высокомерным, надменным участковым. Мы были несовершеннолетними, нас в детскую колонию отвезли – на десять дней исправительных работ. Вместо Акопа нас надзиратель колонии остриг... Я все десять дней был в колонии, Сероб-Кероб же – пять. На остальные пять дней его Кероб-Сероб сменил. Помню, когда выписывались из колонии, инспектор, хитро улыбаясь, сказал Кероб-Серобу:

– И здорово же отросли твои волосы, паренек, за эти пять дней.

Нам еще повезло – порядочным мужиком оказался инспектор.

Вот эта история, с полвека назад оказавшаяся на слуху города, не раз рассказывалась и пересказывалась: сначала шепотом, потом чуть громче, затем и вовсе открыто, без страха, без оговорок... Для пущей достоверности называли имена, уточняли место и время... Потом?.. Потом она забылась, поскольку в нашем городе стали происходить настолько невероятные и чудные случаи и события, что по сравнению с ними наша история – это всего лишь детская озорная игра...

## НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР

Из Москвы позвонил друг. Голос был грустный, прерывистый, почти неузнаваемый. Кое-как дал понять, что у него скончалась мать – тикин Марта. Прах перевезут в Армению, чтобы она покоилась рядом с мужем – дядей Варданом. Друг попросил привести семейное кладбище в порядок.

В памяти ожило приветливое лицо тикин Марты, ее старинная швейная машинка, которую она привезла из Сирии, чтобы зарабатывать на жизнь. Скроенные и сшитые ею наряды вряд ли можно было где-либо еще увидеть. Ночи напролет портила зрение,

чтобы угодить своим заказчицам. У тикин Марты был узкий круг клиентов – жены должностных лиц, для которых действовал особый тариф. Интересно, для кого же из них она в последний раз шила наряд?

Дядя Вардан был фанатиком карточной игры. Меня же всегда выбирал в партнеры по игре. Тяжело переживал и обижался, когда мы проигрывали.

– Ничего, дядя Вардан, не всегда же нам выигрывать, – пытался я успокоить его.

– Таким слабакам и проигрывать? – в сердцах отвечал он.

– В игре не бывает слабых и сильных: кому придет хорошая карта, тот и выиграет, – заключал его сын Вазген, который в жизни карт не касался.

– А ты не философствуй, иди матери своей скажи, чтобы кофе нам приготовила.

Вазген послушно отправлялся на кухню, а мы начинали сдавать по новой.

– На тебя надеюсь, мой паша, должны обыграть их вчистую, – возбужденно говорил дядя Вардан и дрожащими пальцами брался за карты.

Не могли мы насытиться игрой, и все тут! Порой тикин Марта встречала рассвет за своей швейной машинкой, мы же – за карточным столом. Но у тикин Марты хотя бы были клиенты, а мы что имели с игры?

Дядя Вардан и тикин Марта приехали из Кесаба. Примостившийся на самой границе Сирии с Турцией, этот прелестный уголок земли населяли исключительно армяне. Кесаб напоминал маленькую Армению. В 1947 году сотни армян иммигрировали отсюда в Советскую Армению. В их числе была и новосозданная семья Вардана и Марты Газазянов. Приехали, разочаровались, как и многие, но смолчали. Несколько лет пожили в Алаверды, затем переехали в Кировакан, оттуда – уже в Ереван. В нашем квартале купили дом бейрутца Ншана, который решил переселиться на постоянное местожительство в Америку.

– Один ахпар уехал, другой ахпар приехал, – пошутил кто-то из жителей квартала.

– Когда мы в сорок седьмом приехали, нас здесь называли репатриантами, но какие мы репатрианты? – втихомолку жаловался дядя Вардан. – Моя родина – Кесаб, родина Арута – Харберд, родина Асатура – Тигранакерт...

Если выстроить рядышком перечисленные дядей Варданом топонимы, то в итоге вырисовывалась потерянная ими большая родина, которая звалась Западная Армения.

Дома кесабца Вардана и бейланца Арутюна стояли обок, их разделяла только призрачная изгородь. Душевыми, щедрыми на взаимную помощь соседями они были, однако пару раз в году между Варданом и Арутом разгорался давний спор, который был для многих непонятным и темным.

Словесную перепалку вели каждый на своем родном диалекте – Кесаба и Бейлана. Один всячески хаял Кесаб, другой же в ответ – Бейлан. Как-то после очередного спора Арут решил вместо призрачной изгороди возвести каменную стену, но когда рабочие взялись за кладку и уложили пару рядов, он раскаялся и заявил соседу:

– Вардан, если хочешь, сам достраивай остальное, злость моя прошла.

Стена так и осталась недостроенной – бейланец Арутюн нацелился переехать в Америку. Кесабец Вардан загрустил и отправился к Аруту пожелать ему доброго пути. Пришел, но как ни старался крепиться, скрыть волнение не вышло: по бороздкам глубоких морщин потекли ручейки слез.

Спустя десятилетия, когда я очутился в Нью-Йорке, спросил друга детства Варужана:

– Что же было причиной спора твоего отца и дяди Вардана?

– Еще помнишь? – удивился Варуж.

– Да разве ж такое забудется?

– Это не было лишь спором отца и Вардана, это был также спор Бейлана с Кесабом. В каком бы уголке света ни встретились кесабец и бейланец, крепко обнимутся, сядут за стол, выпьют-закусят, вспомнят потери, вспомнят и спорить начнут, обвинять друг друга, но какой от этого прок – что случилось, то случилось...

- А причина, в чем же причина? – нетерпеливо спросил я.
- Для боев с турками бейланцы попросили оружие у кесабцев.
- Не дали?
- Дали, – со смехом сказал Варуж. – Дали ружья, дали винтовки, но... без патронов.

Арутют в потере своей родины обвинял Вардана, Вардан – зарадуранского гнчака Ваге, Ваге – дашнака Грайра, Грайр – константинопольца Артина, Артин – Ншана из Урфы... Вот так, обвиняя друг друга, не становясь плечом к плечу, потеряли большую родину, имя которой Западная Армения...

...Дядя Вардан заболел и слег. Я пошел его навестить. Сказал, что через несколько дней поеду в Сирию в командировку.

- Что тебе привезти, дядя Вардан? – спросил.
- В Кесаб заедешь? – в вопросе дяди Вардана таилась просьба.
- Непременно. – Ответ мой был для него что целебное лекарство.

– Завидую твоим глазам, – с тоской сказал он и продолжил: – Привези горстку земли из Кесаба... Ничего другого мне не надо...

– Наш дом был рядом со столовой «Севан», посмотри, сохранился ли. – Это уже была просьба-поручение его жены, госпожи Марты...

...На обратной дороге я в Дамаске проходил таможенный досмотр.

- Запрещенные предметы имеются? – спросил таможенник.
- Нет, – не колеблясь ответил я.

Таможенник для проформы открыл чемодан, порылся в вещах и уже готовился закрыть его, как вдруг его ладонь наткнулась на наполненный землей мешочек. Он тут же достал его.

- Что это? – подозрительно глянул на мешочек.
- Земля, – ответил я.
- Земля? – с удивлением спросил он и открыл горлышко мешочка. – Куда везешь? – спросил.
- В Армению, по просьбе кесабца Вардана.
- Земля из Кесаба?
- Да, из Кесаба... А что, нельзя?

Таможенник пребывал в замешательстве. Заметив, что досмотр затягивается, подошел другой таможенник, с погонами более высокого ранга.

– Землю везет из Кесаба, – доложил сотрудник, а затем, повернувшись ко мне, спросил: – Для кого везешь, ты сказал?

– Для Вардана, для кесабца Вардана...

– Кем тебе приходится этот кесабец Вардан? – поинтересовался высокопоставленный таможенник.

– Дядей.

Вид у офицера был таинственный, лицо осветила добрая улыбка.

Я много путешествовал, но почти никогда не встречал улыбающихся таможенников, поскольку всех их одолевает страстный розыскной зуд. До сих пор помню эту добрую улыбку.

– Моя старшая матушка тоже армянка, ее зовут Ахавни, так что Вардан не только тебе, но и мне приходится дядей.

В годы геноцида 1915-1923 гг. чудом спасшиеся армяне рассеялись из Тер-Зора по всей Сирии, добрались до Алеппо, Дамаска, Латакии... Арабы дали им хлеб и воду, обеспечили пристанищем, лекарствами и возможностью выжить, нашедших приют в их семьях армянок брали в жены своим сыновьям. Одна из них – Ахавни вот так стала старшей матушкой таможенного офицера.

...В советские годы все наши дороги проходили через Москву. Так что и здесь мне предстояло пройти таможенный досмотр. В Москве не проверяли, а просто перерыли все мои вещи и... «обнаружили» незадекларированный запретный предмет – землю из Кесаба.

– Что это?

– Земля.

– Издеваешься?

Таможенник, выявивший мешочек с землей, вызвал дежурного смены.

– Говорит, что земля, – доложил с ухмылкой.

– Отнеси на экспертизу, – предложил дежурный.

– Несите, проводите, – спокойным, безразличным тоном сказал я и принялся собирать в чемодан разбросанные по всему столу вещи.

Немного спустя рыжий и краснощекий дежурный таможенник вернулся с мешочком в руках.

– Проверили? – спросил я.

– Проверили... Но скажи откровенно, что такого в этой земле, что ты везешь к себе?

– Тоска... Память... Запрещено?

Таможенник оцепенел, ему все казалось, что я над ним насмехаюсь. Не понял... Ведь имя его старшей матушки не было Ахавни...

## КАРАНТИН

...Оставшаяся от растерзанной страны территория в те годы называлась «Советская Армения». Именно слово «Советская» и соблазнило коммуниста Маргара, воодушевило его, подвигло на то, чтобы он собрал все, что нажил в жизни, и, в 1947 иммигрировав из Ливана, поселился в нашем квартале... Братьям его жены Азатуи, которые были дашнаками, отказали, не разрешили, запретили въезд в страну, потому что Армения была Со-вет-ской!..

В Стране Советов Маргара разом раскулачили, отобрали все, что привез с собой, из новеньких пяти грузовиков лишь один «оставили»... Маргара оформили водителем только на том единственном условии, чтобы ежедневно в конце рабочего дня он оставлял грузовик в «гараже». Гаражом же звалась неухоженная, бесхозная, без ограждения и покрытия территория вдали от города. Каждую ночь Маргар доезжал до гаража, ставил машину рядом с другими привезенными им же грузовиками и грустно, с затаенным умилением и сожалением смотрел на них, как взирал бы араб на своих плененных чистокровных коней.

Домой возвращался пешком. Тот же путь проделывал рано поутру – пешком топал до «пленного коня».

Азатуи глаз не смыкала да прихода мужа. При виде усталого, поникшего и отчаявшегося мужа порой напоминала ему:

– Тысячу раз мои братья повторяли тебе – не уезжай, Маргар, там не те коммунисты, о которых ты знаешь, не та это страна. Но нет, не прислушался, не взвесил все, и лишь потому что это братья мои говорили.

Тысячу раз уже слышал Маргар эти слова, терпеливо выслушал и на этот раз, не перечил, не возражал. Единственное слово, которое выдал, было: «Голоден...» Бросил взгляд на спящих рядышком детей. Шестеро, седьмого ждали со дня на день.

Вдвоем сидели у стола со скудным ужином. Воспоминания Азатуи восполняли недостающее масло.

– Маргар, – обратилась она к мужу, – знаешь, что я вспомнила?

– Что? – мягко спросил Маргар.

– Помнишь, когда мы доплыли до Батуми, на пароходе пропагандист объявился, армянский переводчик еще был с ним...

– Помню, – сказал Маргар.

– Помнишь, что сказал?

– Что?

– Сказал, чтобы мы выбросили в море все съестное, все имевшиеся у нас припасы – карантин, дескать. Я еще спросила переводчика: «И апельсины?» – «И апельсины, и оливки – все, все... Карантин», – сказал он.

– Э, Азатуи, душа моя, забудь и вкус апельсинов, и цвет оливок...

В голосе Маргара звучали умиление и чувство вины.

– Знаешь, Маргар, о чем я жалею?

– О чем?

– О шоколаде... Шоколад ведь тоже выбросила за борт...

Маргар улыбнулся и, нежно погладив жену, сказал:

– Не жалею...

Азатуи снова спросила:

– Маргар?

– Говори...

– Маргар, а пропагандист не сказал, когда кончится карантин?

## В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ

К наушникам и доносчикам в нашем квартале поначалу серьезно не относились. Лишь потом, когда взаимное доверие пошло на убыль, поняли, что виноваты эти самые наушники-доносчики,

которых прозвали «би-би-си». Когда же хотели с кем-нибудь словом перекинуться, просто поговорить, то для пущей безопасности оглядывались по сторонам: нет ли поблизости би-би-си?..

Недоверие, подозрительность... гнетущая атмосфера воцарилась в квартале... Доверие убывало, таяло...

В те годы строго запрещалось заниматься частным делом – будь то портняжничество, коврокчество, обувное или же ювелирное дело, ремесло мебельщика... Среди репатриантов же встречалось немало тех, кто владел тем или иным ремеслом. Причем это были мастера высокого уровня... Солидный вклад в дело выявления золотых рук мастеровых внесли би-би-си... При их непосредственном содействии участковый Бегларян регулярно оповещался об оных и каждый месяц исправно взимал с них жирную мзду, би-би-сийцам же перепали жалкие премиальные обеды.

Как-то один из усердствовавших би-би-си выявил нового предпринимателя – мастера по изготовлению бастурмы Овакима. Бегларян тут же решил и Овакима включить в список своих налогоплательщиков. Вместе с приспешником из рядов би-би-си отправился к нему домой. В коридоре стоял стойкий, остро бьющий в нос запах красного перца, тмина и тогда еще незнакомых нам восточных приправ.

Оваким принял их без паники, без замешательства. Знал, все одно когда-нибудь в ближайшие дни нагрянут.

– Бастурму, значит, готовишь, товарищ Оваким?

– И суджух тоже, товарищ Бегларян, – спокойно, тоном занятого честным трудом человека ответил Оваким.

– Какой доход имеешь?

– На содержание семьи хватает.

– Значит, продаешь? – заключил Бегларян.

– Фактами подтверди, укажи, – уверенно заявил Оваким, отнюдь не считая себя уличенным в «преступлении».

– Этому человеку за сколько продал? – Бегларян головой указал на приспешника.

– Этому? – удивился Оваким, потом вроде бы вспомнил: – Вчера приходил, спросил: «Есть ли бастурма, мастер Оваким?» Я и ответил, что есть.

Потом спросил его, то бишь приспешника:

– Не дал ли тебе кусок?

– Да, дал.

– Деньги с тебя взял?

На мгновение воцарилась тишина. Оваким повторил свой вопрос:

– Деньги с тебя взял?

– Нет, денег не взял, сказал, мол, в следующий раз...

Оваким громко расхохотался:

– Так что же, это и есть следующий раз?

Потом обратился к участковому:

– Товарищ Бегларян, в следующий раз без этого плохого человека приходи, что-нибудь придумаем...

## КОНСТАНТИН ШАКАРЯН



*Поэт, переводчик. Родился в Москве. Стихи, переводы, эссе публиковались в российской и зарубежной периодике, в журналах “Новый мир”, “Звезда”, “Плавучий мост”, “Наши современник”, “Москва” и др. Лауреат премии журналов “Звезда” (2020) и “Наши современник” (2021). Живет в Ереване.*

## ПОЛЯМИ РАЗЛИЧНОГО ЗРЕНИЯ

\* \* \*

И день не без радости про́жит,  
И год не без пользы прожѐт.  
(Без радости – сердце не может,  
Без пользы – душа не лежит.)

Февраль, тороплив и бесснежен,  
Сдаётся на милость весне.  
Мороза устойчивый стержень  
Уже обломился вчерне.

Не слышно холодного духа,  
Свободны от пара слова.

За дверью и мягко, и сухо,  
Из окон сквозит синева...

Большая зима на исходе.  
И, взглядом окинув её,  
Припомнишь в умчавшемся годе  
Нетленное что-то своё,

И в новом, без фальши и позы,  
Замолвишь себе невзначай:  
Дай, Господи, чтоб не без пользы,  
И чтоб не без радости – дай...

\* \* \*

В мире взрослых забот и страстей  
(Неуклюжая, трудная строчка)  
Дети – новых рожают детей:  
Появляются – сын или дочка.

Появляются – дочка и сын.  
Появляются – дом и порядки.  
Появляются – стол, магазин...  
Игры – в салочки, жмурки и прятки.

Всё когда-то с игры началось  
И кончается – тоже игрою.  
На ура – наобум – на авось...  
И насмарку – бывает порою.

В мире взрослых забот и страстей,  
В мире слёз и улыбок уставших  
Вечно дети глядят на детей –  
Заигравшихся, переигравших.

## Из цикла “ВСЕМИРНЫЙ КАРАНТИН”

1.

Я сижу под домашним арестом.  
Чередуются дни, как во сне.  
Вот и стали излюбленным местом  
Дворик с улочкой в нашем окне.

Карантином приписанный к дому  
С человечеством всем заодно,  
Начинаешь глядеть по-иному –  
На себя самого и в окно.

В эти дни мирового "weekend"-а,  
Заклучившего всех под замок,  
За провинность наказаны кем-то,  
Отбываем положенный срок.

Уповаем на скорое чудо...  
А в окне – в недоступной судьбе –  
Наше время, в котором покуда  
Нету места ни мне, ни тебе.

2.

Я к маске привык. В ней по городу странствую ныне –  
Столице своей перепуганной насмерть страны.  
Лица половина покоится, будто в пустыне.  
И все перед вирусом, как перед Богом, равны.

И все покорились привычкою ставшему страху,  
Своих не отстаивая на дыхание прав.  
И вряд ли захочется маску рвануть, как рубаху –  
За выход без маски теперь полагается штраф.

Туристы проходят и, маску приспустят едва лишь, –  
Состроят улыбку, направленную в объектив...  
Всего, как ни жалуйся, нынче на власти не свалишь:  
Планета хворает, и вирус зловещий – не миф.

Планета хворает... Но близится время развязки:  
Развеются вирусы на медицинских ветрах,  
И город мой сбросит привычкою ставшие маски...  
Отлепится ль вовремя ставший привычкою  
страх?..

## ИЗ ДНЕВНИКА

1.

Это – смыслом становится жизни  
(Чем в итоге её ни венчай):  
В думе чьей-либо, в беглой ли мысли  
Обнаружить себя невзначай.  
Уловить в набегающем слове,  
В понимающем блике лица...  
Удивляться и быть наготове:  
Не предвидится смыслу конца.  
Бытия круговая порука.  
Всё вокруг – от любви до испуга  
Смыслу сущему подчинено:  
И вливанье знакомых друг в друга,  
И слиянье любимых в одно;  
Преломленье ума в подсознание,  
Яви перерождение в сны,  
И извечное перетеканье  
В зиму – осени, в лето – весны...  
Без огня – не раскурится дыма,  
Без воды – не поднимется туч...

Есть ли что-либо смысла помимо,  
Что ответственен столь и могуч?  
...Первородства начальная мета,  
Обособленность зла и добра:  
До шестого – над миром – рассвета,  
До судьбы, до греха, до ребра...

2.

Повыходили замуж все подруги,  
И кто куда разъехались друзья.  
Иному посвящаются досуги,  
Иначе осмысливается стезя.

Нет повести банальнее на свете,  
Заезженной мотива не найти.  
...И у одних уже родились дети.  
Других встречают новые пути...

А я остался вновь на прежнем месте,  
Ни памятью, ни кровью не горя.  
Сижу себе, что кура на насесте,  
Высидиваю что-то втихаря.

Не слышно никаких воспоминаний,  
Сколь пристально к себе ни приложись.  
Слыла когда-то молодой да ранней  
Ракушкой расшумевшаяся жизнь.

Всё совершалось весело и споро,  
Расплывчато и смутно, как во сне.  
Но все мы оказались очень скоро  
У молодости новой на блесне.

И спор затих. Не слышно разговора.  
И смех растаял льдинкой по весне...

Но лишь теперь понятно в самом деле,  
Какие дали разделяли нас,  
Какие пропасти меж нас висели –  
Куда непроходимей, чем сейчас.

И видишь с нынешнего перевала  
И удивляешься за все года:  
Как юность лихо преодолевала  
Все эти расстояния тогда...

3.

В поэзии русской фамилий различных  
Немало – обыденных и непривычных  
Для русского слуха – звучащих не прямо,  
А косвенно, что ли, нерусски-упрямо.

От Фета до Блока. От Блока – и дале  
По списку. Фамилий своих не меняли  
Одни, а другие, сомненьем гонимы,  
Натягивали на себя псевдонимы.

А за псевдонимом – нерусское что-то  
Скрывалось... А впрочем, была бы охота –  
И русских по крови, не ведая броду,  
Могли б мы на чистую вывести воду.

Но в том ли поэзии горькое горе,  
Что в море её в нескончаемом споре  
Различных кровей торопливые реки  
Вливаются, чтоб раствориться навеки...

А спору тому – ни конца и ни края,  
Фамилии-волны мерцают, играя,  
И камни за пазухой, вечные камни,  
Всё точат, и точат, и точат веками...

\* \* \*

Спасибо за дом и за хлеб.  
За слитность души и погоды.  
За детства последний захлёб  
И зрелости первые всходы.

За расположение в окне  
Простого пейзажа. И даже  
За то, что порой не вполне  
Уместен я в этом пейзаже...

Шагаю в снега и дожди  
Полями различного зренья,  
И странно теснятся в груди  
Все возрасты и поколенья.

Судьба – не иголка в стогу.  
И всё же в разлуке со стогом  
О многом пропеть не смогу  
В открытом пространстве жестоком.

А время течёт в темноту,  
Подвержено чудному бегу,  
Невидимое на свету, –  
Вослед уходящему снегу,  
Прозренью и тайне – вослед,  
Навстречу весне и капели...  
...Спасибо за штормы, за мели,  
За ветры, дожди и метели,  
За лунный и солнечный свет.

## ВЛАДИСЛАВ ЧЕРЕМНЫХ



*Родился в 1958 г. Инженер. Работал на предприятиях нефтепереработки, нефтехимии, химии. Последние 16 лет работал в японской корпорации. Писать начал в 2009 г. Живет в Перми. Публикуемая повесть описывает реальные события. Изменены имена лишь очень немногих героев.*

## ПРЕДАТЕЛЬСТВО

### *Повесть*

*27 февраля 1988 г. Суббота. Утро. Стрельбище 137-го Рязанского полка 106-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии.*

Поле было покрыто снегом, вдали виднелась берёзовая рощица, а за ней поднималось февральское солнце. По грязной от подтаявшего снега просёлочной дороге ходили чёрные вороны. Вороны сидели и на торчащей из снега прошлогодней траве – много ворон, может быть тысяча.

Короткие автоматные очереди разорвали тишину. Вороны шумно взлетели в светлое небо, чёрной тучей закрыли всходящее

солнце, заметались над полем, оглашая округу тысячеголрым зло-вещим карканьем.

В неглубоких окопчиках лежали едва заметные на снегу солдаты в маскхалатах, в белых касках и стреляли по мишеням. Над снегом виднелись их розовые молодые лица. От дыхания бойцов в морозном воздухе поднимались струйки пара.

Серёга целил, зажмурив глаз, – ствол, мушка, силуэт врага. Короткая очередь на раз, два, три:

– На!.. – и звонко: – Ефрейтор Наговский стрельбу закончил!

По цепи раздаются крики товарищей:

– Стрельбу закончил... закончил... закончил...

Строй фанерных врагов поредел и обречённо ждал своей очереди ткнуться в снег.

Отделение стрельбу закончило.

Серёга опрокинулся на спину, посмотрел в небо – а там вороны. «Сейчас обосрут», – подумал он и перевернулся на живот.

За стрельбой наблюдал прапорщик Николай Иванович. Ему было всего двадцать семь, но в полку к нему обращались не иначе как Николай Иванович. Так величали его еще с Афганистана, когда однажды комбат обратился к нему перед строем по имени-отчеству – точно подошло. Николай Иванович легко подошёл к одному из бойцов:

– Автомат!

Солдат отдал автомат. Николай Иванович встал на колени, привычным движением прижал приклад к плечу и с ходу, одна за другой, уложил ещё не поражённые мишени. Прапорщик оглянулся на своих бойцов. «Нормально», – подумал про себя, а вслух скомандовал:

– Отделение, становись!

Сам встал, держа автомат стволом вверх, оттянул, как положено, затворную раму, осмотрел патронник, с характерным железным лязгом отпустил затвор, нажал спусковой крючок – магазин пуст и поставил автомат на предохранитель.

Бойцы тем временем встали в шеренгу. Холодно.

– Чё, замёрзли, рязанцы? Оправиться и греться! Разойдись! – скомандовал Николай Иванович и кинул автомат бойцу: – Учись, солдат!

Бойцы сложили автоматы в стороне пирамидой, кто-то толкнул соседа, тот ответил, ноги его разъехались и – бах! – упал в снег. Гибкий, вёрткий Серёга Наговский, попрыгав на месте, прицелился в широченную спину одногодка Вахи – тот с серьёзным лицом наблюдал русскую равнину – и с разбегу толкнул его. Оба повалились на искрящийся наст, рычали, смеялись, засыпая друг друга розовым снегом. Потом Ваха вскочил, и понеслась лезгинка – в валенках, в маскхалате, только каску с подшлемником скинул в снег. Серёга, сев по-турецки, отбивал ладонями такт:

– Давай, Ваха! Давай! А...а...а!

Солдаты кричали, били в ладоши, приплясывали, кто как мог. Николай Иванович закурил, сбив ушанку на затылок, – он был доволен парнями.

В небе у самого горизонта, боясь подлететь ближе, металась чёрная туча ворон, но их злобного хора никто не слышал.

*Сумгаит. Азербайджанская ССР. 27 февраля 1988 г. Суббота.*

За праздничным столом по поводу двадцатилетия Марины собралась семья Аванесянов. Родственники радостно усаживались – стук стульев о пол, радостный гомон, звон посуды, улыбки, поцелуи и слёзы. Дядя Сурен, отец Марины – ему уже под шестьдесят, но он молодится, – постучал ножом о фужер, и все притихли. Он открывал шампанское: раскрутил осторожно проволоку, ободрал серебристую фольгу, потихоньку спустил газ. Все, особенно женщины, ждали, затаив дыхание. Наконец он достал капроновую пробку – прямо как сапёр обезвредил мину, – и всё! Прошу бокалы!

Над столом смех, а дядя Сурен, как герой, разливает игристую жидкость по фужерам.

Отец Марины встал с поднятым фужером в руке. Пауза... Все ждали, с нетерпением глядя на него, а он смотрел на дочку.

– Доченька, – с чувством начал дядя Сурен, – я хочу выпить за тебя, за твоё светлое будущее. Пусть тебе в жизни встретятся только хорошие люди. Учись, старайся, и у тебя всё получится... – Отец расчувствовался, даже глаза предательски заблестели. – Мы с мамой так тебя любим!..

Мать прижалась к руке мужа, кивает: всё так, дочка, будь счастлива...

Зазвенели бокалы. Все тянулись чокнуться с Мариной, но тут радостный семейный праздник прервал шум из-за приоткрытой балконной двери. С улицы раздавались крики сотен людей – не разобрать, что кричали, только бах! бах! бах! эхом разносилось над улицей.

Балконную дверь закрыли. Тётя Рая – жена двоюродного брата Марины, взволнованно начала рассказывать, как они ехали по городу. Фужер с золотистым шампанским в её руке так колыхался над столом, что Рая едва не облила соседей.

– Мы с трудом проехали. У вас в Сумгаите такое творится! Как это возможно? Вернёмся в Баку – всё расскажу. Везде демонстрации. Объезжали да объезжали. Кругом люди в чёрном...

Её спросили: а как у вас в Баку?

– Спокойно. Мы утром выезжали без проблем. Алик ещё порадовался, что дорога свободная.

Муж поймал руку Раи и сказал тихо, по-семейному:

– Давайте выпьем за Мариночку.

Все посмотрели на Сурена. Тот обвёл взглядом жену, гостей, дочь:

– Счастья тебе, дочка!

Все выпили, а потом ещё и ещё, и полился разговор, и все уже забыли про улицу и крики. Но тут в радостный шум семейного праздника ворвался звон разбитого стекла.

– Что там такое?! – возмутился дядя Сурен, встал и начал пробираться между столом и диваном к балкону, жена только успела придержать полу его кремового пиджака, чтобы не угодил в салат. Отец вышел на балкон, да так там и остался. Гости, подождав немного, тоже потянулись к балкону.

По улице, мимо их пятиэтажки, двигалась чёрная людская масса. Слышались крики: «Армяне, вон!..» и следом, как по команде: «Армяне, вон из Азербайджана!..»

Марина выскочила на балкон весёлая – шампанское ударило в голову – и закричала в ответ:

– Тогда долой азербайджанцев из Азербайджана!

Мать схватила её за руку и вполголоса сказала:

– Тише, ты в своём уме? Не кричи!

– А что? Я ведь тоже родилась в Азербайджане, и у меня такие же права, как и у них. Равноправные мы. Ведь мы все живем в Союзе.

Из толпы послышались крики:

– Армяне, выходите, мы вас на огне зажарим!..

Тётя Рая совсем расхрабрилась – чёрт дёрнул её закричать:

– Чушки вы, чушками были, чушками и останетесь, никогда людьми не станете!

Толпа завопила: «Зажарим!!!»

Армяне, застыв, стояли на балконе. Наконец до них дошло, что в их жизни что-то круто и необратимо изменилось и к прежнему возврата уже не будет.

*Сумгаит. 27 февраля 1988 г. Суббота. Вечер.*

В вечерних сумерках шёл автобус. Над лобовым стеклом белела табличка: «Оргсинтез», а в правом нижнем углу виднелась надпись: «Диспетчерский». Автобус шёл по графику по своему обычному маршруту, собирая вахтовых рабочих. За рулём сидел Александр Гамбарян, а рядом с ним, развалившись на сиденье перед лобовым стеклом, дремал Муслим – дежурный оператор «Оргсинтеза». Они давно знали друг друга, друзьями, правда, не были, но, как все заводские, здоровались, и им от этого было хорошо. Александр заговорил первым:

– Мимо автовокзала ехал – там машины жгут. Орут, чтобы армяне убирались из города.

– Э, сам не пойму, что творится вокруг. Говорят, свадьба была. Ваши ребёнка из автобуса выбросили. В Кафане\* убивают наших...

– Быть такого не может! Интересно, кто и зачем распространяет такие небылицы?

За лобовым стеклом на обычном месте показалась группа работниц с завода – они ждали автобус. Александр подкатил к ним, с пневматическим шипением открыл передние двери. Женщины поднимались в салон молча, только одна из них, русская, весело поздоровалась:

– Привет, Саш! Здравствуй, Муслим!

Женщины расселись по местам, автобус тронулся. Муслим предложил Александру:

– Давай на Нариманова сворачивай.

– Что так?

– От греха подальше. На Дружбе демонстрация.

Автобус катил по вечернему городу. Свет фар выхватывал из мрака зимних сумерек голые деревья, кубы чёрных домов с освещёнными окнами, улицы. По стеклу покатались первые струйки дождя. Вот фары вырвали из темноты указатель: ул. Ленина. Дорогу преградила толпа молодёжи, человек сто. Размахивая флагом Азербайджанской ССР, чёрным и белым флагами, толпа орала: «Останови! Останови!» В лучах света пассажиры увидели перекосенные ненавистью лица.

Александр сбросил скорость. Двери затряслись от ударов ног и обрезков арматуры. Слышались крики: «Армяне есть?! Выходи!!!»

Русская закричала Александру:

– Не останавливай, Сашка! Езжай! Езжай!

Александр нажал на газ. Муслим закричал в открытую форточку по-азербайджански: «Нет армян! Не видите, что ли?!»

Толпа побежала вслед набиравшему скорость автобуса, продолжая бить в борта обрезками арматуры, швыряя камни. С шумом разлетелось заднее стекло, следом посыпались осколки бокового, в салон ворвался холодный ветер с улицы. Женщины едва

---

\* Так произносят азербайджанцы название армянского города Капана.

успевали пригибать голову к коленям, визжали. Александр переключил скорость своего заезженного автобуса и погнал по улице Ленина подальше от центра, к заводу. Разъярённая толпа осталась в сумерках сзади.

Мимо клуба химиков СК, стуча каблучками, бежали две девушки: именинница Марина и её подруга Анаит. Они пробежали мимо автобусной остановки, где озверелая толпа била стёкла автобуса, жгла покрышки. Кто-то швырнул бутылку с зажигательной смесью на место водителя, и кабина запылала, освещая верхушки голых деревьев. Языки пламени плясали в промозглых февральских сумерках, колыхались на стенах домов. Тут же, у расписанной стены остановки, несколько человек избивали мужчину – наверно, это был шофёр. Били кулаками, а когда он упал, принялись колотить ногами, арматурными прутьями. Слышалось рычание толпы: «Карабах!», «Карабах!», «Карабах!»...

Девушки бежали из последних сил, чуть не падая. Ужас словно заморозил их сознание, страхом застекленел в глазах. Анаит не могла оторвать огромных глаз от остановки. Марина шептал как заведённая:

– Не смотри... мы не будем смотреть... мы не будем смотреть...

Голые кусты отделяли тротуар от места убийства, и чёрные тени сквозь эти голые кусты словно вонзались в человека. Подружек не заметили, не обратили внимания, и они пролетели мимо.

Диспетчерский автобус «Оргсинтеза» в это время несся, фырча, по пересекающей улице. Александр увидел девушек, притормозил и открыл передние двери. Муслим высунул голову из автобуса и закричал:

– Давайте сюда, быстрее!

Обезумевшие от ужаса девушки припустили к автобусу и на ходу, забыв про мокрый асфальт, кинулись одна за другой на подножку. Муслим помог им. Анаит он просто втащил в салон за шиворот.

– Все? – Александр бросил взгляд в зеркало и до отказа нажал педаль газа, разгоняя автобус до последней его возможности, мо-

тая пассажиров на сиденьях. Марина упала руками на пустое сиденье, сплошь засыпанное осколками стекла.

– Ай!

Муслим поднял её, а она лизала пораненную ладонь.

Автобус погнал дальше: мимо горящего жигулёнка, мимо сгоревшего троллейбуса с обвисшими усами. Вахта прилипла к окнам – город стал чужим, и они его боялись.

Александр спросил подружек:

– Вам куда?

– В Третий микрорайон.

– На Лермонтова высажу.

Автобус остановился у поворота во двор. Анаит и Марина выскочили на асфальт и, прижавшись друг к другу, побежали к горящим огнями пятиэтажкам. Цок, цок, цок – стучали каблучки по асфальту, но только не весело, а как-то рвано, будто захлёбывающиеся удары сердца. Девушки вбежали в свой двор – чёрный квадрат неба в раме пятиэтажек, голые ветви деревьев. В темноте за кустами белела большая палатка – ветер хлопал белыми полотнищами. Девушки пробежали мимо палатки и скрылись в одном из подъездов.

*Сумгаит, 3-й микрорайон. 28 февраля 1988 г. Воскресение.*

Халафяны стояли во дворе у белой палатки: Римма – вдова, вся в чёрном, дети, внуки, зятья, невестки, родственники и знакомые. Сегодня они отмечают сороковины отца семейства, старшего Халафяна.

– Сердце что-то давит, – пожаловалась Римма Тиграну – отцу младшего зятя.

– У меня нитроглицерин с собой, хочешь?

– Нет, потерплю.

Владимир, старший зять, с тревогой смотрел на дворовый проход между двумя пятиэтажками. Там топтались незнакомые люди, недобро поглядывая на собравшихся армян.

– В городе неспокойно, – сказал Владимир, оглянувшись на тещу.

Римма твёрдо ответила:

– Мы должны помянуть папу. Столько людей позвали. Из Баку приехали.

Тигран положил руку на покатое плечо Риммы, прижал её к себе.

– Пойдём, Римма, к участковому сходим. Пусть милиция поможет.

– Да, пойдём, Тигран. Участковый наш в доме номер семь живёт.

Они пошли, а гости остались стоять у палатки. Женщины в чёрных платках расставляли поминальные угощения. Подходили новые приглашённые, соседи.

А в это время Александр Гамбарян, вернувшись с ночной смены, завтракал с отцом и матерью на кухне. С улицы в открытую форточку доносился шум. После ночных волнений Александру хотелось тишины и ещё хотелось выспаться, но шум с улицы будто колотил его по левой щеке, не давал есть, да и спать уже расхотелось. Александр бросил ложку на стол, встал и вышел на балкон. Вслед за сыном на балкон вышел и отец. С пятого этажа их серого панельного дома площадь перед кинотеатром «Космос» была видна как на ладони. Отец с сыном стояли, опираясь на перила балкона, и хмуро смотрели на тревожную картину: на площади стояли друг перед другом люди – чёрная толпа и солдаты внутренних войск со щитами и дубинками. С балкона было не разобрать, что кричала толпа в чёрном, но было видно, как она колыхалась, бурлила и осыпала градом камней солдатиков. Камни ударялись о щиты, как о пустые вёдра, но иногда попадали в живое, и тогда солдаты отводили согнувшегося от боли товарища за деревья.

– Почему они стоят, пап? – спросил Александр у отца.

– Приказа у них нет.

Солдаты не выдержали, начали подбирать камни и кидать обратно в бесновавшуюся толпу.

– Как дети, – грустно сказала вышедшая на балкон мать. – Смотрите, из гостиницы фотографируют.

– Это специалисты из Фээргэ. Я их на «Оргсинтез» возил, – сказал Александр. Заслоняя ладонью глаза от солнца, он разглядывал толпившихся на гостиничном балконе людей.

Наконец солдаты пошли теснить толпу. Чёрная масса начала отступать, но вдруг, как по команде, ошетилилась сотнями заточек из арматуры и вонзилась в солдатский строй – они кололи щиты, вгоняли заточки снизу под бронежилеты, а потом добивали согнувшегося беднягу, и уже не спасти его товарищам.

С балкона всё было видно – звериная ненависть, кровь, соседские балконы справа и слева с ящиками под цветы.

Вдруг на площадь ворвался грузовик и влетел прямо в шеренгу солдат. Те, кто не успел отбежать, упали на асфальт, поползли к газону, остальные бросились врассыпную.

Из машины выскочили крепкие парни с заточками в руках и ринулись на солдат.

Ребята-срочники ВВ, которым не доводилось видеть такое, побежали, бросая щиты. Один из солдатиков запнулся обо что-то и упал.

– Что вы делаете?! – закричал Александр, вцепившись в перила.

А солдатика уже били арматурой, не разбирая куда.

– Господи, да что же это такое! Что они творят! – выдохнула мать, прижав пальцы ко рту.

Часть озверевшей толпы развернулась и пошла в микрорайон мимо дома Александра, по тротуару, под балконами. На ходу погромщики перевернули и подожгли мотоцикл. Слышались крики: «Армяне, выходите! Сожжём!!!»

– Что, советской власти больше нет? – беспомощно шептал отец и тёр грудь там, где сердце.

Гамбаряны ушли в комнату и встали там посредине ковра, между стен, которые уже не были защитой. Первая заговорила мать:

– Давайте пойдём к соседям, не до гордости сейчас.

Толпа затекала во двор. Среди первых шёл мужчина в чёрном плаще и белоснежном шарфе.

Навстречу толпе вышел участковый милиционер. Собравшиеся на поминки армяне стояли у палатки и с тревогой смотрели на

своего участкового – тот, пытаясь объяснить Чёрному плащу про поминки, в такт словам разводил руками и всё время оглядывался во двор. В ответ Чёрный плащ что-то цедил ему сквозь зубы, не вынимая рук из карманов. Когда милиционер увидел, что толпа уже обступила его чёрным полукольцом, он последний раз обернулся на двор, к армянам, – в глазах его была такая тоска, что женщины, без слов поняв бессилие власти, прижали к себе ребятишек. Участковый махнул рукой в знак согласия и побежал к Халафьянам.

– Пятнадцать минут, – запыхавшись, бросил он на ходу армянам, – через пятнадцать минут никого здесь не должно быть. Уходите! – и сам побежал прочь.

Армяне, словно окаменев, стояли с растерянными лицами. Когда, наконец, весь ужас положения дошёл до сознания каждого, они бросились спешно собирать со столов поминальную еду, потом ринулись с сумками, салатницами и хлебом кто в подъезды, кто в припаркованные машины – всё это на глазах готовой разорвать их чёрной толпы. Римма с родственниками спешила в свой подъезд.

Двор замер, мгновения казались вечностью, и песок кружил по асфальту. А потом понеслось! Чёрная орущая масса вползла во двор. Погромщики крушили палатку, скамейки, столы. Огненными лепестками мгновенно взвились в небо белые полотнища, и над двором за клубился чёрный дым. Обкуренные подростки перевернули припаркованный у газона жигулёнок, подожгли несколько деревьев – в небо поднялись клубы летящего пепла и запах гари.

Халафяны бежали в тёмном подъезде по узкой лестнице к своей двери на первом этаже. Римма дрожащими руками пыталась открыть дверь – ключ не попадал в замочную скважину – а со двора приближался вой толпы и топот сотен ног. Всё ближе, ближе...

Андрей – младший зять Риммы, поднял упавшую связку ключей и открыл дверь. Халафяны бросились в квартиру, заполнив малюсенький коридор и гостиную. И встали обессиленные. У Риммы слёзы потекли по щекам – в этой двушке прошла её жизнь

с мужем: вот диван и пианино, и ковёр на стене, который они купали вместе, на пианино портрет мужа.

Андрей запер дверь. Римма, обернувшись, прошептала сквозь слёзы:

– Надо подпереть дверь.

– Они не войдут в квартиру, спокойно, – сказал Тигран и поставил на стол две бутылки водки, а Владимир разложил закуску, которую успел взять с поминального стола.

– Ставьте, что успели забрать. Помянем папу.

На стол выложили тарелки с растрёпанной едой, в центр положили хлеб. Тигран ломал его и раздавал всем. Владимир разливал водку.

– Поставьте и ему, – сказала Римма, подняв глаза на портрет мужа с чёрной ленточкой.

Перед портретом поставили стопку водки и хлеб на блюде.

Все подняли рюмки. Дети притихли, прижавшись к своим матерям.

А между тем из подъезда доносился топот ног, серая панелька дрожала, как живая.

Вдруг страшный грохот с верхнего этажа потряс всё здание – словно сервант упал с посудой, следом раздался женский крик:

– Помогииите! Не наадооо!!!

– Это у Аванесянов, Марина кричит, – тихо сказала младшая дочка Риммы.

Раздался звонок во входную дверь. Все со страхом посмотрели в сторону прихожей. Владимир поставил рюмку на стол и подошёл к двери.

– Кто там?

– Сабиргюль, соседка. Дайте позвонить. Тромбонисту Шурику плохо.

Владимир открыл дверь и впустил соседку-азербайджанку.

– Телефон не работает. Не могу до скорой дозвониться.

– Проходи. Телефон вон на тумбочке.

Сабиргюль торопливо кивнула всем, здороваясь, и, склонившись над телефоном, набрала на диске номер. В ответ раздались короткие гудки – их, казалось, слышали все.

– Тоже занято. Что же делать? Шурика ударили. Плохо ему.

В это время со звоном разлетелось стекло на остеклённом балконе, следом рассыпалось стекло кухонного окна. Женщины завизжали, прижимая к себе детишек. Тигран спокойно сказал:

– Сабиргюль, скажи им, что здесь нет армян.

Сабиргюль кинулась к разбитому кухонному окну и крикнула толпе, стоящей на тротуаре, по-азербайджански:

– Нет здесь армян! Убежали они!.. Нет армян! – потом, повернувшись к Халафянам, сказала вполголоса: – Боюсь я...

Тигран скомандовал всем:

– Давайте в подвал! Соседка, ты побудь здесь немного, пока все спрячутся.

– Одна не останусь. Не останусь!

– Я буду с тобой. Ты только кричи, что нет армян.

Сабиргюль кинулась к окну и срывающимся голосом закричала по-азербайджански:

– Нет армян!!! Нет армян!!!

Владимир бросился на балкон, откинул половик и открыл люк в самодельный подвал под балконом. Все торопливо прошли в балконную дверь и спустились по лазу в подвал. Всё это происходило в крайнем смятении, но никто не толкал другого. С улицы их не увидели – армян закрывали занавески.

Андрей схватил отца за плечи, прижал к себе:

– Отец, я останусь с тобой.

– Я с Сабиргюль уйду. Спускайся. Береги жену, – и подтолкнул Андрея к лазу. – Идите, всё обойдётся.

В квартире остались только Тигран и продолжавшая кричать Сабиргюль. Все окна были уже перебиты. Под ногами хрустело стекло, валялся битый кирпич и галька. Тигран закрыл люк, постелил поверх половик и вернулся в гостиную.

– Иди к себе, Сабиргюль, – и, взяв отчаявшуюся женщину под руку, вывел в прихожую. – Иди. Ты азербайджанка.

– А ты как, Тигран?

– Я в спальне спрячусь. Иди.

Тигран отодвинул задвижку, открыл дверь, выпустил Сабиргюль на лестничную клетку и быстро захлопнул дверь.

По лестнице с криками спускалась толпа погромщиков, они волокли Черкеза – мужа учительницы с четвёртого этажа. Черкез был весь в крови, рубаха разорвана в клочья. Сзади его толкали в спину. Погромщик, идущий ниже, ударил Черкеза кулаком в лицо, и тот, размазывая кровь по белёной стене, скатился вниз по ступенькам, прямо к ногам Сабиргюль.

Сабиргюль невольно опустилась на корточки перед Черкезом, своим давним соседом.

– Черкез... – выдохнула она.

Бандит, только что ударивший Черкеза, толкнул Сабиргюль, та упала на бетонный пол, а парень навис над ней, готовый ударить её в лицо поднятым кулаком.

– Ты армянка?! Армянка! Армянка!

– Азербайджанка я! Вот моя квартира.

– Скажи «фындых»!

– Фындых... У меня брат есть, Вагиф.

– Иди к себе! – Чёрный кулак медленно опустился.

– Фындых, фындых, – продолжала шептать насмерть перепуганная Сабиргюль.

Черкеза волокли за ноги вниз, голова его колотилась о ступеньки. На улице, у подъезда ему не дали встать, прыгали на нём, а потом какой-то подонок колотил металлической миской его по лицу – наверно, чтобы не разбить руку. Лицо Черкеза превратилось в сплошное кровавое месиво.

Тигран поспешно убрал со стола рюмки и только успел ступить за порог спальни, как входная дверь с треском вылетела из проёма. В квартиру ввалилась толпа погромщиков. За ними вслед спокойно вошёл Чёрный плащ. Взгляд одного из погромщиков упал на портрет с чёрной ленточкой.

– А, так вот где сороковины! Они хлеб жрут! – заорал он.

Второй погромщик, совсем подросток, подскочил к пианино, схватил портрет и с размаху швырнул его на пол. Стекло искрами разлетелось по полу.

– Нет никого.

Чёрный плащ подошёл к пианино, распахнул свой плащ и сел на вращающийся стульчик.

– Посмотрите в спальне.

Погромщики кинулись в спальню и вытащили в гостиную Тиграна.

– Где все? Родственники где? – тихо спросил Чёрный плащ, вертясь на стуле то вправо, то влево.

Тигран молчал. Ему почему-то казалось, что его, старого, седого, унижать не станут. Он смотрел на человека в чёрном плаще и пытался вспомнить, где он видел этого щёголя – может быть, в горисполкоме?

Тиграна ударили ногой в живот, потом под колени, а дальше... дальше Тигран лежал на полу молча, стиснув зубы, – ни стопа, ни всхлипа, только бы родные не слышали. Кровь текла на пол из разбитого носа. Краем глаза он видел, как погромщики хозяйничали в квартире, как вываливали на пол посуду, вещи, книги. Потом перед глазами потемнело...

Из спальни вышел мальчишка лет пятнадцати:

– Там больше никого нет.

– Под кровати смотрите. Эти крысы под кроватями любят прятаться, – распоряжался Чёрный плащ.

Родные Тиграна стояли в тесном подвале вплотную друг к другу. Андрей всё порывался подняться по лестнице.

– Пустите, там отец. Пустите меня! – просил он.

Его остановила Ирина – схватив супруга обеими руками за плечи, она прошептала:

– Тише, они услышат. Папу увела Сабиргюль.

– А если он там? Если его бьют?

– Нет, он ушёл, – твёрдо сказал Владимир.

Послышался скрип крышки люка: кто-то вышел на балкон. Все притихли, напряжённо глядя вверх, даже дети. Вышедший постоял немного на половике, прикрывавшем лаз, и вернулся обратно в комнату.

Тишина... и вдруг хлопнула крышка пианино, и забренчали по клавишам, и запели “Джуджалярым”: «Цып-цып-цып, мои цыплятки...». Римма стояла, обливаясь слезами.

На пианино играл Чёрный плащ. Погромщики орали: «Джип-джип, джуджалярым...»

Тиграна поставили на колени. Его хлестали по щекам, а сзади поддерживали, чтобы не упал. Старик не слышал песни, сосредоточенно думая о том, что забыл сказать Андрею, чтобы выкрутил лампочку в подвале – вдруг кто-то из этих щёлкнет выключателем на балконе.

В подвале было душно. Старшая внучка Риммы присела на корточки, младшую Владимир взял на руки. Стоявшая рядом с Риммой пожилая родственница, широко раскрыв глаза и закусив губу чуть не до крови, прошептала:

– Больше не могу. Сколько ещё будем стоять здесь?

– Потерпи... – шепнула в ответ ей Римма.

Из квартиры доносился приглушённый говор:

– Ковёр скручивай... Смотри, тут пальто с ламой.

Вдруг с улицы донёсся девичий крик, постепенно перешедший в хрип.

Андрей протиснулся к крохотному оконцу и посмотрел во двор через сетку.

В сумерках он увидел, как на середину двора толпа выталкивала Марину – её щипали, шлёпали, толкали, какой-то мальчишка пнул её сзади. Девушка шла уже молча, только ладонями закрывала лицо. Голова с растрёпанными чёрными волосами моталась от толчков из стороны в сторону. Вот и поляна у спортивной площадки. Марина встала среди одуревшей шпаны, закрыв лицо руками, – жалкая, униженная... Но вдруг что-то круто изменилось в ней – может, вспомнила, что она армянка? Девушка подняла лицо к небу – а там серые тучи, крыши домов и балконы, а на балконах люди. Лиц их она не видела, но знала – все глаза устремлены на неё.

– Нате, смотрите! Вот она я!

От подъезда дома напротив тащили парня – молодого, худого, в светлой разорванной рубаше, и тут неожиданно с тротуара встал человек – лежала куча светлого тряпья – и вдруг поднялась. Это был Сурен, отец Марины. Он шёл на бесновавшуюся толпу, едва переставляя ноги, сломанные руки болтались плетями. Шёл пря-

мо на толпу, и седая голова его тряслась от каждого шага... Его ударили арматурой, потом, когда он упал в рост на асфальт, продолжали бить уже мёртвого.

Воспользовавшись тем, что толпа была занята расправой над отцом и дочерью, парень, которого вели убивать, оттолкнул державших его подонков и побежал что было мочи на улицу, пронёсся мимо балкона, под которым хоронились Халафяны. Человек десять бросились его догонять. Они шумно пробежали мимо оконца, в которое смотрел Андрей, – в лицо ему хлестнула поднятая ими пыль.

Андрей всё видел. Он скрёб ногтями кирпичную стену подвала, и душа его выла.

Милицейская машина, ехавшая по дороге, притормозила. Парень рванул к ней – как же он хотел жить! Надежда дала ему сил – это было видно в каждом его движении, в развороте плеч, в полёте рук. Жить!!! Он пролетел по газону, перепрыгнул через бордюр, схватился за ручку задней дверцы автомобиля... машина газанула и на бешеной скорости умчалась прочь. Парень упал на асфальт.

Его затащили во двор, к фонарному столбу, прямо напротив балкона Халафянов. В сумерках были видны только взмахи арматурных прутьев и слышны глухие удары. Появилась канистра... То, что осталось от человека, облили бензином и подожгли – отсвет пламени заплескал на стенах пятиэтажки, стоявшие вокруг нелюди сыпали в огонь сухие листья...

Балкон, квадрат оконца, чернеющий под балконом, сетка, блеск глаз, страх...

*Рязань, 28 февраля 1988 г. Воскресенье. Спортзал полка ВДВ.*

Ваха пыхтел, лёжа под штангой. На матах возились несколько молодых ребят, отрабатывали приёмы рукопашного боя – шутейно, скорее играли. Сержант в полосатой майке и трусах колотил ногой, как заведённый, по кожаному мешку. Серёга с Эдькой, первогодком осеннего призыва, играли в шахматы, разложив доску на гимнастической скамейке.

– Вот тебе, молодой, и мат... – Серёга взял чёрную ладью и картинно поставил её напротив белого короля. – Ваш лоб, боец.

Эдка поднял ладонью чубчик и подставил Серёге свой выпуклый, без единой морщинки лоб. Серёга не торопясь оттянул два пальца: шас, чилим тебе. Эдка зажмурился, ресницы дрожали.

– Ладно уж... – Серёга убрал свои пальцы и отпустил Эдке пять коротких щелбанов. – Живи, боец!

– Товарищ ефрейтор, почему увольнения сегодня не дали? – потирая лоб, спросил Эдка.

– Не-зна-ю ... Ещё партейку?

– Я лучше побегаю. – Эдка вскочил и быстро побежал вокруг зала.

– Догоню, ё-моё! – незлобиво закричал ему вслед Серёга.

Эдка оглянулся и рванул в обе лопатки.

Серёга аккуратно сложил фигуры в шахматную доску, положил её на подоконник и вразвалочку, словно ему было тяжело нести своё тело, пошёл к матам. Мгновение, и он, сгруппировавшись, как кошка, сделал сальто и встал прочно на обе ноги уже на мате, сдёрнул с рук у одного из молодых солдатиков боксёрские перчатки, натянул на руки, не завязывая, и пошёл навешивать удары направо и налево.

Все, кто был в зале, смотрели на развлекающегося Серёгу и смеялись.

В это время в спортивный зал вошёл дежурный офицер – командир разведроты старший лейтенант Александр Коноплёв. Старлей загорелся как мальчишка, скинул ботинки, китель, зелёную рубашку и в офицерских брюках и полосатой майке запрыгнул на мат.

Серёга, не разобравшись (все были в таких майках), едва не заехал перчаткой в зубы командиру. Но тот ловко уклонился, потянул Серёгу за руку, да ещё и ногой поддел. Тот шумно упал на мат.

Коноплёв снял с него перчатки, натянул на себя:

– Завяжи! Калоев, Подборцев, ну и ты, Наговский, – на меня!

– Товарищ старший лейтенант, мы только перчатки натянем, – испугано предложил Эдка.

– Чего?!

Ваха, Серёга и Эдка встали вокруг Коноплёва, переглядываясь. Начал Серёга, Ваха – чуть позже, когда Коноплёв парировал удар Серёги. Эдка, набрав воздуха в грудь, прыгал вокруг, как молодой петушок, не зная, как подступиться.

Коноплёв превратился в гибкий стальной прут – минута, и Ваха с Серёгой уже лежали в нокауте. Эдке пришлось поощрительный удар в челюсть, который откинул его на пол. Перчатки шлёпнулись на мат.

Коноплёв вразвалку, довольный, подошёл к скамейке, обулся, надел рубашку и галстук, китель повесил через руку, посмотрел на восхищённых бойцов, а у самого глаза светятся – форменный мальчишка! Бросив на ходу:

– Тщательнее надо, – пошёл к выходу, оглянулся – вслед ему смотрели мальчишки.

Коноплёв вышел из зала, пошёл по коридору к Ленинской комнате, заглянул внутрь. За столом справа на «камчатке» сидел рядовой Сальников Иван – Ваня. Коноплёв вошёл в комнату. Ваня вскочил.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант!

– Сиди-сиди... Что читаешь?

– Александр Блок. – Ваня сел.

Коноплёв уселся напротив рядового, ноги выставил в проход.

– Стихи о прекрасной даме? «О доблести, о подвигах, о славе...» Мне в школе тоже нравился Блок, только давно уже не читал. – Коноплёв взял книгу, начал читать там, где было раскрыто у Вани.

– «Двенадцать»?

– Товарищ старший лейтенант, вот как понимать: «Пальнём-ка пулей в Святую Русь»?

– Ты комсомолец?

– Да, так точно!

– Тогда чего ж спрашиваешь?

– Так ведь Святая.

– И толстозадая... Не знаю.

– А вот ещё... – Ваня взял книгу у Коноплёва, быстро полистал и, найдя нужную страницу, передал томик Коноплёву.

– Вот. Это самый конец: «Кто там машет красным флагом? / Приглядишься-ка, эка тьма! / Кто там ходит беглым шагом, / Хоро- нясь за все дома? / Всё равно, тебя добуду, / Лучше сдайся мне живьём! / – Эй, товарищ, будет худо, /Выходи, стрелять начнём!».

– И что?

– Так ведь это Христос с красным-то флагом.

– Да, помню... «в белом венчике из роз...»

Коноплёв сидел за партой, удивлённо глядя на рядового, и думал: «А раньше-то почему я не задавал такой вопрос? Ведь про- ходили ж в школе и наизусть учили».

– Читай, воин, лучше «Незнакомку».

Коноплёв встал и двинулся к выходу... остановился, повернул- ся к Ване:

– Они стрелять в него хотели, а получается – Христос-то впе- реди... Их звал?!

– Да.

Коноплёв молча вышел.

Сеанс закончился. Из кинотеатра с горящей надписью «Друж- ба» выходили зрители и рассасывались по улице. Николай Ивано- вич с Алевтиной неспешно шли мимо подсвеченной афиши: си- не-зелёная гладь океана, аквалангисты. Летящим рваным шриф- том написано: «Бездна» – как кровью... Шёл мягкий снег, навер- но, последний в эту зиму перед оттепелью.

Алевтина прижималась к плечу Николая и всё хотела начать раз- говор, да не знала, с чего начать; о фильме говорить не хотелось.

– Вот и выходные прошли... Как быстро.

– А у Сашки Коноплёва их и не было.

– Опять дежурный?

– Мм...

– Как жена-то терпит? У них ведь двое ребятишек.

Они встали на автобусной остановке. Снег шёл крупными хлопьями. Алевтина стряхнула его рукой с воротника Николая.

– Ко мне?

– К тебе.

Подкатил автобус. Алевтина запрыгнула в заднюю дверь, Николай помог ей, зашёл и сам. Двери захлопнулись, и автобус покатил в пелене снега...

На комодѣ тикали часы, на стене портрет Есенина, сквозь занавески виднелся их город.

– Уже понедельник, – сказала Алевтина, глядя в потолок. – Давай летом поѣдем в Сочи или в Гагры, а? – Она прижалась к груди Николая. Он гладил её по стриженным волосам.

– Отпуск дадут – поѣдем.

– Не подрался бы в Фергане, непременно б дали... Может, и со мной не лежал бы сейчас в постели.

Николай обнял Алевтину свободной рукой – не по-медвежьѣ, ласково, как ребёнка.

За окном в свете фонаря, что болтался на фасаде общаги, летели снежинки, их становилось всё больше и больше – валили уже стеной.

Будильник показывал 0:30. В темноте слышалось «тик-так» – секундная стрелка бежала по циферблату. Алевтина так и заснула, прижавшись к груди Николая, а он не решался вытащить руку, ему было хорошо и спать не хотелось.

Покой их прервал продолжительный звонок в дверь – один, второй, третий.

Николай открыл глаза, бережно высвободил свою руку, встал и, не включая свет, вышел в коридорчик.

Алевтина проснулась и сразу села на кровати, прижав коленки к груди, – ждала, пристально глядя на светящийся дверной проѐм.

Из коридорчика доносился приглушённый разговор.

– Приказано быть на аэродроме, – по-военному чётко раздался молодой голос.

– Сейчас буду готов, – ответил Николай.

Послышался шум воды, льющейся из крана.

– Товарищ прапорщик, я вас в машине подожду, – сказал вестовой.

Хлопнула входная дверь.

Алевтина молнией сорвалась с постели и бегом на крохотную кухню. Чик – загорелся свет, задребезжала зажигалка, зазвене-ла посуда.

Николай вышел с полотенцем в руках в комнату, Алевтина по-дошла к нему из кухни – стояли в свете кухни и прихожей.

– Куда?

– Не знаю.

Алевтина, спохватившись, скомандовала:

– А ну быстро завтракать!

Они сидели за столиком. Николай торопливо ел бутерброд, за-пивая чаем. Алевтина смотрела на него, лямка ночнушки сползла, почти оголив грудь. «Только бы не Афган, только бы не Аф-ган...» – про себя повторяла женщина.

*29 февраля 1988 г. Понедельник, 6.30.*

В салоне самолёта был полумрак, протяжно гудели моторы, солдаты дремали – всё привычно, как всегда. Момента, когда са-молёт начал заходить на посадку, никто не объявлял, его почув-ствовали по изменившемуся гудению двигателей. Десантники прилипли к иллюминаторам, расплющив носы о стёкла, вгляды-вались сквозь облака в темноту. Вот облака остались уже вверху, под крылом уже чернела земля. Половину земли закрывал туман – ребята не знали, что это парил Каспий. На незатуманенной по-ловине свинцовой корягой распласталась внизу река. Вот и город, кварталы с редкими огнями фонарей, знакомые любому россия-нину коробки пятиэтажек, завод с колоннами в огоньках и трубы.

– Где это мы? – спрашивал соседей Эдька.

Николай Иванович всматривался в проплывавшие внизу ули-цы. Торчали антенны на крышах домов, в окнах уже горел свет. Начиналось утро. Самолёт летел всё дальше и дальше, незнако-мый город остался за крылом.

На взлётном поле рядом с военным грузовым автомобилем стояли командир полка полковник Хацкевич и полковые офице-

ры. Незнакомый гражданский в кепочке вводил десантников в курс текущей ситуации:

– В городе уже третьи сутки идут погромы. Бьют армян. Больше двадцати убитых... Причину не обсуждаем. Полк внутренних войск не справляется, на себя только погромщиков от армян отвлекли. Должны подойти морпехи из Каспийской флотилии...

– Кто руководит операцией? – перебил гражданского Хацкевич.

– Генерал-лейтенант Краев. Он назначен военным комендантом города.

– Что должен делать парашютно-десантный полк на бээмдэ<sup>\*</sup> с полным боекомплектом? – забивал гвозди Хацкевич.

– Ваша задача обеспечить порядок. Про боекомплект забудьте. Не стрелять!

В разговор вступил замполит:

– Нам рекомендовали опираться на дружинников, на рабочий класс.

Гражданский снял кепочку. Всем показалось, что он сейчас сомнёт её в руках и вытрет усталое лицо. Гражданский после паузы сказал:

– В городе много «химиков». Рабочие общежития переполнены. Появились беженцы из Капана – это как солома в костёр. Есть просто провокаторы. Местная власть бездействует. Опирайтесь, майор, только на себя.

– А как азербайджанцы? Ну, в массе?

– Заводские комсомольцы вывозили армянские семьи... Были случаи, соседи не пускали погромщиков в подъезды. Большинство просто наблюдают. Им тут жить, майор.

– А как жить-то?..

Гражданский перебил замполита и во всеуслышание сказал Хацкевичу:

– Владимир Фёдорович, полк должен знать. Не стрелять! Там наши соотечественники. Сейчас своим ходом выдвигайтесь к городу, встаньте на въезде до дополнительной вводной.

---

<sup>\*</sup> Боевая машина десантников.

Коноплёв смотрел в окуляр прицела, через риски видел город.

– И где враг, бляха-муха?..

Рывком открыл люк и выпрыгнул на землю. Рота выгружалась, слышались команды на построение, строились в шеренгу по двое. Перед ротой встал Коноплёв.

– Мы в Сумгаите. Это Азербайджан. Здесь идут массовые волнения на межнациональной почве, грабежи. Азербайджанцы с армянами все никак не могут поладить. Наша задача – успокоить людей, взять под охрану мирное население. Не стрелять! Это приказ. А сейчас разойдись! Командиры взводов ко мне!

Солдаты направились к машинам. Коноплёв с командирами взводов расположился у своей БМД, развернул карту:

– Значит, так, мы стоим тут до приказа. Ждём.

– Без разведки глухо. Может, сгоняю? – предложил Николай Иванович.

– С цветами встретят, – откликнулся один из командиров взводов.

Коноплёв провёл ладонью по карте:

– Поезди со своими вот по этому квадрату: улица Мира – посмотри на автовокзал. Микрорайоны, Третий, Второй, Первый. Потом сверните на Дружбе и по Лермонтова назад. Посмотрите, что там делается у станции «Скорой помощи» и роддома.

– Есть!

– Положение автоматов за спину. Ты понял, Николай Иванович?

– Так точно! – Прапорщик пошёл к своему отделению, на ходу отдавая команду бойцам: – Отделение, на броню! Автоматы в положение за спину!

Десантники привычно забирались на броню. Николай Иванович запрыгнул последним. БМД газанула, выскочила на асфальт и полетела к городу. Навстречу десанникам попадались редкие прохожие, они останавливались на тротуарах, с удивлением смотрели вслед лихо сидевшим на броне парням. БМД пролетела мимо сгоревшего троллейбуса – за троллейбусом, за бетонным забором виднелась промзона. На заборе было выведено огромными чёрными буквами по-русски: «Смерть армянам!» Десантники глядели по сторонам, и не было в солдатских глазах ни ожидания

опасности, ни страха, ни ненависти – только удивление. Вокруг был город, который заболел. Несколько окон на фасаде проплывавшего мимо пятиэтажного дома зияли чёрной пустотой. Обломки деревянной оконной коробки нависли над улицей, стена вокруг чернела после пожара.

«Ё-моё, даже коробки выломали», – жалобно сказал себе Ваня.

Впереди, с левой стороны улицы за придорожными кустами чернела толпа, всё яснее вырисовывались силуэты людей.

– Чуть притормози! – скомандовал Николай Иванович водителю в гарнитуру.

БМД замедлила ход. Погромщики были ещё сонные, не ожидали появления десантников и потому не успели выйти на дорогу. Несколько человек подались вперёд, чтобы разглядеть, кто это едет на одиночном «танке», гордо рассевшись на броне. На десантников из толпы смотрели налитые кровью глаза – анаша, водка, бессонная ночь и ненависть сделали своё дело. С БМД на толпу пытливо смотрели умные глаза их сверстников: что это за существа такие перед ними?

В толпе какой-то мальчишка поднял руку и с нервным смехом выставил безымянный палец.

Десантники зорко примечали все детали обстановки: куски арматуры в руках собравшихся, кучи приготовленного битого кирпича по краям дороги.

– Бля, подготовились! Пальнуть бы хоть в воздух, – вертя в зубах спичку, бросил Серёга.

Кто-то из толпы схватил обломок красного кирпича и, широко размахнувшись, запустил в БМД. Камень, описав пологую траекторию, упал под колёса. Никто из десантников не ответил даже гримасой, не погрозил кулаком – проехали мимо.

*3-й микрорайон, 29 февраля. Утро.*

На газоне лежал перевёрнутый жигулёнок. Дымились скамейки, столы и остатки палатки на асфальтированной площадке. У кустов, что торчали вдоль спортивной площадки, сидела девуш-

ка, прижав коленки к груди и дрожа всем телом. Одежды на ней почти не было – лишь грязные лохмотья её вчерашнего именинного платья. Утренние прохожие отворачивались, делая вид, что спешат на работу. Им действительно надо было на работу, только их походка и лица были уже другими, и ребяташек, которых вели в детские сады, они крепче держали за руки.

Со скрипом открылась дверь подъезда, и на улицу вышла Эмма со своей девятнадцатилетней дочкой Анаит. Всю ночь Эмма рвалась искать мужа, вся в слезах, она поминутно вскакивала с места, Анаит обнимала её своими тонкими руками, усаживала, Эмма сидела какое-то время, раскачиваясь на табурете, потом снова вскакивала, и снова Анаит, крепко обняв мать, усаживала её. Так они провели всю ночь до самой зари и вот теперь вышли на улицу.

У скамейки рядом с подъездом лежал Черкез. Эмма не охнула, не побежала к нему, встала как вкопанная, потом упала на колени и, опираясь руками о землю, поползла к трупку мужа. Она водила ладонями по изуродованному его лицу, пытаясь убрать присохшую грязь вперемешку с кровью и мышечной тканью, гладила седую щетинистую щёку.

Анаит стояла над матерью и отцом, прижав руки к груди, не издавая ни звука, лишь из огромных чёрных глаз струились слёзы.

Черкез смотрел вверх остекленевшими глазами.

Из подъезда с чайником в руке вышла Ханум. Она присела рядом с Эммой и начала лить воду на окровавленный лоб Черкеза. Обе женщины смывали с лица убитого кровь и грязь.

Анаит села на скамейку, закрыла лицо руками и зарыдала, наклоняясь корпусом и выпрямляясь.

У спортивной площадки Марина, хватаясь за сучья голых кустов, предприняла попытку встать. По тротуару в это время со смены возвращался Игорь Агаев. Он бросился к девушке, помог ей встать, а когда увидел, что она не может идти, взял на руки и понёс к скамейке, где были люди.

Анаит, увидев Марину на руках Игоря, вскочила и побежала им навстречу.

– Маринка! – вырвалось у неё.

– Принеси ей чего-нибудь из одежды... Застыла она вся, – бросил на ходу Игорь.

Анаит, как-то высоко и неловко закидывая ноги, побежала к своему подъезду.

Игорь поднёс Марину к скамейке, усадил её, отвернулся. Хлопнула дверь. Анаит со своим халатиком в руках выскочила из подъезда:

– Вот, больше ничего не нашла.

Ханум с Анаит одели Марину. Игорь стоял, отвернувшись к дому.

– Маловат халатик, – заметила Ханум, пытаясь оттянуть пониже подол халата, чтобы прикрыть исцарапанные бёдра девушки.

Эмма встала и медленно пошла по асфальтированной дороге, которая отделяла подъезды от центральной части двора. Она смотрела на окна, на балконы, на задёрнутые шторы. Где-то в окнах мелькали и тут же в страхе прятались за занавесками лица. Эмма что-то говорила про себя – губы её шевелились. И вдруг словно что-то прорвалось в ней, и она, презрев все страхи, громко заговорила, обращаясь к домам, к окнам. Её слова гулко разносились по клетке двора:

– Соседи... мы же годами жили обок, вместе работали, вместе строили наш город. Ответьте, за что вы нас так ненавидите? Чего вы боитесь?!

Эмма шла вдоль домов, Анаит шагала рядом с матерью. Двор был пуст, но сотни глаз смотрели на пожилую женщину, которая брела внизу, пошатываясь, и обращалась к ним. Эмма встала, снова оглядела закрытые окна, обернулась на здание школы, что стояло сразу за спортивной площадкой.

– Соседи! Вот в этой школе я учила ваших детей. Простите меня! Я плохо их учила... Простите, – последние слова она выговорила почти шёпотом, потом закрыла лицо руками – копна седых волос упала ей на руки.

Сердце Анаит разрывалось от жалости к матери, ей хотелось прижать мать к груди, спрятать ото всех. Она обняла мать и повела к их подъезду.

– Пойдём, мамочка, пойдём...

Эмма ещё раз оглянулась на дома, выпрямилась и громко, во весь голос сказала по-русски:

– Простите, простите... простите...

БМД с десантниками летела по городу. У въезда во двор разведчики увидели сгоревший мотоцикл.

Николай Иванович скомандовал водителю в гарнитуру:

– Сверни во двор после этого дома!

БМД свернула направо и медленно въехала во двор, встала, пытаясь, возле входа на спортивную площадку. Десантники спрыгивали на землю, осматривались.

– Шашлыком пахнет, – приняхиваясь, заметил Ваха.

– Точно. Откуда? – Серёга оглядел двор.

Николай Иванович привычно скомандовал:

– Наговский, бери двух бойцов, и оставайтесь у машины! Остальные – за мной! Пройдёмся...

Прапорщик с бойцами направились к людям, стоявшим у подъезда.

– Кому ж, как не Наговскому? – Серёга коротко свистнул. – Сальников, Подборцев, ко мне!

Эдька, Ваня и Серёга остались у БМД, закурили. Эдька, глубоко затянувшись, заметил что-то темневшее у фонарного столба и пошёл посмотреть. Встал в паре метров от столба. Серёга с Ваней тоже подошли, за ними потянулся и водитель БМД. Вдруг Эдька резко нагнулся, рывком отвернулся, и его с громким рычанием стошнило, потом ещё и ещё...

Николай Иванович с бойцами шёл к стоящим у подъезда людям – те не шевелясь смотрели на солдат. Они уже перестали надеяться на защиту и просто смотрели, готовые ко всему.

– Здравствуйте, граждане! – бойко поздоровался Николай Иванович.

В ответ – молчание. Анаит крепче прижала к себе мать. Её огромные блестящие глаза горели надеждой. «Пусть их всего двенадцать, но они такие уверенные, крепкие, надёжные и... и они русские», – думала она про себя.

Тишину разорвал голос Эммы:

– Где вы были до сих пор?

Десантники не ожидали такого вопроса – они ведь выполнили приказ. Но перед ними на земле лежал изуродованный старик, на скамейке дрожала девушка с исцарапанным лицом, всё время одёргивавшая короткий халатик, и глаза людей смотрели с таким с укором и ожиданием, что десантники невольно опустили головы, словно были в чём-то виноваты. Николай Иванович увидел и уже не мог отвести глаз от тоненькой, как стебелёк, девушки с завязанными в пучок чёрными волосами и огромными, молящими о защите глазами. Анаит спрятала лицо за плечо матери.

– Солдаты, где вы были? – повторила Эмма.

– Мы не знали... – виновато произнёс прапорщик. – Нас ночью подняли по тревоге. – Потом взгляд его упал на дрожащую всем телом Марину. – Ей нужна помощь. Мы отвезём её в больницу.

Николай Иванович жестом приказал бойцам помочь. Солдаты было подошли к Марине, но та завизжала и схватилась руками за поломанную доску от спинки скамейки.

Ханум прижала Марину к себе, гладила её кудрявые волосы.

– Не бойся, Мариночка, это солдаты, они тебе плохо не сделают, – и сказала по-азербайджански Игорю: – Помоги...

Игорь поднял девушку на руки и понёс к БМД.

– Там её отец лежит, – сказала Ханум солдатам по-русски, указывая рукой в сторону спортивной площадки. – Мёртвый...

– Есть ещё раненые? – спросил Николай Иванович.

– Они не выйдут сейчас.

Эмма сидела на скамейке, заливаясь слезами, её будто прорвало. Анаит что-то тихо шептала ей по-армянски.

И вдруг Николай Иванович осознал, что здесь – не где-то в глухих горах, а в обычном советском городе – происходит то, чему не найти названия, что чувствовал он всем своим существом, кожей спины, затылком: сзади опоры нет, только его бойцы.

– Не бойтесь. Сейчас в городе много войск. Мы защитим вас.

– Пожалуйста, не уходите, – попросила тоненьким голосом с армянским акцентом Анаит. – Прошу вас, не уходите...

– Они опять придут, – сказала Ханум.

– Кто – они?

– Они...

Николай Иванович и его бойцы оглядывались по сторонам – кто мог быть здесь сильнее их?

– Товарищ прапорщик, оставьте нас здесь, – обратился к Николаю Ивановичу Ваха.

– Сейчас нам надо быть в расположении... Не бойтесь, гражданочки. Мы вернёмся и вывезем вас в безопасное место. Как вас зовут, девушка?

– Анаит.

– Мы вернёмся, Аня. Я вам обещаю, – говоря это, Николай Иванович покраснел. Он смотрел на девушку и не мог оторвать взгляда от её прекрасных глаз.

Десантники спешно запрыгнули на броню, помогли усадить Марину. Игорь запрыгивал уже на ходу. Боевая машина газанула и покатила из двора, оставляя за собой клубы синего дыма.

– Где служил, братан? – поинтересовался у Игоря Ваха.

– В пятьдесят шестой десантно-штурмовой бригаде.

БМД встала перед крыльцом станции «Скорой помощи». Игорь с девушкой на руках и Николай Иванович быстро подошли к крыльцу, поднялись по ступенькам. Прапорщик дёрнул за ручку – дверь была заперта, он нажал кнопку звонка раз, второй, третий, потом принялся колотить кулаком. Наконец дверь приоткрылась и в образовавшуюся щель выглянула уже не молодая медсестра. В глазах её появился страх, когда она увидела Игоря с девушкой на руках, Николая Ивановича и спрыгивающих с «танка» десантников.

– Чего стучите?

Николай Иванович отодвинул медсестру, прошёл в больничный коридор. Следом прошёл Игорь с девушкой на руках.

К вошедшим неторопливо вышла врач – немолодая женщина в свежем белом халате и накрахмаленной белой шапочке.

– Что случилось? – спросила она с гонором и без малейшего профессионального интереса.

– Вот, избили нашу соседку, – ответил Игорь, с трудом удерживая Марину.

– Она что, стоять не может? Опустите её.

Марина сама соскользнула на пол и попыталась встать, но оступилась и упала бы на стулья, стоящие вдоль стены, не успей Игорь с Николаем поддержать и усадить её.

Испуганная, замученная Марина сидела у чистой больничной стены. Ей было больно сидеть, но больше боли её мучил стыд, и она тихо плакала, всё время одёргивая подол халатика Анаит.

– Что ты тут свои ляжки показываешь? Срам! Не носила б такое безобразие, ничего с тобой бы не случилось, – зло сказала, как выплюнула, врачиха, засунув руки в карманы своего халата и прожигая Марину глазами.

Девушка вжалась в стул и смотрела в пол.

– Окажите помощь пострадавшей! – по-военному отчеканил Николай Иванович. – У вас через дорогу убитые лежат. Вы что, не знаете этого?

Врач внимательно посмотрела в глаза прапорщику:

– Командовать тут не надо. Вы не у себя в полку.

Николай Иванович смотрел на накрахмаленную врачебную шапочку, покачивавшуюся на голове врачихи в такт словам, и внутри у него закипал гнев, вот-вот готовый вырваться наружу. Врачиха почувствовала это, и в глазах её появилось смятение, страх. Николай Иванович одёрнул себя, развернулся на каблуках и пошёл к выходу – в пустом коридоре гулко отдавались удары его ботинок по керамической плитке. У двери, повернувшись вполупоборот к врачихе, он негромко, но ясно сказал:

– Пострадавшей помочь! Проверим!

– Вас никто сюда не звал! Покиньте больницу! Убирайтесь! – взвизгнула врачиха, выдавая свой страх.

Николай Иванович услышал её слова уже на крыльце, сбегая вниз по ступенькам.

– Заводи! В распоряжение. Гони!

БМД вылетела с больничного двора и понеслась по улице. Начал накрапывать нудный зимний дождь.

Вдоль дороги стояли БМД и Газ-66. Капли дождя стекали по опущенным стволам пушек на землю, за техникой мокли зелёные палатки.

В офицерской палатке за столом собрались командиры: пили чай из эмалированных кружек, смотрели, как комроты Коноплёв играл в шахматы с Генкой Селюниным – командиром второй роты.

Вошёл Николай Иванович; ему дали место у стола.

– Что видел? Как обстановка? – подняв белую ладью высоко над доской, спросил Коноплёв.

Все в ожидании посмотрели на Николая Ивановича.

– Кто-то дирижирует тут. Кучи камней заготовлены на улицах. Заточки.

Ему налили из зелёного чайника горячего чаю, кто-то пододвинул початую пачку печенья «Артек»:

– Промой кишки, Николай Иванович.

Прапорщик, обжигаясь, прихлёбывал чай и вполголоса рассказывал:

– У автовокзала толпа. Малолетки обкуренные... Есть и взрослые дяди.

– Пострадавших видели?

– Да, – и замолчал. – Надо бы роддом и станцию «Скорой помощи» на Лермонтова прикрыть. Армян вывозить надо.

– Хацкевич к военному коменданту поехал, ждём, – сказал Коноплёв, переставляя шахматную фигуру.

Под дождём у трупа Черкеза сидели на скамейке Эмма и Анаит. Покрывало на трупе промокло насквозь, и вода уже не накапливалась в его складках.

Из подъезда вышла соседка-армянка Валентина с пятилетней дочкой Кариной.

– Идёмте в дом, – сказала она. – Замёрзли совсем.

– Не могу, – прошептала Эмма.

– Пойдём, мама.

Валентина с дочкой встали рядом.

Мимо по тротуару торопливо прошли мужчина и женщина, стараясь не смотреть на труп.

Из-за угла дома выбежал Игорь, крича на бегу:

– Уходите скорее! Снова идут!

– Как же я его оставляю? – взмолилась Эмма.

– Пойдём, мама, пойдём.

– Быстрее, быстрее Эмма... – Валентина схватила Карину на руки и кинулась в подъезд.

Игорь, подбежав, бросился поднимать Эмму со скамейки, повторяя:

– Они ничего с ним не сделают... Они ничего с ним не сделают. Сами спасайтесь.

Анаит, наконец, просто потащила мать за собой к двери.

Дверь подъезда едва успела захлопнуться, как во двор вползла чёрная масса, заполонила спортивную площадку и выбросила свои щупальца к подъездам.

По ступенькам вверх спешила Валентина с дочкой на руках. Эмма с Анаит едва успевали за ней. Эмма вдруг словно очнулась от горя и теперь рвалась подальше уйти от входа в подъезд, хваталась руками за металлические перила и подтягивала себя вверх. Не за себя она боялась – дочь спасти хотела.

На площадку им навстречу вышла Ханум:

– Идите ко мне! Я их не пущу!

– Спасибо тебе, Ханумка... – Валентина спустила Карину на пол и попыталась обнять азербайджанку, но та не стала обниматься, а подтолкнула Валентину с дочерью к своей открытой двери: – Входите скорее! Скорее!

– Анаит, иди к Ханум! – еле выдохнула Эмма. Сердце у неё бешено колотилось, и она не знала, услышала ли дочь её слова.

– Мама!

– Я буду дома.

– Зачем, мама?!

– Со мной они ничего не сделают, Анаит, иди... – Эмма сильно толкнула дочь к двери соседки. – Ханум, заberi её!

Ханум завела Анаит к себе в коридор, а сама осталась на пороге, глядя вслед уходящей наверх Эмме. Та оглянулась на площадке между этажами, кивнула Ханум и пошла к своей квартире.

В девятиэтажке напротив был один подъезд. Дорогу погромщикам у входа преградил высокий мужчина в спортивных штанах и пиджаке, накинутым на майку:

– У нас армян нет! Не надо портить подъезд.

Мужчину вплотную окружили взбешённые молодые парни, тяжело дыша ему в лицо. Чёрный плащ стоял в толпе, наблюдал.

– Ты сам не азербайджанец! – кричали мужчине.

– Как это не азербайджанец?! Вот, смотрите! – Мужчина достал из кармана пиджака паспорт, развернул его и показал сначала тем, кто стоял рядом, а потом поднял над головой и показал всем.

– Смотрите, я азербайджанец! Меня зовут Эйюб. Моя мать азербайджанка, и мой отец азербайджанец, и я не пущу вас в мой подъезд!

Чёрный плащ протолкался к Эйюбу:

– Чего шумишь, Эйюб. Я тебя знаю. Ты не хочешь пускать нас? Мы не войдём. Ты тут хозяин, и мы уважаем твоё право. – Чёрный плащ повернулся к толпе: – Идите вон в тот дом! Там есть армяне.

Парни медлили.

– Идите! Идите!

Толпа медленно попятилась.

– Быстрее! – командовал Чёрный плащ.

Погромщики побежали к дому напротив. Чёрный плащ пошёл следом, обернулся на ходу к Эйюбу, улыбнулся.

В однокомнатной квартире Ханум скучились армяне: женщины, дети. Они сидели на стульях, на диване, на полу. Анаит стояла у окна, смотрела во двор. Ханум сидела у тумбочки с телефоном и, скорее для того, чтобы что-то делать, крутила диск телефона. Наконец она бессильно опустила руку с телефонной трубкой – короткие гудки, помочь некому.

Вдруг раздались страшные удары в дверь. Все вздрогнули. С лестничной площадки раздались крики по-азербайджански:

– Ханум, открывай! – потом русский мат.

Ханум вышла в коридор, подошла к двери. Новый удар громыхнул ей в лицо. Женщина содрогнулась всем своим худеньким телом и зажала уши руками. В дверь сыпались всё новые удары. Ханум почему-то вспомнила сейчас, как получала свою однушку, как сосед врезал замок в эту дверь, как она красила её.

– Уходите! Уходите! Я вызвала милицию!

– Выгони армян, и мы уйдём!

– У меня нет армян!

– Открывай! Мы знаем, что они у тебя!

Снова загремели удары в дверь, и от косяка к ногам Ханум отвалилась штукатурка.

Ханум ушла на кухню. На глаза ей попался в раковине нож. Она бережно вытерла его полотенцем и с ножом в руке пошла назад. Проходя мимо гостиной, она увидела, как армянки прижимали к себе детей. А в коридоре взламывали дверь, и на пол сыпались всё новые куски штукатурки. Забыв о себе, о страхе, Ханум вышла в коридор.

– Ханум, ты не азербайджанка! Мы тебя презираем! – орали из-за двери, слышался смех.

Ханум рывком отодвинула задвижку и распахнула дверь – погромщики, стоящие перед дверью, попятились. Женщина встала в дверном проёме перед толпой погромщиков.

– Я азербайджанка! Вам нужна кровь? Возьмите мою! – Ханум провела лезвием по своей руке. Из разреза струйкой потекла кровь. – У меня азербайджанская кровь. Вот! – Ханум бросила нож на бетонный пол, подняла окровавленную руку, шлёпнула ладонью по стекающей по руке крови, провела окровавленной ладонью по лицу. – Я за Азербайджан кровь отдам! Убирайтесь!

Чёрный плащ плюнул под ноги:

– Дура!.. Идите на четвёртый этаж! Армяне там, – тихо командовал своим.

Толпа поползла наверх мимо Ханум. Худенькая женщина стояла на пороге своего дома с вытянутой окровавленной рукой. Глаза её были как два чёрных сияющих камня.

Проходила погрузка роты Коноплёва. Сам Коноплёв с взводными шёл к уже рычащим БМД, на ходу давая последние указания:

– Задача – очистить улицу Мира, взять под охрану банк, сберкассу, нападающих разоружать.

– А что с ними делать дальше?

– Передавать офицерам внутренних войск.

– Стрелять нельзя?

– Нет! Только в крайнем случае и не на поражение. Давайте, мужики, по коням!

Взводные разбежались по своим машинам. Николай Иванович прыгнул последним, уже на ходу, и уселся, как обычно, под пушкой. БМД вырвались на асфальт и погнали одна за другой по городу. Мощь!

Снова мелькали знакомые дома. Вот и гостиница, а за ней площадь автовокзала.

Улицу запрудил чёрная толпа – она всё ближе, ближе, ближе. Что с ними делать? Как им быть?

Машины затормозили, десантники на ходу начали спрыгивать с бортов. Дальше бежали цепочками, прикрываясь бронёй.

Чёрная масса и не думала разбегаться. Слышались крики на азербайджанском, на русском.

Когда десантники подошли на бросок руки, в них полетели заготовленные камни – удары о броню, камни катятся на асфальт.

Рядом с Николаем Ивановичем схватился за плечо боец, второй согнулся над асфальтом – всё лицо в крови, кровь капает под ноги.

– Ближе! Ближе давай! – прокричал Николай Иванович в микрофон своему водителю.

Из толпы полетели в БМД бутылки с искрящимися, как бенгальские огни, фитилями. Несколько бутылок разбились на корпусе одной из машин. Чёрный дым поднялся над улицей, закрыл боевую машину. БМД дёрнулась влево и покатила на толпу. Понеслись вопли бандитов.

Водитель, задышавшись от дыма, пытался остановить машину, а вокруг полыхало пламя, жгло глаза, руки. Парень уже на послед-

нем дыхании навалился на рычаги. Машина встала. Чёрное злово-  
ние накрыло водителя... и всё, и нет уже солдата-срочника.

Николай Иванович в несколько прыжков оказался у БМД, вы-  
тащил с бойцами обгоревшего товарища.

«Куда его положить?» – стучал в голове прапорщика простой  
вопрос. Он держал парня на руках, а вокруг надвигалась толпа, и  
на асфальте, под колёсами, лежали задавленные, слышались сто-  
ны, раненые отползали с дороги.

После первого шока погромщики начали оттаскивать с асфаль-  
та пострадавших, десантники помогали им. На мгновение даже  
показалось, что ожесточение ушло. Но тут разнёсся крик по-рус-  
ски: «Убийцы!» Крик подхватили сотни глоток: «Убийцы!!!  
Убийцы!!!» Толпу уже ничто не сдерживало, толпа озверела и  
пошла на десантников.

Эдька, Ваня, другие первогодки стояли с голыми руками и рас-  
терянно смотрели в лица нападающих – таких же, как они, моло-  
дых парней.

Куски арматуры поднялись над толпой – бешеные глаза, пере-  
кошенные рты. Сейчас сомнут солдат.

Откуда-то из дыма к нападающим, в самую их середину, вы-  
скочили Серёга с Вахой. В руках они сжимали сапёрные лопатки,  
и в их глазах уже не было растерянности. Сапёрные лопатки поя-  
вились в руках у всех десантников – мгновение, и началось бы  
побоище между соотечественниками.

Автоматная очередь огласила улицу. Николай Иванович, стоя  
на БМД, с локтя стрелял в воздух, гильзы сыпались на броню.  
Перехватившись, он дал очередь по фонарю, что высоко наклони-  
лся над дорогой; стёкла плафона посыпались прямо на головы  
тех, кто был внизу.

Несколько погромщиков – те, что стояли ближе, сразу бросили  
свои заточки и рухнули на колени.

В сопровождении двух автоматчиков почти вплотную к по-  
громщикам вышел Коноплёв – автомат в руке, готовый действо-  
вать и прикладом, и свинцом. Нет, Сашка бы никогда не сделал  
этого, но в толпе не сомневались – положит любого, кто только  
поднимет руку.

– Автоматы к бою! – разнёсся его приказ над площадью.

Мгновение, и ляг затворов словно загипнотизировал толпу.

– Холодное оружие на землю! Строиться вдоль дороги с поднятыми руками!

Погромщики послушно побросали арматуру и с поднятыми руками выстроились там, где им было велено.

Стоящие сзади попытались бежать, но путь им преградили десантники из других взводов.

БМД перекрыли проезды мимо здания с вывеской: «СБЕРКАССА».

У двери в учреждение курили Николай Иванович и Коноплёв.

– Вовремя ты пальнул.

– Лишь бы не начали в ответ. На поражение тогда, что ли?

– Только в воздух. Прикладом или стволом.

– У нас щитов-то нет. Дотянись тут прикладом. – Николай Иванович выбросил бычок. – Сань, микрорайон-то не прикрыт. Отпусти с отделением. Это тут рядом.

– Нам приказано быть здесь... Куда ты пойдёшь?!

– Вон туда, – указал рукой Николай Иванович на дома через дорогу.

Коноплёв молчал.

– Обещал я. Пусти!.. Один пойду.

– Бери первое отделение.

По лестнице спускалась совершенно голая Эмма. У неё было разбито лицо, седые волосы торчали клочьями. Она не прикрывалась – шла строгая, плотно сжав губы. Так спускалась она этаж за этажом. Двери соседей были заперты, слышались крики и визг взбесившейся нелюдей, идущих следом за Эммой.

Анаит стояла у окна квартиры Ханум и смотрела во двор.

Толпа вывела семью Даниелянов: отца, мать и шестнадцатилетнего их сына. Первым шёл отец, за отцом сын и последней мать. Её подгоняли ударами в спину. Сын пропустил мать вперёд и пошёл последним, принимая удары на себя.

На балконах стояли глазающие соседи, Анаит видела их сквозь оконное стекло.

Погромщики первым ударили арматурой сына, потом мать, отца. Обрезки арматуры мелькали в руках бандитов и беззвучно опускались на них. Добивали Даниелянов уже на земле.

Из прямоугольника окна смотрели во двор и другие укрывшиеся у Ханум женщины; ладонями они закрывали детям глаза. Огромные, полные слёз глаза Анаит смотрели во двор. Будь рядом Эмма, она бы тоже закрыла глаза дочери.

Во двор из подъезда вытолкнули Эмму. Силуэт её белел на сером фоне двора. Эмму вывели в самый центр – к спортивной площадке.

Анаит, задохнувшись, открыла рот. В следующую секунду она сорвалась с места, как подхваченная ветром пушинка, и понеслась – ничто уже не могло удержать её. Перед глазами мелькали ступени, белёные стены подъезда, окна. Распахнув скрипучую входную дверь, Анаит вылетела на улицу, и воздух огласился её пронзительным криком: «Мама!!!»

По улице в колонне по двое бежали двенадцать десантников – в ногу, автоматы за спинами. Первым бежал Николай Иванович, замыкали колонну Серёга и Ваха.

Некоторые из прохожих с удивлением смотрели им вслед, а толпа молодёжи принялась свистеть и осыпать их матом – десантники бежали, не обращая внимания.

Анаит неслась через двор. Господи! Она никогда не умела толком бегать, и теперь бежала, нелепо высоко поднимая ноги и размахивая не в шаг тонкими руками... Её окружили, схватили, стали рвать на ней одежду.

Фасады пятиэтажек. Окна – в них лица. Балконы – на них соседи. Девичий визг. Канистра.

Объятая пламенем Анаит живым огненным крестом шла к лежащей на земле истерзанной матери. Упала.

Через двор с одеялом в руках бежал Игорь – долго бежал, будто вечность. Рядом с Анаит он упал – кто-то дал ему подножку.

Игорь накрыл Анаит одеялом и так и остался сидеть на коленях, сгорбившись.

Прямо на десантников вышла толпа – человек триста, лица перекосены от ненависти, в руках арматура, топоры. Поворачивать назад уже поздно.

– Отделение, шагом! – прокричал команду Николай Иванович.

В две шеренги шло отделение – пружинисто, собранно, вызывающе. Как раскалённый нож врезалось оно в толпу – толпа расступилась. Николай Иванович смотрел в глаза бандитов – в них был страх, кто-то ехидно улыбался.

Десантники шли и шли... только рука у кого-то дрожала на чехле сапёрной лопатки.

В толпе за спинами погромщиков стоял Чёрный плащ. Некоторые вопросительно поглядывали на него: не пора ли начинать?

– Автоматы надо бы забрать, – сказал кто-то по-азербайджански.

– Не надо.

Николай Иванович встретился взглядом с Чёрным плащом – тот поспешил спрятаться за спины бандитов.

Так шли двенадцать бойцов, молча, пока не кончилась эта зловещая чёрная масса.

Ваха обернулся к толпе, оскалив зубы. Серёга легко выдернул сапёрную лопатку из чехла и – хрясь! – лезвием об асфальт – только отточенная сталь блеснула на свету. Лопатка вонзилась в асфальт. Серёга наклонился, выдернул её и положил в чехол. Постояли, повернулись и побежали догонять ушедших вперёд товарищей.

Вот и знакомый двор. Отделение, сбив строй, уже бежало туда, где стояли люди. Николай Иванович встал рядом с сидевшим на коленях Игорем, его бойцы остановились рядом. У парней дрожали губы.

Чуть поодаль Эдька с Ваней склонились над Даниелянами. Ваня встал на колени перед подростком и накладывал бинт с ватой на сочившуюся кровью рану на плече.

Эдька подошёл к Николаю Ивановичу:

– Товарищ прапорщик, там трое. Мальчишка вроде жив.

– Скорую! Хотя из-под земли! Бери Ваньку. Бегом!!!

Эдька увидел Анаит с Эммой, отступил на шаг. Ваня, всё ещё стоящий на коленях, смотрел, вытянув шею.

Вот тогда-то, наверно, ребята и стали настоящими воинами. Они уже знали, где находилась станция «Скорой помощи». Закинув за спины автоматы, они побежали из двора, и их бы не остановила даже тысяча убийц.

Начал накрапывать дождь. Игорь всё сидел на коленях, время от времени поправляя одеяло на Анаит, Эмму он накрыл своим пиджаком. Из домов подошли к убитым несколько человек. Ханум принесла покрывало и накрыла им Эмму.

Десантники стояли и невольно смотрели на окна.

Балконные двери начали закрываться, окна затягивались занавесками.

Моросил дождь. Прикрываясь чем попало или просто махнув на дождь рукой, к автобусам шли армяне – семьями и поодиночке. Они несли с собой то, что успели взять в последний момент: сумки, одеяла, рюкзаки. Люди помогали идти изувеченным.

Командир полка стоял вытянувшись в струнку, губы сжаты, а глаза плакали. Рядом стоял гражданский в кепке, чуть дальше Александр Коноплёв, другие офицеры полка.

Мимо шла семья Халафянов. Андрей с женой помогали идти Тиграну – тот с трудом переставлял ноги. Лицо старого армянина было в синяках, голова перевязана бинтом, сквозь который проступали пятна крови, седые волосы торчали над повязкой.

Проходя мимо офицеров, Тигран остановился. Встали и остальные Халафяны.

– Русские, как же вы допустили такое? – Тигран говорил, еле сдерживая слёзы. – Мы что, не советские люди? – Голос старика сорвался в плач. – Я воевал! Я под Новороссийском был ранен... Перестройка! Гласность! Вы в Москве не знали, что тут заточки на трубопрокатном готовили? Что водку раздавали?.. Не знали? Это и есть ваша гласность?! Не хулиганы здесь орудуют, нет – тут предательство! Предательство!!!

Тигран сделал несколько шагов, снова встал и, собрав последние силы, сказал:

– Выходные проводили? До понедельника ждали?.. Если о Сумгаите не узнают правду, – Тигран, собрав слюну пополам с кровью, плюнул на асфальт, – то тыфу на эту самую демократию!.. – И, подняв к серому небу кулак, пригрозил: – Плохо вам, русские, будет! Друг друга возненавидите и убивать станете!

Над площадью раздался женский вопль. Все посмотрели в ту сторону.

Через площадь шёл солдат без щита и дубинки, с автоматом за спиной, каски на нём не было, по щеке с головы стекала кровь, на погонах алели буквы «ВВ». Солдат нёс на руках девочку лет четырнадцати. Она была почти голая, по ногам стекала кровь. Солдат крепко прижимал девочку к груди. Её тонкая рука болталась у солдатского ремня. Следом шла мать девочки в промокшем халатике и рвала на себе волосы. Волосы оставались у нее на мокрых от дождя и слез руках. Временами женщина останавливалась, будто что-то вспомнив, и тогда небо словно раскалывалось от её вопля.

Офицеры и солдаты стояли окаменев, этот вопль хлестал по их сердцам.

Николай Иванович тоже застыл на месте, пальцы вонзились в ногу – не оторвать. Глаз отвести не мог – страшно, а не мог.

Опустив голову стоял Александр Коноплёв. Чуть больше года оставалось жить старшему лейтенанту. Чтобы предотвратить кровопролитие, он встанет перед боевиками «Народного фронта» с предложением сдать оружие. В ответ получит пулю.

По улице мимо микрорайонов уходил из города десантный полк. Одна из боевых машин остановилась у обочины. С брони прыгнул Николай Иванович. Зайдя в один из дворов, он направился к спортивной площадке, к тому месту, где лежали Анаит с Эммой. Николай встал там. На земле уже ничего не было видно – молодая апрельская трава закрыла всё. Николай снял берет, постоял с минуту, рассматривая каждую травинку, каждый комочек

земли. Апрельское солнце пекло ему в спину. Всё, пора домой! Он повернулся и, бросив последний взгляд на окна домов, пошёл обратно, зажав берет в руке.

На стене знакомого дома Николай Иванович увидел надпись чёрными большими буквами на русском: «Армян нет».

Солдаты стояли у машины, курили. Николай Иванович встал рядом, Ваха протянул ему сигарету, Серёга дал прикурить. Вроде домой, а тошно.

– Я, товарищ прапорщик, вокзал в Душанбе не могу забыть, – заговорил Серёга. – Как там наши?

Докурили, бросили окурки – и на броню. БМД зафырчала, выплюнула синий дым и покатила дальше из города.

«АРМЯН НЕТ» гласила надпись на оставшемся позади доме.

В Сумгаите, по официальным данным, было убито тридцать два человека. Число изувеченных неизвестно. Единицы были осуждены за мародёрство, один приговорён к высшей мере, но и он давно на свободе...

## БАГЕ АРМЕН



*Родился в городе Мешхед (Иран) в 1960 году. Изучал английский язык и социологию в Лондоне. Вернувшись в Иран, начал писать стихи как на армянском, так и на фарси. Является автором четырех сборников стихов и нескольких переводных книг. Живет в Тегеране.*

## МОЯ ГОЛГОФА

*Перевел Гурген Баренц*

### **ФРАГМЕНТ НЕНАПИСАННОГО СТИХОТВОРЕНИЯ**

Когда его разбудили,  
Сразу начался  
Кошмар  
Одиночества.

Когда включили свет,  
Он увидел стены  
И тьму.

Когда его посадили в поезд,  
Заржала какая-то лошадь,  
И планета  
Прекратила вращение.

Когда его голову  
Отделили от туловища,  
В заброшенном храме  
На землю упал  
Мокрый от слёз платок.

### ГОЛГОФА

Крест, который  
Носил на шее,  
Я продал вчера  
Ювелиру.

Мой крест –  
Деревянный карандаш  
На плече у бумаги.

Моя Голгофа –  
Короткое стихотворение,  
Короткое,  
Но лучезарное.

### НЕСКОНЧАЕМАЯ ИГРА

Игра окончена  
Пришла весна,  
И снежки  
Растаяли в наших ладонях.

Что нам делать сейчас,  
В этой нескончаемой игре,  
Со свинцовыми пулями  
В наших ружьях?..

## ГОСТЕПРИИМСТВО

Стулья пустые,  
Пустые тарелки  
На столе,  
И бокалы  
Пустые...  
Пустое ружьё,  
Висящее на стене,  
И пустая рама  
Для портрета.

Не понимаю -  
То ли я опоздал,  
То ли пришёл  
Слишком рано?..

## ХРАМ

Зажги свечку, мой друг.

В этом храме когда-то  
Девушки нашего города  
Очищали слезами  
Красноту своих сердец  
И синеву щёк.

Зажги свечку, мой друг...

## ЗАБРАСЫВАНИЕ КАМНЯМИ

Служителей церкви в публичном доме  
И проституток в церкви  
Забросали камнями  
И сослали:

Служителей церкви –  
В церковь,  
А проституток –  
В публичный дом.

## В УЛИЧНОЙ СУТОЛОКЕ

В уличной сутолоке  
Яблоку негде было упасть.

Я непроизвольно  
Уколол себе палец иголкой.  
Незаметная капелька крови  
Стекла на плиточный настил.

Щепотка жизни.  
Нет,  
Щепотка смерти.

## УЛЫБКА

Как печальна улыбка  
Этого малыша!  
Как постоянно начищенные  
Ботинки на ногах инвалида.  
Как карандаш и белая бумага  
В кармане умершего поэта.

\*\*\*

Мир сквозь эту слезинку  
Похож на ребенка,  
Который вот-вот утонет  
В необъятном море.

Эта маленькая слезинка,  
Которую я унаследовал  
От отца и от деда,  
Никак не скатится  
И не высохнет...

\*\*\*

Никто её,  
Такую страшно далёкую,  
Не видит яснее,  
Чем я.

И никто её,  
Что находится рядом со мною,  
Не теряет больше,  
Чем я.

## СЕРГЕЙ КАЛАШНИКОВ



*Родился в Германии. Жил в Чите, Будапеште, Волгограде. Поэт, эссеист, филолог. Автор «Филологического романа» (2006), книг стихотворений «Равновесие» (1999), «Тритон» (2008), «Музыка напоследок» (2014), «Каменный остров» (2016). Автор 90 статей по русской литературе. Работает в Москве.*

### Из цикла “АРМЕНИЯ.RU”\*

#### ЕРЕВАН – ВАГАРШАПАТ

За пазухой – армянский грош. Розовотуфье, штукатурки  
советское упрямство. Сплошь из джазвы кофе (слово «турки» –  
ни-ни!). Навстречу белорусы: бутылка тутовой, арбузы –  
такие же, как я, придурки: родную кровь не проведешь!  
Давай свернем на Pushkin-street! По-русски – вывеска «Аптека».  
Да видит Блок, не говорит почти никто здесь четверть века  
на северном моем наречьи – пора слоистый алфавит  
разучивать нечеловечий. Трехцветным пламенем горит  
полотнище де Лузиньяна. В Лазурную мечеть на чай

---

\* Название несуществующего домена в интернете, значение: «Армения по-русски».

сейчас бы – весело и пьяно отверзнутым глазам! Встречай  
меня, небесный книгочей-орел и лев золотогривый! –  
чтоб высосали синь очей слепящие резьбой извивы  
крещенных молотом камней Вагаршапата. Передышка:  
глубоководнее, ровней! Прочистим горло, серафимы –  
а то, пожалуй, это слишком непререкаемо. Ей-ей,  
под сводами неисчислимо их – шестикрылых голубей  
Святого Духа, купидонов Завета Ветхого, огня,  
меча, четырехгранных звонов – не приговаривай меня!  
Стопились надо мною в круг вы, чтоб ослепительнее, чтоб –  
но ни одной священной буквы я не могу: прости, Месроп!

## ЭРЕБУНИ

– «жилище моего отца».

Зернохранилище небесное открою:  
толченый в ступе свет, терпение жнеца,  
базальтовая крепость зверобоя.

Но что мне делать, самоучке в этой вере, –  
О русская земле, уже за шеломянем  
еси! – с глазами, вдолбленными в череп,  
и с тузовыми терпкими корнями?

Ни ассирийца нет, ни перса из Ширази,  
ни эллина, ни иудея –  
и женщина с мечом является из глаза  
картвельского титана Прометея.

На вечный день надея́ние – вопреки  
всему: ни имени, ни ямы, ни порога –  
как переписанное втайне от руки  
«Дыханье Бога».

## ГРНГОРЕΩ\*

Волосная музыка – тварей из ничего  
Ты Сотворивший! – ее изумрудные нити...

Черное – скоро не станет его! –  
Сасанидов солнце стоит в зените.  
Знает об этом на самом дне Вардапет  
каменной казнейлюбивой котомки:  
царь выпускает вепря на белый свет  
из сердцевины сердца. Печень его – потемки.  
Лавр объедает, утробой рычит,  
пожирает корни, зарывается рылом в плов, а  
за его спиной шипит Анаит:  
«Не прощай убийцу царя Хосрова!»  
Ту, что выше похвал, в наложницы подавай  
ему, тридцать две приведи виноградных девы!

...и сказал Давиду Саул: «Играй  
на орудиях струнных свои напевы!»

## ХОР ВИРАП

И в этой яме я сидел когда-то.  
И вот теперь – в крови моя рубаха:  
под шапкой Мономаха Арарата  
румяная граната Карабаха.

В чужом саду – малиновая слива.  
Густая кровь армянского Ван Гога\*\* –  
в закаты эрзерумского разлива  
ее всегда подмешано так много!

---

\* Греч.: бодрствую.

\*\* Мартирос Сарьян.

Сплошного неба капающий луч –  
чтоб выкипела глиняная охрипь.  
Когда бы знать, как он журчащ и жгуч,  
и выплакаться прокаленной охре б!

Карминный сумрак – зрение и слух.  
Но много ближе к царственной Голгофе,  
когда лозы последний треск потух –  
и возопила пыль о Саваофе.

### ЦИРАНАПОХ\*

На угожья Фаддея прокипяченный мрак  
снизошел. За домашним вином – пропеченные люди:  
«Розовоклювые аисты на зиму Аштарак  
не покидали – войны не будет».  
Словно войлок загробный, густо стоит надо мной  
абрикосовый бархат, вяжущий пряжей губы.  
Между вдохом Господним и выдохом твари земной  
пестуют стеклодувы  
шарообразный воздух тысячелетий. Гол  
изумруд звезды в зенице земного ока.  
Раздвигает река виноградный от буйволов дол  
и впадает в свое до краев сухопутное море. С востока  
– остуди меня, пепельная луна! –  
Азии волоокой слепое лепное веко  
отверзается. Рифма на «и» в начале и на  
конце строки Григория из Нарека  
леденит ожогом печево ночи.  
Фиолетовый персик – клятва Католикоса  
на предплечье Предвечного. Мироточивы очи

---

\* Арм.: абрикосовое дерево, дудук.

Аствацацин. Крестообразный, многоголос  
зыблется млечный свет, бисерной взвесью небо  
полня. Обморок звездопада.  
Господин дыхания моего, удержать не требуй  
словоплетения лоз. О, ярмо винограда!  
О, прокаленный, мреющий, громокипящий шар  
августа! Вечность в седле Масиса  
удоволена: бляение отар  
белопругорунных, горсть чечевицы и риса.  
На севере – столица подземных огней.  
На юге – гордый Васпуракан. Немея,  
ночь раздувает ноздри, терпкая, как полынь. И в ней –  
сердцебиение Варфоломея.

## СВЯТОЙ КРЕСТ

*Андранику Саргсяну, другу и брату*

4 литра на двоих  
мы взяли пива «Киликия»:  
глава 37-я, стих  
17-й Иезекииля.

Арцаха цокотом копыт  
и клетотом гортанным взрыто  
нагорье горестное – взрыд  
порфиноносного гранита.

Стакан выплескивает кровь  
свою – на праздничную скатерть.  
В Константинополе любовь  
уже закончилась, приятель!

Уже заложен Третий Храм,  
и вновь беспрецедентны меры.

Выпрастывает Notre Dame  
обугленные ребра веры.

Но слово помяни моё —  
во мне огонь «Васпуракана»:  
*Пока в Твоей Земле Копьё,  
Всегда Сочиться Будет Рана!*

## АСТВАЦАЦИН

Переливается на солнце кровь  
гранатовая. В глиняной гортани  
кувшина, в ране рта напитки приготовь  
на чабреце и на шафране,

Мария. Каменной резьбой  
вскипает луч — и я уже не помню  
терновых вин невинный разнобой  
и мясо царское из бронзовой жаровни.

Мария, опочил ковчег.  
Закатом небо перерезано.  
В оправе из травы твой серебристый снег  
под мухаджирское ложится лезвие

луны. Копье legionera  
колеблемо расплавленными ребрами —  
и слепо надо мной, Мария, вера  
клубится облаками облыми.

ГРИГОР ДЖАНИКЯН

## ЭТО АРМЯНСКОЕ СЛОВО “КАРОТ”

**Доброе утро, Бргник!  
Здравствуй, дорогой Варуж!**

Парикмахер Арам, под серебряным сверканием звезд целующий в аллее Парка Победы студентку по имени Гури\* (из зарубежных армян, фамилия не важна), отдавшись на волю чувств, объяснился ей в любви в самой примитивной форме:

– Любимая, сделаю для тебя всё, что пожелаешь: хочешь, с женой разведусь, хочешь, звезду с неба достану?

– С женой разводиться не надо, – ответила студентка госуниверситета Гури, работающая над курсовой о творчестве Даниела Варужана, – и звезду с неба не надо. Если и в самом деле любишь, отвези меня в Бргник.

\*\*\*

Жена целую вечность просила:

– Купи «Детскую Библию», буду ребенку перед сном читать, а на ночь под подушку положу.

Муж – парикмахер Арам из салона красоты, что на проспекте Маштоца, всячески отговаривался:

– Где я тебе достану «Детскую Библию»?

– А то не знаешь! Книги, к твоему сведению, в книжных магазинах продаются, а центральный – на улице, что рядом с твоей парикмахерской.

---

\* Гури – арм. Հորի, в переводе – красавица.

Ну и что, что рядом?... Арам в жизни в книжный не заходил, но из любви к ребенку...

Тонколикая, тонкостанная девушка-подросток, вероятно студентка, не заметив Арама, опередила его – подошла к продавщице и с непринужденностью давней знакомой спросила:

– Третий том Варужана вышел?

– Есть и другие поступления, – сообщила продавщица. – Пожалуйста.

Увидев на обложках всех лежащих перед девушкой книг «Варужан», «Варужан», «Варужан», Арам прочитал наизусть:

*Когда смешаешь ты в ночи  
Улыбку с ароматом мяты,  
Луны серебристые лучи  
Взыграют на твоей груди...*

Студентка, вздрогнув от неожиданности, повернулась в сторону Арама и зарделась, спросила:

– Вы так хорошо знаете Варужана?..

– Не читал ни строчки, – признался Арам, – это мама в детстве читала мне на ночь.

– Хорошая у вас была мама, – произнесла девушка.

\*\*\*

– Значит, хочешь поехать в Бргник? – решив, что речь идет о достопримечательности Армении, сразу согласился парикмахер.

– С удовольствием, в ближайшие же выходные. А где это?

– В Западной Армении.

– Где???

– В области Тиврик, что в Себастии.

...Так уж сложилось, что со всеми женщинами, которые когда-либо случались в жизни Арама, он ограничивался лишь выполнением мужских обязанностей.

Знала ли жена, что он встречается с другой, причем со студенткой, в его-то возрасте? Наверно знала. Знала ли, что, если но-

чами приходит домой поздно, время проводит с этой «другой»? Если и не знала наверняка, то догадывалась. Догадывалась и молчала, потому что знала: начнет спорить, скандалить – себе же дороже выйдет. Останется безмужней. И именно потому, что она молчала и смиралась, Арам мучился угрызениями совести – везде и всегда, где бы ни бывал с Гури. Ее, кстати, в тонкости своих переживаний он не посвящал.

При пересечении границы она с дрожью в голосе попросила:

– Когда будем въезжать в Западную Армению, скажи, ладно?

Арам стал вчитываться в дорожные указатели: искал надпись «Западная Армения». Не нашел. У указателя «Карс» Гури вдруг вскрикнула:

– Стой!

– А что, Карс – это Западная Армения?

– Какое имеет значение? Всё одно – заложник.

Вышла из машины, распласталась на каменистой земле, широко разведя руки. Обнимала землю Карса. Припадала устами.

Вернулась с камешком, написала фломастером: «Карс», поставила дату, положила в рюкзак. То же сделала в Ани, в Игдире, в Ване.

– В этой стране земли, что ли, нет? – удивлялся парикмахер салона красоты. – Всё камни подбираешь...

В Себастии выяснилось, что деревни Бргник нет не только в области Тиврик, но и во всей провинции. Если и была, то когда-то давно. У заправочной, где они остановились в надежде заполнить бак соответствующей «Мерседесу» маркой бензина, собралась толпа. Гури, с детства свободно болтающая по-турецки (у бабушки научилась), уверенно описала деревню, храм Сурб Ншан, церковь Сурб Саргис... Тысячу раз слышала от деда. Собравшиеся только недоуменно качали головами.

Подошел старик, постукивая палкой. Постоял, послушал и говорит:

– Дочка, ты никак ту деревню ищешь, где великий поэт родился?

– Ту, дедушка, ту, – обрадовалась Гури.

– Они слишком молоды, откуда им знать?! – захихикал старик.  
– Ведь после того как армяне покинули деревню, ее название два раза менялось: в первый раз на Чайбойлу, а во второй – на Дйортелюл, как и зовется сейчас.

– А ехать далеко?

– По другую сторону вон той горы. Но дорога хорошая.

Как только одолели очередной поворот, Гури воскликнула:

– Бргник!!!

– Откуда ты знаешь? – удивился парикмахер.

– Не видишь?! Точно как у Варужана в «Песне хлеба»!

Парикмахер «Песню хлеба» не читал, но ход «Мерседеса» замедлил, чтобы издали разглядеть деревню, описанную Варужаном... Утопающие в садах дома расположились на склоне холма, невесть откуда берущая начало речка, журча, устремлялась вниз и влюбленно сливалась с полноводной рекой. Бабушки пекли в тонирах хлеб, невестки доили только что воротившихся с пастбищ кучерявых овец, землепашцы обрабатывали нивы... И всё это делали турки.

В центре деревни Гури вышла из машины и со знанием дела, уверенно зашагала по ее улочкам, будто всю жизнь прожила здесь и все уголки ей прекрасно знакомы.

– Вот с этого бережка маленький Варужан кидался камешками в уток... Под шуршанье этих тополей слушал историю своего рода... Этой тропкой с учениками гимназии Арамян совершал паломничество в храм Сурб Ншан.

Подошел крепкого сложения мужчина средних лет, спросил строго:

– У вас есть разрешение на въезд в Дйортелюл? Я – староста деревни.

Сказав, демонстративно достал из кожаного футляра на поясе телефон с антенной – мол, прямо сейчас свяжется с отделением полиции области, а то и провинции, и их обоих арестуют. Стоит ему только захотеть.

– Мои бабушка и дедушка из этой деревни, – объяснила Гури, – мы хотели выполнить их последнюю волю – взять горсть земли на их могилы.

Староста смерил ее с ног до головы ироническим взглядом.

– Если хотите найти спрятанное вашими бабушками-дедушками золото, зря приехали: наши разворотили и Сурб Ншан, и Сурб Саргис. Ничего не нашли. Так что берите горсть земли, если за этим приехали, – и уезжайте.

– Уехать сейчас? – заволновалась Гури. – Мы хотели переночевать здесь.

Староста деревни убрал телефон в футляр:

– Переночевать можете. Мы построили гостевой дом, но он стоит почти пустой. Год с убытками закрываем.

Новенький гостевой дом стоял близ развесистых ив, склонившихся над весело журчащей речкой. Старая хозяйка тепло встретила посетителей.

– Прошу, прошу, – повторяла она, открывая по очереди двери в комнаты, – выбирайте, все свободны.

Гури выбрала номер с окнами на деревню.

– Ну, располагайтесь, а я принесу чай.

Не успели помыться с дороги – хозяйка пришла с кипящим самоваром, а к чаю принесла тутовую патоку и виноградное сусло.

– Доброй вам ночи, не стану мешать. Скажите только, что на завтрак пожелаете?

– Айсумис\*, – сказала Гури.

Глаза хозяйки округлились.

– Откуда ты знаешь о нашем айсумисе, дочка?

– Мои бабушка и дедушка родом отсюда.

– Дитя мое, – хозяйка обняла Гури, поцеловала и вышла, закрыв за собой дверь.

Гури весь день не ела и сейчас не взяла в рот почти ничего. Управившись с чаем, поспешила в ванную.

Потом принял душ Арам, а когда вышел из ванной, увидел, как Гури стелет полотенце на снежно-белую простыню.

– Ты зачем это? – не понял он.

---

\* Айсумис (арм.) – больше известно как ламаджо.

– Я дала обет забеременеть от тебя в Бргнике, родить сына и дать ему имя Варужан, – открыла ему глаза студентка.

Мужчина подумал, девушка шутит, и сам неловко пошутил:

– А если будет девочка?

Гури пришлось объяснять в подробностях:

– Ты не прочитал ни одной книги и ничего не знаешь. Так вот слушай: в то утро, когда Варужан понял, что его поведут на расстрел, он завещал своим братьям по ссылке: «Моя жена Аракси беременна, на днях родит, прошу, передайте ей, пусть новорожденного назовет моим именем – Варужан». Однако вовремя передать последнюю волю Варужана из Чангыри в Константинополь не удалось. Аракси родила сына, но назвала его Айкак.

Рассказала и легла в постель:

– Ну, иди же!

– Гури, ты с ума сошла!

– Не бойся, не скажу твоей жене. И если сам не захочешь, отнимать тебя у нее не стану.

Очутившись в постели рядом с ней, Арам отдался страсти безудержно, не сковывая, не укрощая себя, как это было в аллее Парка Победы.

– Если что сделаю не так, скажи, только прошу, не делай мне больно.

Парикмахер наверняка «делал больно», потому что девушка крепко зажмурила глаза, в ее лице читалось страдание, но губы улыбались...

...Потом убрала подстеленное полотенце, приняла душ, снова легла, прижалась к Араму.

– Я забеременею, правда?

– Не знаю.

– Всё равно, когда бы это ни случилось, отцом моего Варужа будешь ты. Ты – мой первый мужчина. Не засыпай, ладно? – попросила.

И заснула первой.

## В Арапкерте – с Ваагном Давтяном\*

Поэт, мне сейчас ровно столько лет, сколько было тебе, когда ты покинул нас, унеся с собой непреходящую тоску по родной земле, щемящую боль от невозможности увидеть ее. И сейчас не я – ты спускаешься в ущелье Анго, напевая:

*Если чудом путь мой проляжет  
В детство, к Евфрату...*

Автобус только тронулся из Малатии, а тебе уже не терпелось: – Чувствую запахи Арабкира.

Я недоумеваю: ага, значит, и местность может иметь свой запах! Делаю вид, будто не замечаю твоих увлажнившихся глаз.

Армянский прозаик Шаан Шахнур – он же французский поэт Армен Любен, владение французским коего было отмечено премией Ривароля\*\*, уверял, что у французов нет слова, равноценного нашему «карот»\*\*\*. Армянский прозаик Шаан Шахнур – он же французский поэт Армен Любен – прекрасно знал, что в любом словаре французского языка есть множество синонимов слова «карот», но он знал также, жестокой судьбой своей познал, что нет в мире тоски, равной «кароту» армянина. А «карот» твоего паломничества, поэт, эмоционален, ибо ты помнишь и жаждешь видеть свою бабушку Ермонию, вычесывающую хлопья свежесымытой шерсти, тяжелых молодух, выводящих абрикосовой косточкой на не просохшей еще пастиле инициалы своих мужей-скитальцев:

---

\* Известный поэт и переводчик. Родился в Арабкире (Турция).

\*\* Литературной премии Ривароля удостоивали за лучшее произведение на французском языке, написанное автором-иностранцем. В 1955 году ее получил Шаан Шахнур, а в 1956 году – Ваге Кача (Ваге-Гарник Хачатурян).

\*\*\* Карот – это грусть, печаль, горе, ностальгия – всё вместе и с большой долей боли, тоска по родине народа, своей историей послужившего, к несчастью своему, основанием для создания неологизма «геноцид».

*Ночь прошла, я без сна, лечь бы, поспать,  
Как с этой мукой мне совладать?!  
Пришли хоть платок, как ты там, узнать,  
Вытереть слезы, лечь бы, поспать.*

Что касается меня, то моя поездка носит скорее познавательный характер. В Арабкире я не был, но давно хотел – так, как хотел и уже побывал в Ване, в Муше, Битлисе – во всех наших плененных, порушенных домах.

*«Хочу прильнуть устами ко всем местам, где пал хоть один страдалец, где ступала нога хоть одного героя. Мы велики, покуда подпитываемся от родной земли. Там наши истоки. Там, где наши деды»,* – завещал мой духовный отец, боготворимый мной Даниел Варужан.

Упоминаемый еще Птолемеем священный город Иераполис, согласно твоей этимологизации – Арапкерт\*, явился нашему взору как видение, как сон въяве. Воскегет – Золотая река – берет начало в голубой мгле Цахкасара и устремляется вниз, ветвясь на речушки, журчит далее в плодоносных садах города. За развесистыми тузовыми и грушевыми деревьями всех видов и сортов особняки не видны. Новые же строения высвободились из пут деревьев и вскарабкались на окаймляющие город холмы. Арабкир успел и небоскребами обзавестись.

– Нам вниз по этой извилистой тропке.

*Узнаю по запаху крова родного  
Низенький домик детства босого...*

– Приехали!

В одной из публикаций ты признавался, что, возможно, под диктатом рифмы согрешил перед истиной: Арабкир – на берегу Воскегета, а не Евфрата. Возможно, по той же причине ты назвал низеньким ваш добротный двухэтажный дом с навесным балко-

---

\* *Арапкерт* – «ар ап керт», переводится с армянского как «на берегу созданный».

ном. Диву даюсь, как ты, трехлетний, скатился спросонья с конька крыши и не разбился.

Смуглолицая девчушка протягивает сквозь кустарниковую изгородь кулачок:

– Берите.

Я не только твой спутник, но и переводчик.

Спрашиваешь:

– Что это?

– Цогол\* миндаля, – говорит девочка.

Удивляешься:

– Почему не даешь созреть?

– Незрелый вкуснее, – улыбается девочка.

Потом мы убедились, что не только она, по возрасту, думает так. В Арабкире цогол миндаля ели всюду и все – и дети, и взрослые.

Но вот на балконе появляется бабушка девочки и начинает строго ей выговаривать:

– С кем это ты там болтаешь?

– Арабкирцы мы, – пытаюсь смягчить «провинность» девочки.

– Приехали родные места посетить.

Старуха оживилась, ослабила узел платка.

– Чьих будете? Когда, почему уехали?

– Э, да давно это было, – помрачнел ты, – сто лет уже миновало.

О принудительном выселении армян старуха не слышала. Может, притворяется, что не слышала?

– В Арабкире нет больше армян, последний только недавно помер, – сочувственно-дружелюбно сообщила она.

Ты спохватился:

– Кстати, надо посетить могилу Саргиса Мираншахяна.

Девчушка выбегает из ворот, чтоб показать нам дорогу на армянское кладбище.

Старуха долго упрашивала, но ты настоял на своем: в дом мы не вошли. Воображение нарисовало тебе, как турчанка подает пахту в глиняной кружке твоей бабушки Ермонии, и ты бежал от

---

\* Цогол (арм.) – незрелый фрукт.

этого – поэт бежал от отчего дома. И до самой вершины холма, до кладбища нет-нет да оглядывался назад. А мне приходилось отворачиваться, чтоб не видеть твоих глаз:

*Этой ночью вновь приснился старый сон –  
Убаюкиваемый Евфратом родимый дом...*

Последний армянин Арабкира Саргис Мираншахян, или на турецкий лад Мираншах-оглу, был истинным арабкирцем и, как истинный арабкирец, упертый был. Не удалось его сыну Арарату, успешному предпринимателю в Стамбуле, уговорить овдовевшего отца переехать к нему: у него и особняк современный, и вилла с видом на море, и прислуга – всё как полагается... Заупрямился, не захотел. Единственным его требованием, вернее просьбой, было – чтобы сын нашел ему домработницу армянку, дабы он до конца дней своих мог говорить на армянском. Арабкирцы помнили и охотно рассказывали о Манушак, о том, как в поисках хлеба насущного добредшая из лорийских деревень до Турции девушка с сердоболем дочери опекала их согорожанина. Этот без малого столетний старик любил выходить вечерами на балкон и, устремив взгляд на горы Тавра, петь с нескрываемым блаженством на лице. Но то была не песня, а наказ:

*Когда увижу я, чтоб армянин в Карине восседал,  
Родными письменами приказы отдавал,  
Охранные полки армян чтоб направлял  
В Тигранакерт и Муш, в Баязет и Ван?*

«По одежке протягивал бы ножки, – корила его про себя Манушак, – Арабкира ему мало, так в этом возрасте Баязет и Муш, Карин и Ван ему подавай!»

Но – армянка ведь! – своя карот-тоска была и у нее. По весне она особенно часто подносила платок к глазам:

– А в Армении сейчас горы зеленеют, народившиеся ягнята, смешно подскакивая, взбираются на горные пастбища...

И так – каждую весну, зная наперед, что Саргис-ага будет злиться на нее, попрекать:

– Станный вы народ, восточные армяне, а Арабкир вам что, не Армения?

На армянском кладбище шли капитальные ремонтные работы. Ограда, часовенка, одинаковой формы могилы с одинаковыми кустиками цветов всё еще пахивали известью. На мраморной колонне у входа позолоченными буквами высечено: «Господи Иисусе Христе, упокой и помилуй души почивших и даруй нам, грешным, отпущение грехов наших». На кладбище есть и очень старые, и сравнительно новые захоронения; разрыв в датах красноречив: жертвы резни 1896-го года и геноцида 1915-го надгробий не имеют.

Жилистый мужчина рыхлил почву вокруг цветочной грядки.

– Где здесь могила последнего армянина Арабкира?

Резко выпрямился, в сине-зеленых глазах – обида и возмущение.

– Последний армянин Арабкира перед вами!

Поэт, я ощутил, как в твоих прищуренных глазах заиграла улыбка. Ты был так рад, так соскучился по арабкирскому диалекту:

– Чьих будешь, ахпар\*?

Увы, твой собеседник владел языком не настолько, чтобы продолжить разговор. Да если бы и владел! На каком диалекте, на каком языке мира, пускай даже с самым богатым словарным запасом, возможно передать беду армян?! Наш собеседник поведал на турецком, приправленном армянским «ахпарикнер, ахпарикнер», о последних днях своей матери, о том, как она, уже на смертном одре, подозвала его и призналась, как духовнику, что она – армянка, зовут ее Вардуи, что, хотя вышла замуж за турка, детей тайно нарекла армянскими именами.

– И в тот день я узнал свое имя – Микаэл, и имя моего брата – Саргис, – наш собеседник явно гордится своим откровением, смотрит на нас победно.

---

\* *Ахпар (ахбар) – западноармянское обращение «ехбайр», брат; ахпарикнер – братишки.*

Близ могилы матери Микаэла Вардуи покоится Гарник, по-дальше – Вержин, Григор, Марица, Минас... Новые хозяева города все фамилии отуречили, а имена – не успели.

Тьма сгущалась, и мертвым полагался покой.

– Где ночевать будете, ахпарикнер?

– В гостинице.

– Пошли, провожу вас.

Ночь в Арабкире... Звезды каплями скатывались с неба в Воскегет; золотистая рябь блекла, отдавая серебром.

Запомнившаяся тебе с детства рыночная площадь нынче вырослась в пешеходную зону. Одним концом она упирается в единственную в городе гостиницу. Когда остаемся одни, ты снова досадуешь:

– Как только тебе взбрело в голову такое?! Чтоб в своем родном городе я ночевал в гостинице?!

Молчу, не нахожусь с ответом – точно так, как через денек-другой в моем родном Акне\* не найдешь с ответом ты на мой такой же вопрос-упрек.

Гостиница в Арабкире называется «Назар»; так звали моего отца. Она и впрямь приветила нас по-отцовски.

Хозяин гостиницы Тюнджай Вичнели-оглу вел нас с этажа на этаж, показывая номера на выбор, и из каждой ниши, с каждой полки на нас смотрели знакомые нам арабкирские медные миски, котелки, казанки, кувшины, веретёна... Не успели мы разместиться, появилась хозяйка гостиницы, супруга Вичнели-оглу, спросить, какое из традиционных арабкирских кушаний мы бы хотели отведать...

– А что можете предложить? – спрашиваешь, погрузившись мыслями в детство.

---

\* Акн – город в Западной Армении (ныне – Кемалие, Турция). Под турецким господством с начала XIV века. После турецких погромов в сентябре 1896 года отстроен заново. После геноцида 1915-го в городе и окрестных деревнях армян почти не осталось.

– Что пожелаете: теревджур, авкитджур, тапкоц, акандж-апу<sup>\*</sup> ...

– Всё! Пускай приготовит всё! – загорелся ты – самый воздержанный в еде армянин из всех, кого я знаю.

Хозяйка была в положении, но облачена в траур. Очевидно, на наших лицах читалось удивление, иначе не стал бы Тюнджай Вичнели-оглу делиться с нами историей своей семьи: год тому назад их сын погиб в бою с курдами. Мать решила родить мальчика, чтобы тот занял место погибшего брата в рядах турецкой армии и отомстил за него.

Траур и беременность не помешали хозяйке лично подать нам армянские блюда Арабкира.

В какой-то момент армянолюбие хозяев стало казаться мне сомнительным. По-видимому, неспроста Тюнджай Вичнели-оглу с гордостью сообщил нам накануне, что каждый год, особенно в летний сезон, арабкирские армяне из Стамбула, Женевы, Парижа, из Соединенных Штатов плотной толпой, с детьми и внуками, тянутся сюда, в родные места! Не показное ли это благорасположение к армянам, не примитивный ли прием манипулирования карот-тоской гостей и выуживания денег, не с той же ли целью ремонтируется армянское кладбище – в городе, где живет единственный армянин?! Мои сомнения рассеялись, когда, вернувшись в номер, я пролистал гостиничные путеводители – от первой до последней странички. Оттуда я узнал, что, оказывается, старинный город Арабкир изначально (!) был заселен мусульманскими народами и племенами. Ни намека на присутствие армян! Забыли авторы путеводителей, что на рубеже XIX-XX веков в Арабкире было семь церквей, из коих четыре – армяно-григорианские, в том числе – викариальный храм Сурб Аствацацин, церкви Сурб Акоб, Сурб Геворг, Сурб Лусаворич, а также две протестантские и одна католическая. Забыли, что в 1911-1912 учебном году здесь действовали тринадцать армянских гимназий,

---

<sup>\*</sup> *Теревджур – суп из пшеничной крупы, каурмы и виноградных листьев; авкитджур – суп из яиц, шпината, лука и масла; тапкоц – вид омлета, акандж-апу – суп с ушками из теста.*

в частности Майр варжаран, Сурб таргманчац, женская Заруйян и другие\*. Турки же удосужились открыть единственное медресе, где вроде бы преподавался ислам, но на самом деле прививалось армянофобство.

1915-й был недалеко.

Из Стамбула в Арабкир – а это 1120 километров – мы ехали целых пятнадцать часов на автобусе. Естественно, устали. Однако уснуть никак не получалось: как только смежишь глаза, металлический голос муэдзина с ближайших минаретов прерывает сон. Еще в Стамбуле после бессонной ночи я подошел на улице к первому попавшемуся ходже и спросил, не мешают ли ночному покою последователей Мухаммеда громкие воззвания в столь неурочные часы. Ходжа громко расхохотался над моим христианским невежеством.

– Ночные азаны, – высокомерно просветил он меня, – не столько для здоровых, сколько для больных и отчаявшихся, для находящихся при смерти, чтоб они укрепились в вере в Аллаха и дождались, дожили до рассвета.

Проснувшись наутро после беспокойной ночи, я увидел тебя сидящим за письменным столом, в пепельнице – груда окурков. Как мог бесшумно, я вышел из номера, чтобы тебе не мешать. В коридоре столкнулся с лихорадочно вышагивающим взад-вперед Тюнджаем Вичнели-оглу.

– Торопитесь, – скороговоркой выпалил он, – полицейский инспектор мэрии ждет вас.

– Какое дело к нам у полицейского инспектора мэрии?

– Не знаю.

Мы и так по прибытии в Арабкир были под надзором. Ночью нас разбудили стуком в дверь сотрудники внутренней безопасности гостиницы и, пролистывая оставленные в приемной наши

---

\* По административному делению Юстиниана (VI в.) Арабкир входил в состав Покр Айка. Под турецкое господство попал в XV веке. Армяне Арабкира в 1895-96-м и во время геноцида 1915 года подверглись принудительному выселению и истреблению. Иммигрировавшие в Советскую Армению арабкирцы основали поселок Нор Арабкир, ставший со временем одним из районов Еревана.

паспорта, пожелали узнать, почему в них не отмечены наши отчества. Кстати, и поэт, и я подзабыли, что в какой-то период в Республике Армения паспорта выдавались без отчеств. Это упущение всерьез насторожило чинов, ответственных за безопасность гостиницы: для них, судя по всему, было чрезвычайно важно знать, кто чей оглы.

Полицейский инспектор мэрии – как и полагается, в полицейской форме – представился Мустафа-беем, пожал мне руку, пожутив одновременно за то, что мы, приехав в Арабкир, первым делом не представились ему. По его словам, он – живая история, энциклопедия армянского Арабкира. В подтверждение он открыл записную книжку, куда занесены были адреса и телефонные номера всех арабкирских армян, в разное время выехавших в Стамбул, в Европу, в Соединенные Штаты. Там были также адреса и телефонные номера всех тех, кто впоследствии приезжал в родные места. Осведомленность полицейского инспектора показалась мне странной: я снова засомневался, любовью ли к армянам она объясняется, или это – всего лишь исполнение служебных обязанностей.

Между тем Мустафа-бей доверительно берет меня под руку:

– Пошли, покажу вам армянский Арабкир. А поэт не пожелал бы присоединиться?

– Поэт работает.

– А жаль, много потеряет.

И правда, поэт, ты много потерял.

Полицейский инспектор на своей машине сначала повез меня на холм, где некогда возвышалась величественная викариальная церковь Арабкира; ее камни нынче можно разглядеть в стенах окрестных домов и хлевов. Потом показал особняк предводителя местного прихода Саргиса Мираншахяна, перешедший под юрисдикцию мэрии; ключи были у него в кармане. Окончательно обосновавшийся в Стамбуле сын Саргиса-ага от особняка отказался. В Арабкире своего приходского предводителя давно не было. Нет церкви, нет прихода, нет и предводителя.

Но особняк стоял, и мне захотелось во что бы то ни стало познакомиться с отцом Мушегом.

В прихожей Мустафа-бей предложил переобуться в тапочки, как при входе в музей. А особняк арабкирского настоятеля и впрямь походил на музей: резной узор украшал не только балястраду и поручни лестницы, но и ставни на окнах. Мы поднялись на верхний этаж и, переходя из зимних покоев в летние, встретили в притворе святого отца. Он выглядел именно так, каким я его себе представлял.

Во время резни 1905 года Арабкир и все деревни вокруг были так разворочены и разворованы, страх перед неминуемым погромом армян был так велик, что ни один священнослужитель не решался приехать и взять на себя обязанности настоятеля епархии. Прошло целых два года, прежде чем священник неполных двадцати восьми лет от роду по имени Мушег обратился к патриарху с прошением назначить его на место зверски зарубленного предводителя Арабкира. Доехал ночью и, не дав себе роздыха и не дожидаясь утра, потребовал список населенных пунктов прихода. Велико же было его удивление, когда против деревень с армянскими названиями Багник, Матурка́, Вагавер, Давид, Соси увидел слово «турконаселенная»...

– Как могло случиться, что турки своим деревням дали армянские названия? – усомнился новоназначенный предводитель.

– Святой отец, – объяснили ему прихожане, – в этих деревнях живут армяне, но во время резни их принудили принять ислам, и сейчас они боятся ходить в церковь.

Неизвестно, как провел двадцативосьмилетний святой отец свою первую ночь на новом месте. Зато известно, что утром чуть свет он оседлал коня и поскакал в ближнее село Вагавер. Церковь было видно издалека. Он направился прямо к ней. Поднявшись на колокольню, привязал канат к языку колокола и принялся его раскачивать что есть силы. Вначале звон онемевшего колокола робко затрепетал над деревней, затем, осмелев, простерся, проник в самые глухие ее уголки. Разъярившиеся турки высыпали было из дворов – кто с топором, кто с вилами, но, завидев на верхотуре

звонницы фигуру дерзкого священника, умерили пыл. Немного спустя на улочках стали появляться бабушки-армянки: крестясь, они спешили к заутрене. За ними потянулись снохи. Дети. Мужчин не было. Все перебиты.

Имело бы слово «карот» для нас тот же смысл и глубину, будь у нас побольше таких священников, как отец Мушег, кто вместо того, чтобы стать во главе смиренно бредущей в изгнание паствы, побудил бы людей к противлению? И только ли о священниках речь! Почему опустела наша достоправная столица Ани? Почему армянский царь Васпуракана Сенекерим Арцруни уступил свои владения Византии – ни много ни мало 8 городов, 72 крепости, 4 тысячи деревень, превратив 80 тысяч своих подданных в беженцев? Секрет ли, что мы по сию пору не можем стряхнуть с себя бремя скитальческой нашей судьбы, освободиться от мучительной карот-тоски?..

Груда окурков в пепельнице выросла в пирамиду, но ты не написал ни одной строчки.

Меня это не удивило: любимый тобой «добрый великан»\* Вильям Сароян, один из самых, пожалуй, плодовитых писателей своего времени, по осуществлении давней своей мечты посетить родину не мог писать. Давно бросивший курить, начал снова.

Курить и пить виски.

Пить виски и курить.

\*\*\*

Автобус дожидался нас на стоянке перед гостиницей; водитель сигналил, торопил. Мы же, вместо того чтоб ускорять шаг, медлим... В последнее мгновение из вашего палисадника выбегает пес, вьется у твоих ног:

*Не вспомнить теперь, как его звали,  
Взгляд был грустен, полон печали.*

---

\* «Добрый великан» – так назвал Ваагн Давтян свою книгу воспоминаний о Вильяме Сарояне: «...мне кажется, что он, как вышедший из сказки добрый великан, стоит на перекрестке всех дорог мира и раздает людям любовь, сострадание, милосердие и совесть».

Поэт, ты и правда забыл, как его звали, но... не ваш ли это пес перегрыз сейчас цепь, подбежал к тебе с многолетней карот-тоской во влажных глазах и лижет, лижет тебе руки, лицо...

*А дальше всё – как в мутном тумане,  
Из тумана слышу пса завыванье...*

И всё же я успел взять горсть той земли!

– Берешь, чтобы рассыпать на моей могиле? – невесело ухмыльнулся ты.

Нет, поэт, беру в доказательство того, что Арабкир жив, Арабкир ждет! Ждет и верит, что не иссушит нас вконец карот-тоска, что мы возвратимся.

В родные наши края.

## **Киликия, моя Киликия, моя грусть и надежда**

*Увидеть бы Киликию мою...*  
Наапет Русинян\*

Кто не бывал в Киликии, не может себе представить, что мы потеряли.

А кто побывает...

Есть у народов судьба? Откуда мне знать – есть, нету?.. Из Батуми, сразу по пересечении турецкой границы, поезд мчится вдоль берега Черного моря, несется часами. Несется день и ночь. Наконец доезжает до Стамбула, петляет недолго в районе Босфора и Мармара, затем резко поворачивает к югу и теперь уже несется вдоль берегов Средиземного моря, несется часами, день и ночь, до Аданы... Добросердечные руководители добропорядоч-

---

\* Наапет Русинян (1819 – 1876) – поэт, публицист, мыслитель и общественный деятель.

ных стран – вопреки составленной Вильсоном скромнейшей карте – пожалели для армян узенького выхода к Трапезунду.

Есть у народов судьба? Нет? Откуда мне знать?..

Наши представления о городах Западной Армении по понятной причине застряли в тенётах пятнадцатого года. А между тем сегодняшние Мерсин, Себастья, Малатия и другие, где мне довелось побывать, выглядят вполне современными городами с претензией на европейскую идентичность.

Еще с пристани я убеждаюсь воочию в уместности оранжевого цвета в нашем национальном флаге: утопающий в апельсинах Мерсин\* как бы подтверждает, что это Армения: в Мерсине апельсинов так же много, как в Араратской долине в разгар лета – абрикосов\*\* ...

В раннем Средневековье на этом скалистом берегу высадились с боевым отрядом крестоносцы – двое высокородных братьев-бельгийцев Буйон и Балдуин.

– Каково название этой прекрасной страны, добрые люди? – спросил граф Балдуин.

– Киликия, – ответил вышедший навстречу со свитой Торос, князь Эдесский, и пригласил крестоносцев во дворец. Угостил тушеной дичью с овощами, провел в покои, дал им отдохнуть в шитых золотом постелях и только потом спросил:

– Куда путь держите, благородные рыцари, с какой целью?

– В Антиохию, – ответил рыжебородый Балдуин, – дали обет освободить от варваров Священный Город.

Расширивший пределы Киликии до самой Антиохии князь Торос, за плечами коего многочисленные победоносные сражения против турок-сельджуков, был уже стар.

– Будь благословен твой путь, граф, – князь положил дрожащую руку на широкое, облаченное в латы плечо Балдуина. – Мы первые приняли христианство, Христос – боготворимый нами

---

\* Страбон называл город-порт Мерсин «главными воротами» Киликии.

\*\* Армянский триколор – красный, синий, оранжевый; оранжевый – от orange – апельсин, а на армянском мы нижнюю полосу называем абрикосовой, ибо абрикосом славна наша страна.

единородный Сын Бога, Мариам – почитаемая нами Пресвятая Богородица. Мой не знающий поражений отряд препроводит тебя. Спасешь мощи Спасителя нашего от варваров – получишь дочь мою в жены и корону правителя.

Граф мельком бросил взгляд в сторону возлежавшей на софе Арды и был в мгновение околдован ею. Княжна была одарена всеми чарами женщин Востока и Запада. При этих словах отца она залилась румянцем, став еще прелестнее. Рыцарь готов был преклонить колено, обещать вечную любовь, но... вдел ноги в стремена, пошел в наступление, одним махом освободил Антиохию и поспешил обратно вручить князю Торосу ключи от крепостных ворот. Ему хватило одной победы для взятия Антиохии и для завоевания сердца персиколикой Арды вместе с короной Киликии. Однако когда, отдав руку дочери бельгийскому рыцарю, князь хотел возложить ему на голову корону, тот поклонился глубоко и сказал:

– Признателен тебе, князь, но не могу я носить корону здесь – в месте, где наш Спаситель носил терновый венец.

Бельгийский крестоносец принял истинно рыцарское решение: армянской Киликией править должны армяне...

Кто знает, может, в глухих закоулках окраин старого города, у руин разрушенной церкви выжил хоть один армянин, принявший ислам, чтобы спастись?

В первой же чайхане – не по зову крови, случайно – я подсел к двум старикам, как мне показалось, дремавшим с чаем в руках и не заметившим моего присутствия.

– Я приехал издалека, – заговорил я, – хочу с армянами здешними встретиться.

Один из стариков, приоткрыв глаза, переспросил:

– Армянами? Какими-такими армянами? Не знаю, не слышал.

Второй хмуро возразил:

– Как не слышал, Мурад?! Ты что, ни разу не был там, где развалины двух церквей? Когда мы наших дочерей из дома не выпускали, армяне водили своих в детский сад, в женскую гимназию.

Прочитав в моем взгляде вопрос, отвел глаза.

Старик, как бы стар он ни был, наверняка родился много лет спустя после бедствий пятнадцатого года. Откуда он знает, что до них у армян Мерсина, помимо этих двух церквей, были мужская и женская гимназии, даже детский сад?!

– Во всяком случае мы им зла не причиняли, не обижали, – оправдывается первый старик, – почему всё бросили, уехали?

Второй замолкает и, не допив чай, выходит, нахлобучивая шапку на голову.

Смотреть развалины церквей не хотелось...

\*\*\*

Пусть я и сумасшедший, но, по крайней мере пока живут на свете армяне, – не единственный. И не последний. Через пару дней ачинцы всего мира отметят годовщину... раньше это называлось битвой за выживание, потом – битвой героической, а в последнее время и вовсе – битвой титанов. В церквях отслужат панихиду, забулькают чаны с традиционной арисой, трубачи заиграют славу Ачину, скауты торжественно прошествуют по городу.

А я решил годовщину битвы за выживание, битвы героической, битвы титанов Ачина – отметить в самом Ачине. Преувеличиваю. Конечно, не в Ачине. Это гнездо горных орлов давным-давно носит другое название – Саимбейли, по имени того полководца, который, пролив реки крови, подавил девятимесячное сопротивление армян.

Ну и кто истинный хозяин здешней земли – я, или этот водитель такси с мрачным лицом? Он – поскольку (вероятно, желая угодить в расчете на *бакиши* – чаевые) включает магнитофон, ставит мугам про водопад (позднее я его увижу: стекающий со скалы ручей, не более) и подпевает с горловыми руладами. Програл раз, во второй раз, в третий, в тысячный, и так – пока не доехали до Ачина. Припарковавшись на базарной площади, подсказывает, что все гостиницы – на главной улице, и наконец освобождает меня от нескончаемого мугама.

Ачин – уютный городок с двух-трехэтажными особняками, построенными, хочется верить, в свое время армянами. Неприветливые лица нынешних обитателей большого энтузиазма не вселяют. Какие там битвы за выживание, битвы героические, битвы титанов!.. Саимбейли настолько отуречен, что не помнит о существовании армян...

Однако... так мне только казалось.

Администратор гостиницы долго изучает мой паспорт и довольно грубо отпихивает его от себя:

– До тех пор, пока не вернете Карабах законным хозяевам – азера, я армянину из Армении номера не предоставляю.

Вторая гостиница в нескольких шагах по той же улице. И здесь администратор долго и озадаченно рассматривает паспорт:

– Армения... Армения... А где это?..

– Между Азербайджаном и Грузией есть такая маленькая незначительная страна, – с видом знатока подсказывает сослуживец.

Администратор окидывает меня взглядом с ног до головы.

– Какой веры? Мусульманин или...

Теперь уже я грубо выхватываю паспорт и выхожу на улицу. Повезло: водитель всё еще стоит там в ожидании случайного пассажира.

– Едем в Адану, – говорю я.

Он заводит мотор. На этот раз в дороге меня сопровождает мугам о прославленном аданском люля-кебабе. От Ачина до Аданы примерно сто пятьдесят километров. О Боже, сколько раз мне предстоит прослушать этот мугам...

Ну, я и правда сумасшедший. Кто еще станет так отмечать годовщину битвы за выживание, битвы героической, битвы титанов?!

\*\*\*

Траур раньше меня достиг Аданы. Местные и центральные телеканалы скорбят о его кончине, восхваляют шедевры числом более двух миллионов, упоминают о его встречах с Берtrandом Раселом, Пикассо, Сальвадором Дали. Президент Турции в своем слове соболезнования называет его *беюк уста* – большим масте-

ром. То, что Ара Гюлер\* писал книги на армянском, участвовал в армянских театральные представлениях – не упоминается. И уж конечно не упоминаются его армянские корни. Но меня очень скоро отвлекает от этих мыслей телевидение. Не слуховые ли галлюцинации? Центральный турецкий телеканал во исполнение последней воли усопшего передает по просьбе распорядителей похоронного церемониала армянский псалом, а после панихиды с хором певчих в армянской церкви Святой троицы тело выносят под безутешную мелодию «Дле яман» в исполнении армянского дудука и предадут земле на армянском кладбище района Шишли в Стамбуле.

\*\*\*

Поздней осенью 1909 года в кофейню, что рядом с портом Стамбула, вошла привлекательная женщина в шляпе с перьями по последней парижской моде.

Знаменитый колумнист газеты «Азатамарт» Арпиар Акнуни, наслаждавшийся пахлавой и тертыми фруктами, вскочил на ноги:

– Прошу, г-жа Есян, что пожелаете?

– Кофе, – опустилась в кресло Запел Есян\*\*, выпускница «Коллеж де Франс» и Сорбонны, еще не растерявшая очарования и притягательности парижской студентки. – Горький-прегорький кофе.

– Что-нибудь случилось, г-жа Есян? Вид у вас встревоженный...

– Только что из Аданы, – проговорила писательница и поднесла к губам «горький-прегорький кофе».

Она решила, что этим сказала всё.

Но... разве можно вложить в одну фразу то, чему она была свидетелем три месяца кряду?! Арпиар счел бессмысленным расспрашивать, попытался лишь смягчить боль:

---

\* Ара Гюлер – фотограф с мировым именем, армянин из Стамбула, получивший прозвище «Око Стамбула».

\*\* Запел Есян, по мнению современников – «первая выдающаяся женщина-романист» в армянской действительности. Активно занималась благотворительностью в пользу жертв геноцида. Поверив в советскую власть, переехала с семьей в Армению, где сама пала жертвой сталинского режима. Реабилитирована в 1957 году.

– Могу представить, как вы настрадались. Несколько лет назад я был очевидцем погромов в Акне...

– Совершенно не то, что вы подумали, г-н Арпиар. К счастью или к несчастью, совершенно не то. Мы, опекуны сирот и благотворители, с опозданием добрались до Аданы и то, что увидели там, было страшнее бойни и резни...

– Что может быть хуже бойни и резни?

– Страдания матерей, лишившихся детей, которых оставили в живых ради более жестокого умерщвления. Представьте хрупкую армянку, г-н Акнути, на глазах которой зарезали мужа и бросили на съедение собакам, не позволив даже останки предать земле. Женщина эта сумела, обязана была взять себя в руки ради двоих своих сыновей. Но... десять дней голода унесли старшего сына. Мать руками рыла могилу, похоронила... Даже после этого она не позволила себе отчаяться: надо было жить – ради младшенького. А когда то ли от голода, то ли подхватив какую-то болезнь умер и младший, мать опять руками разрыла могилу старшего, чтоб уложить рядом тельце малыша: пускай хоть на том свете будут неразлучны. Отрыла могилу, а там одни кости, плоть разъели черви... «Как я могла положить туда тело моего младшего, сделать его кормом для них?! Я прижала его к груди и принесла домой...» Несчастная рвала на себе волосы, кусала губы в кровь. И что ей делать дальше со спрятанным в постели телом малыша?..

Музыканты кофейни развлекали посетителей бравурной музыкой. Писательница не слышала ее. Она всё еще была в Адане.

– Таких матерей и вдов я перевидела сотни, тысячи, г-н Акнути. Они были голодны, почти голы, но отказывались принимать от нас помощь: им бы мужей и детей вернуть... Я слышала мольбы бедняжек. Еще немного, и я сошла бы с ума. Я просто сбежала, вернулась в Полис\*, но мысли о несчастных преследуют меня. Не знаю, что мне с этим делать...

– Пишите! Напишите обо всем, что видели, – воскликнул Акнути. – Когда я после резни в Акне приехал в Полис, то же посо-

---

*\*Константинополь или, на армянском, Костандунуполис переименован в Стамбул в 1930-м. Армяне и сегодня город называют коротко – Полис.*

ветовал мне Рубен Зардарян\*: наставлял излагать на бумаге всё виденное, изо дня в день, наподобие дневника.

Запел Есяян зажгла сигарету, улыбнулась – горько, как от сигаретного дыма.

– Что пользы от писаний!..

Акнунни понял иронию. Делегаты от Османского парламента, направившиеся в Адану, так же, как г-жа Есяян, о бойне знали не понаслышке – наблюдали собственными глазами. Но двое из них по возвращении изложили в отчете то, что им было велено написать. Якобы армянские гайдуки первыми напали, спровоцировали вооруженные столкновения, а турки лишь оборонялись и понесли неисчислимые потери. Армянский представитель парламентариев, естественно, отказался подписать эту клевету и написал свой отчет очевидца, где говорилось о тридцати тысячах павших – невинных и беззащитных армян, о преданных огню кварталах, оскверненных церквях, разграбленных магазинах... В ту ночь, когда армянский депутат закончил писать отчет, он умер при невыясненных обстоятельствах, а отчет исчез с письменного стола...

– Как по-вашему, г-жа Есяян, есть ли выход, есть надежда на спасение?

– Есть!

\*\*\*

Монотонный дождь не переставал моросить. Лежа в гостиничной постели, я томился от скуки и убеждал себя: надо перестать помнить зло, нынешние турки доброжелательны и приветливы к нам, особенно когда говоришь с ними на их языке. Приятно удивляются:

– Говорите очень свободно, где научились?

Центральные телеканалы перестали транслировать передачи об Ара Гюлере. Слышу название города Карс, напрягаю слух: передают церемонию открытия нового учебного 2018-2019 года. Выступает председатель турецкого парламента Бинали Йылдырым и го-

---

*\*Рубен Зардарян родился в поселке Севаверак в Западной Армении в 1874 г., работал учителем, писал стихи и прозу, переводил, был арестован за политическую деятельность. Жертва геноцида 1915 года. Семье удалось спастись.*

ворит дословно следующее (я записал на мобильный): «Любое требование относительно признания геноцида – подло. Геноцид, этнические чистки и тому подобные варварства нам не свойственны. Их (имеет в виду нас, армян) цель – приписать нам свои постыдные устремления (имеет в виду освобождение Арцаха)».

В дверь номера стучат. Появляется дежурный по этажу, сообщает, что в ресторане меня ждут мастера-эрзерумцы: узнали, что в гостинице есть армянин, хотят встретиться.

– Что за мастера-эрзерумцы?

Дежурный пожимает плечами, дескать, что знал, то сказал.

Вместо одного – двое Мкртычей из «Родника Эгнар» – пожилой и молодой, ждали, усевшись рядышком, предварительно заказав изысканный аданский люля-кебаб.

– Вы и правда эрзерумские?

– По пра-пра-пра-прадеду.

– А что делаете в Адане?

Пожилой Мкртыч, кивнув на соседний стол, сказал по-армянски:

– На этих вот батрачим.

Мастера – резчики по камню в незапамятном колене. Их пра-пра-прадеды оформляли капители эрзерумских церквей, высекали орнаменты на хачкарах, а сегодня они работают камнетесами на мусульманских кладбищах. Состоятельные семьи из разных городов и деревень соблазняют, приманивают их невообразимыми гонорарами, а после хвалятся, что-де мавзолеи их покойных родичей возведены руками «армянских мастеров из Эрзерума». В Адане они не впервые.

И тут выясняется, что позвали они меня не для того, чтоб попотчевать, а чтобы попрекнуть.

– Вы, кавказские армяне, лгуны и обманщики, – говорит пожилой Мкртыч.

– Это почему так? – удивляюсь я.

– Только и делаете, что врете нам. В 1829-м добровольцы из кавказских армян вместе с армией Паскевича вошли, освободили наш город, а отступая, наказали потерпеть, мол, еще вернемся. В 1877-м то же – с Лорис-Меликовым: пообещали вернуться, в

1918-м – то же самое. Вот с этого последнего раза сто лет как раз прошло.

– Приезжайте в Армению, – попробовал я переключить разговор на более дружелюбный лад.

– А Эрзерум что, не Армения? – оскорбился мастер.

Впрочем, и в Армению он приезжал: пару лет назад вместе с молодым Мкртычем решил поехать в Гюмри, познакомиться со своими далекими родственниками, тоже резчиками по камню.

Сколько часов займет дорога из Эрзерума до Гюмри? Но...

– Вы армяне, граница для вас закрыта, – сказали им в Турции, и они вынуждены были из Эрзерума лететь в Анкару, из Анкары в Стамбул, из Стамбула в Ереван и только оттуда – в Гюмри.

– Вы граждане Турции, граница для вас закрыта, – на обратном пути сказали им в Армении, и они, опять же вынужденно, совершили во второй раз это «кругосветное» путешествие.

Не пойму, почему в Турции не подают алкоголь. Даже фирменный люля-кебаб Аданы без водки или вина не идет. А может, причина вовсе не в алкоголе? Пожилой и молодой Мкртычи пристально смотрят на меня, ждут, чтоб я сказал: придем!

– Придем, – говорю я.

\*\*\*

В 1918 году вошедший в Киликию Восточный легион из армянских добровольцев в составе французской армии победно завершил битву за высоту Ара́ра. Французы подбадривали:

– Смелее ступай, армянский солдат, знай, что каждый преодоленный тобой сантиметр приближает тебя к твоей родине.

За 700 лет со времени падения армянского царства нога армянского бойца не ступала в Киликию. А тогда на главной площади Аданы, которую я сейчас вижу в окно гостиничного номера, молодые девушки, миловидные мамы, преклонных лет бабушки обнимали армянских добровольцев, не скрывая слез:

– Радостно видеть вас, родные наши.

– Пришли поздно, но пришли с победой.

Мигран Таматян поднялся на трибуну и официально декларировал независимую государственность Киликии. Грянул духовой оркестр, парадным маршем прошли колонны бойцов армянского легиона, за ними следовало многотысячное шествие: армяне, греки, ассирийцы, сирийцы. И даже турки.

Однако независимая государственность Киликии просуществовала лишь один день.

...Когда последний поезд с французами ползком, словно украдкой, покидал вокзал Аданы, Гаспар Менак, приехавший из Соединенных Штатов и не один год сражавшийся за освобождение Киликии, стиснув кулаки, глухо простонал:

– Э-э-эх, Франция, чьи земли кому оставляешь...

Франция молчала.

Как и весь мир.

\*\*\*

Так и закончилась эта история? Эта история только начинается. Католикос Великого дома Киликийского Арам Первый подал судебный иск в Конституционный суд Турции с требованием возвращения исторического Католикосата Сиса.

В случае отказа иск будет перенаправлен в Европейский суд.

\*\*\*

Тому, кто не бывал в Киликии, трудно представить, что мы потеряли. Для тех же, кто побывает, «Плач Аданы» не станет реквиемом по Киликии.

**ВЛАДИМИР РУЖАНСКИЙ**

## **АРЦАХСКИЙ ДНЕВНИК**

### **ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ**

Артур был археологом и художником. Кем больше, археологом или художником, сказать трудно. Сам он называл себя художником в науке и ученым в искусстве. У него была одна страсть, которая захватила его ещё в детстве. Как-то раз от своего отца Артур услышал легенду о чудесном зеркале, которое спрятано где-то в горах Армении. Он потому и решил стать археологом, чтобы найти это зеркало.

Я слышал от него самого эту историю много раз. Её Артур рассказывал мне ещё когда был ребёнком. Вкратце история такая: перед Всемирным потопом Господь Бог решил запечатлеть историю человечества и поручил это некоему Бероссу – придворному историку вавилонского царя. Но так как времени у историка было очень мало, Господь сжалился над ним и подарил ему особое зеркало, в котором должна была быть отражена история человечества до потопа – вся, без купюр. И если верить легенде, то зеркало это было первой в истории человечества кинокамерой, а возможно, и чем-то бóльшим.

В то время, когда Ной строил свой ковчег, Беросс, по указаниям Всевышнего, мастерил чудесное зеркало. В этом ему помогали халдейские жрецы, знавшие тайны зеркала.

Как выглядело то зеркало, из чего было сделано, неизвестно. Но, согласно легенде, Беросс спрятал своё чудо в горах Армении втайне даже от жрецов.

Артур был уверен, что Господь Бог выбрал Армению в качестве хранилища человеческой истории не случайно.

– Во-первых, – горячо доказывал он, – Армения занимает верхнюю часть территории, известной во всем мире как Плодородный полумесяц. Это географическое пространство напоминает изогнутый лук, контуры которого объединяют историческую Сирию и Аравию, а также Персидский залив со Средиземным и Красным морями. На вершине этой географической дуги как раз и находятся горы Армении. Это ведь не случайно! А во-вторых, в Библии, в книге Бытия, в Главе 9 «Житие Ноя» (Артур знал всю Библию чуть ли не наизусть) чёрным по белому написано:

«И сказал Бог Ное и сынам его с ним: вот Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, ... что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли. ... Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею. ... И будет радуга в облаке, и Я увижу её, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле».

Процитировав Библию, Артур каждый раз запальчиво спрашивал:

– А о чём нам это говорит?

И тут же сам отвечал на свой вопрос:

– О том, что Завет с Ноем Всевышний заключил на земле Армении. Да, да, именно через Ноя благословил Господь человечество и всё живое на Земле. Поэтому мы с полным правом можем называть Армению страной благословенной. Это был первый союз Господа с человечеством. Именно с человечеством, а не с конкретным народом, как это было в случае с Авраамом и Моисеем.

Артур был очень эмоциональным, но в то же время умел быть рассудительным. В споре хоть и горячился, но всегда приводил такие аргументы, на которые оппоненту уже нечего было возразить.

Он вообще был удивительным человеком, этот парень. Из тех, кого называют душой компании. Артур умел искренне радоваться жизни и весело шутить. В то же время он был очень раним и

особенно болезненно реагировал на всякую несправедливость. Как-то одна девушка назвала его поэтом.

– Я не пишу стихов, – возразил Артур.

– У тебя душа поэта, – сказала девушка.

И действительно, поэзию Артур видел во всём. Ещё будучи школьником он всё лето проводил в археологических экспедициях, во время которых неустанно искал заветное зеркало истории.

Для многих археология – это романтика. Но на самом деле так далеко не всегда. Нередко приходится работать в таких местах, где вокруг одни камни и нигде укрыться от невыносимого зноя и пыли. Однако Артур и здесь умудрялся находить романтику. Он не писал стихи о раскопках. Но написанные им картины были не менее выразительны, чем стихи.

На зрителя картины Артура оказывали странное действие. Казалось, они созданы из камней и солнца, а точнее – солнц. В творениях Артура было столько солнечного света, что казалось, это не одно, а сразу несколько солнц. И ещё казалось, что камни и скалы плавают под этими солнцами...

Сколько Артур ни ездил в экспедиции, а зеркала истории так и не нашел. Иногда над ним подшучивали, мол, где же оно, твоё зеркало истории? Артур молчал с таким видом, будто знал, но делиться пока ни с кем не собирался.

Он ведь ещё в первом классе школы так захватывающе рассказывал эту историю, что увлёк весь класс на поиски своей легенды. Потом одноклассники посмеивались, вспоминая эту «экспедицию». Но Артур продолжал верить в существование заветного зеркала. Он и его верный друг Карен.

Они и на войну ушли вместе, добровольцами, и погибли тоже вместе. У них была одна граната на двоих, когда они остались одни и без шансов на спасение. Это было в последний день войны. Они остались вдвоём – Артур и Карен, оба раненые, в окружении врагов. Ещё два дня назад они могли выйти из окружения, но парни решили защищать город до конца. Из их роты оставалось в живых всего пятнадцать человек. Но меньше всего эти парни думали о шансах на успех или спасение. Они просто воевали.

Историю их героической гибели мы узнали при странных обстоятельствах. Парни считались без вести пропавшими. Послевоенное лето выдалось фантастически жарким, особенно в горах. И жители одной из деревень наблюдали странную картину. Поначалу они подумали, что война вспыхнула снова. Но потом оказалось, что раскаленная поверхность камней, подобно зеркалу, передала в пространство изображение того последнего боя. Изображение это, многократно отраженное слоями атмосферы, вопреки всем законам физики и здравого смысла, словно заплутало между горами и систематически появлялось в той местности...

Поначалу никто не верил жителям деревни. Но потом сюда приехали журналисты, а за ними и ученые. И тогда подтвердилось, что здесь действительно происходили странные вещи, которых раньше никто не замечал.

Поразительно, но лет пять назад именно здесь проводила раскопки археологическая экспедиция, в составе которой были и Артур с Кареном. По-видимому, это таинственное место их запомнило и сохранило для мира последние, героические минуты жизни этих парней.

Эта история привлекла внимание к картинам Артура. Только тогда люди увидели в картинах погибшего художника зеркало истории, спрятанное Бероссом в горах Армении.

А что до виденного людьми тем летом, то потом фантастическое явление больше не повторялось. Однако с тех пор уже никто в Армении не сомневался, что зеркало истории хранится именно здесь – в этих горах...

## **АХТЭЛУ ЭНК!**

Вообще-то мы совсем не думали, что эта война закончится так, как она закончилась. Мы ведь строили планы, как будем жить после нее, вместе рисовали картины предстоящего совместного празднования нашей победы. Мы даже договорились о том, что

после войны будем собираться каждое воскресенье в одном из кафе напротив памятника легендарному Гаю. И главным во всех наших планах была она: Ахтанак – Победа!

Мы так в неё верили, в нашу Победу, что один из парней, примчавшийся на войну из России и знавший по-армянски ещё меньше, чем я, решил назвать свою дочь именно так: Ахтанак. Не Викторией, а по-армянски – Ахтанак. Жена его должна была вот-вот родить, и уже было известно, что у них будет дочь.

Будущее виделось нам многообещающим и таким же прекрасным, как осень, которую прервала война.

Но всё оказалось вовсе не таким, как мы планировали. Вернее, оно оказалось полной противоположностью нашим планам и мечтам.

Несмотря на коронавирус, сентябрь 2020-го был просто чудесен. Одетый в красочный осенний наряд Ереван на фоне Арабата в белоснежном костюме казался неунывающим, добрым и очень демократичным богом, который дарит всем и каждому свою искристую улыбку. Осень баловала нас теплом и потом, в октябре.

Совсем другим выдался ноябрь. Ереван в это время выглядел непривычно мрачным, на улице холод и слякоть. На всем была печать поражения, но вопреки всему повсюду ещё висели плакаты с фотографиями наших солдат и призывом: «Победим!» на армянском.

Потом и плакаты исчезли. Точнее, исчезли везде, кроме одного – на дверях мастерской Самвела. В самом начале войны он пришел в военкомат и просился на фронт. Но его не взяли из-за возраста, потому что ему уже под семьдесят.

Однако Самвел нашел себе применение и перепрофилировал свою мастерскую под выпуск муляжей артиллерийских орудий и боевой техники. Он собрал всех, кого мог, из друзей и работников, на собственные деньги закупил все необходимые материалы и оборудование, работал вместе со своими рабочими и друзьями по двадцать четыре часа в сутки, несколько раз ездил в Арцах, возил муляжи и договаривался о новых поставках. Он даже арендовал отдельное здание под своё производство. Я не знаю всех тонкостей этой его работы: на каких условиях он договорился с армией, помогало ли ему в этом правительство...

Похоже, всё это мало его волновало. Да и для тех, кто работал вместе с ним, эти вопросы тоже не имели значения. Они вложили абсолютно всё, что у них было: душу, время, силы, деньги, – в главное, в победу.

Сейчас Самвел готовится к новой войне в которой мы обязательно победим: он находит инженеров и ученых, идеи и разработки которых помогут нам победить, ищет средства для реализации этих проектов...

Разумеется, Самвелу нужно как-то обеспечивать себя и свою семью. Слава Богу, он мастер на все руки, не первый год в бизнесе, и спрос на его работу всегда есть. Зарабатывает он неплохо, раньше всех открывает свою мастерскую и работает чуть ли не до полуночи.

Его все уважают, но побаиваются: Самвел может быть весьма резким, а в работе он очень требователен и к себе, и к другим. Особенно он нетерпим к человеческому малодушию и эгоизму.

Однажды от многочисленных собственных забот его отвлекло надрывное мяукание голодного котенка, спрятавшегося под старой машиной. Дело было как раз зимой, сразу же после войны. Под ногами грязный снег, но если поднять голову и посмотреть вверх, то увидишь невероятную красоту, работу таинственного художника, соткавшего великолепные наряды для деревьев.

К сожалению, жизнь не часто позволяет глядеть вверх – под ногами грязь, скользкая неопределенность. Поэтому смотреть приходится себе под ноги. Так живёт, наверное, большинство людей, но не все. Самвел успевает и себе под ноги смотреть, и вокруг, и в будущее.

Он как раз нашел котенка и собирался накормить животное, когда к нему приехал сосед Роберт – квартирный брокер, который собирается к детям не то в Америку, не то в Россию. Свой бизнес он закрыл и живет ожиданием отъезда. Роберт приезжает к Самвелу, когда нужно отремонтировать машину: лучшего мастера ему не найти. И в тот день он тоже заехал к Самвелу. С горькой усмешкой смотрел Роберт на огромный плакат с изображением армянского солдата и на надпись «Победим!», потом вместо приветствия спросил Самвела:

— Сколько тебе лет?

— А то ты не знаешь, — угрюмо ответил Самвел. — Чего спрашиваешь?

— Я это к тому, что лет через десять, когда нам с тобой стукнет восемьдесят, мы здесь будем мяукать, как этот котенок, от голода и холода.

— Неверно, — возразил Самвел, — всё с точностью до наоборот: если будем вместо работы мяукать, как этот котенок, тогда точно и плакать станем от голода и холода, как он.

Сосед Самвела пожимает плечами. Чувствует он себя неуютно в этой мастерской и вскоре уезжает. Порой Роберт мог заехать к Самвелу и без всякого дела, выпить вместе кофе и покурить. Но в этот раз он уезжает, не выпив кофе и не выкурив сигарету. Их с Самвелом дороги, похоже, разошлись навсегда.

Самвел выносит бездомному котенку остатки от обеда. Тот бойко набрасывается на еду. Наблюдать за животным у Самвела нет времени, и он снова с головой уходит в работу. Бездомное животное, между тем, осваивается в мастерской Самвела. Не то чтобы здесь было особенно тепло и уютно. Но здесь котенок чувствует себя в безопасности и с каждым днем растет и ведет себя всё более уверенно.

А плакат тот, со словом «Победа» на армянском крупными буквами, до сих пор красуется на дверях мастерской Самвела. Виден этот плакат отовсюду, и поэтому найти мастерскую Самвела не представляет труда.

Он мечтает дожить до самой Победы и потому работает, как молодой.

## ИНТЕЛЛИГЕНТ

Издали казалось, за время, которое прошло с тех пор, как мы не виделись с Арташем, он мало изменился. Внешне он по-прежнему излучает силу и энергию. Но вблизи я сразу заметил, как сильно он поседел. А ведь по возрасту Арташ мне в сыновья годится.

Тогда, в сентябре-октябре 2020-го, он даже среди добровольцев выделялся своим могучим телосложением. Однако природа щедро наделила этого парня не только физической силой, но еще и недюжинным умом и великодушием. Проявлялись они в том, что Арташ видит дальше многих других и всегда готов прийти на помощь, поддержать или просто подбодрить упавшего духом. Особенно явно эти его качества открылись для меня на войне.

Я это к тому, что, наверное, меньше всех на нашей линии был готов к этой войне. Прежде всего потому, что не понимал разницы между пойти воевать – и приносить пользу на войне. Пойти воевать может каждый. Но для того, чтобы приносить пользу и исправно, подобно одному из механизмов большой системы, действовать вместе с братьями по оружию в любой ситуации, необходимо гораздо больше: не только душевные силы и желание быть полезным на войне, но также хорошая физическая форма и опыт. И тут меня во многом можно было упрекнуть, но ничего подобного я ни от кого из бойцов нашей линии не услышал.

А для Арташа бесполезных людей вообще нет. Он помогал мне советом в незначительных, на первый взгляд, вещах. Например, как сделать так, чтобы в армейских ботинках чувствовать себя более уверенно (первое время ноги у меня отекали так, что, обув ботинки, я не мог потом их стащить. И наоборот, стащив, уже не мог влезть в них снова. Из-за этого я здорово нервничал, представляя себе, как буду мучаться, когда во время тревоги среди ночи начну запихивать ноги в армейские ботинки).

В зависимости от обстановки Арташ находил мне ту военную работу, с которой я бы наверняка справился. «Когда мы пойдем на первую линию, будешь у нас заряжающим, – сказал он мне. – Из блиндажа ни ногой!»

Но когда пришло время идти на первую линию, он что-то настойчиво и горячо говорил нашему командиру по-армянски, и по тому, как смотрел на меня командир и другие парни, я понял, что речь обо мне.

– Что он говорит? – спросил я у парней.

Они тогда не стали мне переводить, а позже я узнал, что Арташ просил командира отправить меня с первой линии в Ереван. «Из нас вернется в лучшем случае половина, – говорил Арташ, – и если его убьют, то некому будет писать о нас».

Тогда мне казалось, что гораздо больше пользы я принесу не своими писаниями, а любой другой работой, необходимой для войны, – хоть бы и разгрузкой прибывающего транспорта. Это сейчас нет для меня дела важнее, чем написать об этих парнях. А вот для Арташа это было важным ещё тогда. Это уже потом я воспринял эти слова как свою миссию. Миссию, которую я сам выбрал.

Для меня в нашей войне осталась недосказанность. Мы ещё не сказали своего слова, главного слова. Мы – и я в том числе. Ну а тогда, отправляясь в Степанакерт и прощаясь с Арташем, я испытывал горечь от того, что не смог стать вровень с другими парнями. Я прямо сказал об этом своему другу. Ответ его я очень хорошо запомнил.

– Не стыдно бояться – стыдно струсить. Не стыдно не знать или не уметь – стыдно не хотеть учиться! Да, ты не такой, как мы. Но ты старался быть таким, как мы. Я и все мы здесь это ценим. Я тебе больше скажу: своим детям и внукам я буду рассказывать про еврея, который пришел нам помочь.

Слова Арташа ободрили меня, но недосказанность в этой войне осталась, и я думаю, что не только у меня. У всех нас, и у каждого – по-своему.

Снова после того дня говорили мы с Арташем уже после войны. Он рассказывал мне о последних днях той войны, которые наши парни встретили буквально лицом к лицу с врагом.

Для них самым страшным ударом стало неожиданное перемирие. С первого дня войны они все ждали приказа о наступлении. Но долгожданный приказ так и не последовал, а вместо этого пришлось оставить не только Агдам, но даже Шуши – древнюю столицу Карабаха. Можно только пытаться представить себе, что испытывали наши бойцы, когда видели прямо перед собой в прицел ликующих врагов, поющих «Шуша наш!» и выставлявших на

всеобщее обозрение свои голые задницы. Можно только догадываться о том, что испытывает в такие минуты пулеметчик или даже простой боец с автоматом, которому остается только наблюдать это бесчинство, потому что сверху поступил строжайший приказ: «Огня не открывать! Чтоб ни одного выстрела, даже случайного!»

Горечь поражения Арташ переносил мужественно. Такой он человек – готов поддержать всех и каждого в трудную минуту, но своей горечью, своим разочарованием не делится ни с кем, сам несет эту ношу, какой бы тяжелой она ни была.

Потом мы собрались, как и договаривались там, на линии, всем нашим блиндажом.

– Пишешь? – строго спросил меня Арташ.

– Пишу, – ответил я. – Вот послушаю вас, соберу сюжеты, и получится хорошая книга. Об Армении, об армянах, о вашем подвиге, парни.

Арташ воодушевился.

– Пиши, я тебе отличные сюжеты дам о каждом из наших. Я ведь всю нашу линию изо дня в день по несколько раз проходил.

– Значит, вместе напишем, – решил я.

– Обязательно напишем, – заверил Арташ.

Но потом ему было не до книги.

– Я наизнанку вывернусь, но у семьи моей будет всё, – как-то сказал мне Арташ. Мог бы не говорить, я и так это хорошо знаю. Этот человек никогда не устает, если речь идет о Родине, о семье, о близких людях.

Так в трудах минула зима, за ней весна. Уже лето на исходе, и вот Арташ снова в военной форме. Он всегда там, где нужнее всего.

Причем звать его не нужно – он сам придет и будет в самом нужном месте в самое нужное время.

– Смотри, – говорил он мне за чашкой кофе, – здесь мы, а здесь они. Если сейчас не удержим вот это место, лет через тридцать уже никто и не вспомнит, что когда-то эта земля была армянской.

Он внимательно посмотрел на меня и продолжал:

– Кто сегодня помнит о том, что Нахиджеван был армянским? Никто. Так и здесь будет, если не удержим сейчас. Кто-то, может, скажет: а что нам эти несколько гектаров? Что они изменят для нас? Но это как с ребенком. Если отнять у него конфету, он будет плакать и требовать ее назад. И если вернет, его самооценка повысится и постепенно он научится верить в себя. Так и мы сейчас. Нужно отвоевывать и строить всё заново.

Я слушал его и думал о том, как повезло детям, которых Арташ учил боксу. Он ведь не только отличный спортсмен, но и тренер от Бога. Правда, боксу он давно уже никого не учит: есть дело поважнее. Родину защищать.

Время у Арташа рассчитано по минутам. Мы говорили с ним каких-нибудь полчаса. Но как же ёмко он умеет говорить!

Прощаясь, Арташ сказал мне:

– У нас есть тридцать лет. У меня есть тридцать лет. Почему именно тридцать? Потому, что за это время я могу ещё очень многое успеть. И ещё потому, что тридцать лет – это то время, за которое люди забывают историю. И чтобы не получилось как с нашим Карабахом, как с Нахиджеваном, нужно действовать сейчас. Ведь кто я в этой жизни? Турист. Во времени, но не на этой Земле! Я пришел в этот мир на определенное время, как и любой из нас. Но дело не во мне. Важно, что будет после меня, как будет жить мой сын и мои внуки, – сказал Арташ.

В древнем Риме таких, как он, называли интеллигентами – опытными солдатами, прошедшими не одну войну. Солдатами, которым ничего не нужно было объяснять, которые всё сами прекрасно понимали, в любой ситуации могли принимать правильные решения, а главное – умели выигрывать войны.

«Таких бы нам в лидеры страны», – подумалось мне.

Я поделился этой мыслью с Арташем.

– Не мое это дело, – возразил он. – И никто из наших парней этим заниматься не будет, – сказал как отрезал мой друг и тут же подытожил: – Для нас любой, кто лезет в политику, жулик. Моё место там, где сейчас решается наше будущее.

Мне нечего было ему возразить.

Мы обнялись, Арташ сел в машину и уехал на самую границу – туда, где сейчас решалось будущее Армении.

«Настоящий интеллигент мой друг, – подумал я. – Он и те, кто сейчас с ним там, на границе».

## МЕЧТЫ О МОРЕ

Раньше Артем просыпался каждый раз, как по будильнику, в три часа ночи.

Теперь же, после гибели сына, он вообще не мог спать. Многие люди думают, что бессонница – она как немой, который пытается сказать о чем-то важном: о грозящей опасности или болезни, например. Есть и те, кто воспринимает бессонницу как нечто отравляющее жизнь, – и не более того. Врачи же рекомендуют, во-первых, обследоваться: вдруг это связано с печенью или каким-нибудь другим внутренним органом, а во-вторых, обязательно делать перерывы в работе, чаще бывать на свежем воздухе и, главное, меньше нервничать...

Что-то подобное ему говорят родственники, друзья и даже знакомые: мол, в семье ещё двое детей, тебе их поднимать надо. Артура уже не вернешь... Когда ему говорят такое, пусть даже из самых добрых побуждений, Артём еле сдерживается. Ему хочется крикнуть всем этим доброхотам: «Вы вообще понимаете, что несёте?!»

А с другой стороны, где им, счастливым, не потерявшим сына на войне, понять его!

Артём никого не осуждает, просто... живёт со своим горем.

И бессонница – это как раз способ остаться наедине с горем и при этом не сойти с ума. Во сне ты не контролируешь себя. Ты беззащитен перед сном. А бессонница изнуряет и в конце концов делает тебя равнодушным ко всему. В такие минуты ему кажется, что рана его затянулась на время. Только на время, потому что раны, нанесенные войной, не заживают никогда.

Артём не просто устал. Он был изнурен, и не столько бессонницей, сколько бесконечным судом, на котором он был то обвиняемым, то обвинителем, то судьёй и, наконец, адвокатом для самого себя. И суд этот никогда не заканчивался.

Как судья он каждый раз снова и снова думал о возможностях, которые были у него, чтобы спасти сына, но он ими не воспользовался. Может, нужно было настойчивее требовать от командования перевода к сыну? А может, и вовсе нарушить приказ и самовольно отправиться к нему? И тогда его любимый, единственный сын остался бы жив. Он бы наверняка его спас, пускай даже ценой собственной жизни.

Это уже говорил в нём обвинитель.

Но как мог он, кадровый офицер, нарушить приказ, а главное – бросить своих подчинённых? Ведь у них тоже есть матери и отцы. Нет, не мог он поступить иначе. И даже не приказ – собственная совесть ему бы не позволила.

Адвокат в нём говорил убедительно. Но Артём с адвокатом в себе никогда не соглашался.

В одном он был абсолютно уверен: решение вернуться из солнечного города у берега тёплого моря на свою прекрасную, но суровую родину было единственно верным.

Он не то чтобы никогда об этом не жалел. Артём просто не представлял себе, что могло быть иначе. Он ведь воевал ещё в Первую Карабахскую, от первого её дня до последнего, стоял у истоков армянской армии...

И в эту войну он пошел добровольцем. Но не думал Артём, что сын его тоже пойдет воевать. До войны у парня были большие планы. Отслужив срочную, он всю весну и лето готовился к поступлению в кораблестроительный институт в Питере. Мало кто верил, что он поступит. Что и говорить, парень способный, с серебряной медалью школу окончил. Но там ведь, наверное, такой конкурс! А он поступил и уже начал учиться, но как только началась война, взял билет на первый же рейс в Ереван – и напрямик на фронт...

Артур родился уже в Ереване, и откуда у него мечты о море, можно было только гадать. Это он, Артём, его отец и дед роди-

лись и выросли у моря. А Артур, кроме Севана, другого ничего и не видел. Так получилось. После войны Артём уволился из армии, много и тяжело работал почти без выходных: семью нужно было поднимать, и на отдых где-нибудь в Батуми не было ни времени, ни сил. И хотя Артур никогда моря не видел, тем не менее, мечтал о нём всегда.

Как-то раз, еще совсем маленьким, он прибежал домой взволнованный и стал убеждать их с женой, что совсем рядом с их домом обнаружил море. Никакие аргументы и возражения, что моря здесь быть не может, не помогали – Артур твердил свое.

Мало того, он сумел убедить в этом детей всего дома, а те – своих родителей.

И вот они все, обитатели дома – дети и взрослые – пошли смотреть на найденное Артуром море.

Это оказалась металлическая крыша недавно построенного частного дома. Издали эту крышу и правда можно было принять за море. И все, взрослые и дети, несколько минут смотрели на металл глазами Артура и не могли произнести ни слова... С тех пор Артур решил стать моряком. Он был таким же упрямым, как его отец, и очень хотел... Нет, не вернуться домой, к морю, а вернуть море своей исторической родине. А если Артур что решал, то обязательно делал. А как – это время покажет. В жизни возможно всё. Так он всегда говорил, став постарше.

И ведь всё получилось так, как и хотел Артур: его приняли в институт, и он наверняка осуществил бы свою мечту, если бы...

Тут Артем останавливается в своих размышлениях. Нет, не мог его сын поступить иначе. И сделал он всё правильно, и тогда, когда вернулся в самом начале войны, и потом, когда в окружении не сдался в плен, а взорвал себя вместе с окружившими его бандитами.

Артём берёт себя в руки и начинает собираться на работу. Никто не заметит его страданий. Он будет делать свою работу так же, как делал всё в своей жизни, – на совесть. Артур отвечает за безопасность, а значит, в нём должны быть уверены, как в самих себе.

В серванте у него стоит бутылка настоящего виски. Это лучше, чем таблетки от бессонницы и прочая химия. Но прикладывается он к ней редко. Стыдно перед женой. Каково ей? А она уже не плачет – всё, что могла, выплакала. Молчит, и это молчание для Артёма тяжелее слёз. Он знает, что она держится изо всех сил ради детей, ради него. А значит, и он должен быть сильным и надёжным, каким и был для неё всегда.

Артём проводит привычный тест на самообладание.

«Всё под контролем. Я прекрасно владею собой», – молча твердит он. Но мысли о сыне прорываются сквозь заслон, который он пытается поставить на их пути.

«Почему так – он погиб, а я жив? Где логика в этой жизни? Где справедливость, в конце концов?!»

Но тут же берет себя в руки. «Война рано или поздно будет, – хладнокровно рассуждает Артём, – и мне есть что сказать им. На этой войне не довелось, так на следующей я им воздам всё, что не успел сейчас».

Уверенность в том, что справедливость будет восстановлена, что смерть сына и других таких же парней не была напрасной, немного успокаивает Артёма.

В глубине души он прекрасно понимает, что нужно жить и готовиться. Всё ещё впереди.

## НАШ БЛИНДАЖ

Наш блиндаж – это совсем не похожие друг на друга люди. Ни по возрасту, ни по характеру. Но за короткое время они стали мне родными. Наверняка им со мной нелегко – ведь я не такой быстрый, как они, и нет у меня их боевого опыта. Но никто не повышает на меня голоса и не смеется, если я что-то делаю не так, как нужно.

Напротив, они учат меня самому необходимому мягко, очень тактично, учитывая мой возраст, стараются поддержать где словом, а где советом.

## **АЛИК И МЕЛИК**

На самом деле блиндажей у нас два, наш и соседний. Они находятся друг от друга от силы метрах в ста. Но дело вовсе не в расстоянии. Наши блиндажи связывают прежде всего два брата: Мелик и Зограб, которого все здесь зовут Зорик. Мелик находится в нашем блиндаже, а Зорик в соседнем. Впрочем, деление это весьма условное. С Меликом мы общаемся мало: он считает, что недостаточно хорошо знает русский. Честно говоря, я бы хотел знать армянский так же, как Мелик владеет русским. Может, скывается ещё и разница в возрасте: конечно же Мелику интереснее общаться со своими ровесниками. Но вообще парень он насколько рослый и крепкий физически, настолько же добродушный и надежный.

Несмотря на возраст, у обоих братьев есть высокооплачиваемая престижная работа.

Но в тот день, когда началась война, Мелик и его брат были в числе первых, кто пришли на войну.

В наших взаимоотношениях с Меликом интересно другое: он, пожалуй, единственный из всех в нашем блиндаже, кто словом не обмолвился и ни разу не пошутил по поводу моего храпа. А ведь это тоже отношение.

Мой храп – это отдельная история. Его не выдерживают даже самые бывалые фидайны. Командир наш, прошедший всю Первую Карабахскую, однажды не выдержал и воскликнул: «Володя, ну сколько можно!» Собственно, из-за этого командир и забраковал меня, когда наш батальон должен был отправиться на первую линию. «С твоим храпом азеры нас сразу обнаружат, – не то пошутил, не то всерьез сказал командир. – Им не нужны будут ни разведка, ни беспилотники».

В общем, мой храп – едва ли не главная причина страданий и повод для шуток моих дорогих однополчан. Единственные, кто ни разу мне ничего не сказали по поводу моего храпа, это Мелик и ещё Алик.

Алик такой же немногословный, как и Мелик. Он, как и Мелик, считает, что плохо знает русский. Говорим мы с Аликом ред-

ко, но этот молодой парень, всего лишь год назад закончивший срочную службу, проявляет свой характер не в словах, а в делах. Он всегда там, где нужен, где может быть полезен. Вот и на эту войну он приехал сразу же: оставил свою машину у военкомата и отправился в Карабах.

У меня складывается впечатление, что он вообще не любит привлекать к себе внимание. Все нужные дела Алик делает как-то незаметно. Парень волевой: вернувшись из армии, взял в банке ссуду и открыл собственный гараж. Это говорит о том, что в жизни он полагается только на себя. Дела у него идут неплохо. Вместе с тем Алик не из тех, кто в жизни тащит только на себя. Скорее наоборот. Когда мы ходили с ним в штаб роты за водой и продовольствием, он всегда спрашивал меня, что я смогу тащить, а что нет. «Нам нужно это расстояние пройти как можно быстрее. И если тебе тяжело, отдай мне лишнюю тяжесть». Мелочь, но в этом ведь тоже проявляется характер, а главное – человеческое отношение.

### **ГЕВОРГ**

В первый день у входа в блиндаж меня встречает человек примерно моих лет, седоволосый, крепкий. В Карабах мы ехали с ним в одном автобусе, но только сейчас я как следует разглядел его. Лицо суровое, решительное, но глаза добрые. Загар на его лице явно рабочий. «Видимо, ему много приходится работать на солнце», – подумалось мне тогда.

Я сразу понимаю, что он здесь старший, и представляюсь помощником пулеметчика – в соответствии с должностью, на которую меня определили там, в Аскеране.

Геворг протягивает мне руку и с улыбкой спрашивает:

– Тебя как зовут?

– Володя, – отвечаю я.

С тех пор я для всех здесь Володя. Обычно к людям моего возраста молодые уважительно обращаются «хопар» – дядя. К Геворгу все обращаются именно так: «дядя Геворг» либо «коман-

дир». Но меня все называют Володя. По возрасту старше меня тут только «дядя» Геворг. Но если брать по боевому опыту, то я здесь если не самый, то один из самых молодых.

Узнав мое имя, Геворг в свою очередь представился:

– Ну а я Жора.

При этом его мужественное лицо озарилось приветливой улыбкой. Вообще-то я уже видел Геворга до этой встречи в военкомате, но тогда у меня была масса других впечатлений и пообщаться мы не успели.

Поначалу ему, как и другим добровольцам, было непонятно, зачем я, еврей, не знающий армянского, здесь, с ними? Но мало-помалу между нами установилось доверие.

Здесь, на этой линии, собрались не просто добровольцы. В основном это фидайны, многие во втором поколении.

Например, Зограб, с которым мы познакомились чуть позже, носит имя погибшего в Первую Арцахскую друга отца, тоже фидайна. Я стараюсь быть здесь как все, но до них, фидайнов, людей особой породы, мне всё равно далеко. Так что и для парней я остаюсь Володей, чему, кстати, очень рад.

– Ты какого года?

– Шестьдесят пятого, – отвечаю я.

– А я всё жду: придёт кто-нибудь старше меня или не придёт, – смеётся Геворг. – Я шестьдесят второго.

Вообще человек он необычный, выделяется на фоне всех, даже бывалых фидайнов. Лицо у него суровое, но глаза и улыбка добрые. Такие лица часто встречаются у армян. Он и в жизни такой: когда надо – твёрд и даже суров. В такие минуты его лицо напоминает окрестные горы, – суровое и непроницаемое. Но в обычной жизни это очень мягкий, добрый человек.

Выделяется он не только своим выразительным лицом и благородной сединой: походка у Геворга как у тигра. Он может двигаться совершенно бесшумно, при этом стремительно и уверенно. Как он мне потом объяснил, это потому, что ему довелось много работать сварщиком на больших высотах. В общем, несмотря на возраст ходит он легче всех. Кроме того, у Геворга музыкальный

слух. Именно эта его способность, возможно, не раз спасала нам всем жизнь. Речь здесь вовсе не о музыкальных талантах Геворга. Его слух проявил себя на войне совсем иначе – он по звуку различает снаряды и слышит беспилотник тогда, когда мы все ещё занимаемся своими делами или беззаботно пьем кофе с сигаретой.

Как-то раз утром мы сидели возле нашего блиндажа и в ожидании кофе разговаривали и курили. Вражеские обстрелы здесь обычно начинались поутру и продолжались до полудня. Чаще всего снаряды рвались далеко позади нас: враг искал наши «грады».

Но после полудня становилось либо потише, либо совсем тихо – до сумерек. А вечером всё начиналось сначала. Снаряды и мины залетали к нам тоже, но это, конечно же, не идет ни в какое сравнение с тем, что происходило на первой линии или в ближайших к нам Мартуни и Мартакерте.

И вот в один из первых дней нашего пребывания в Карабахе было именно так: тихо, погода чудесная, и вроде бы можно немного расслабиться.

И тут Геворг произнес, как всегда, спокойно и негромко, но так, что все его сразу услышали:

– Беспилотник.

Сказал по-русски. Он был единственным из нас, кто услышал похожий на жужжание бормашины звук смертоносного аппарата. Жужжание едва слышное: идет на большой высоте. Мы, разумеется, по команде Геворга тут же юркнули в блиндаж – иди знай, разведчик это или бомбардировщик. В любом случае лучше переждать в укрытии. Хотя бывает и наоборот – надев бронезилет и каску, взяв оружие, мы бежим занимать свои места в окопах.

Официально назначенного командира в нашем блиндаже нет. Но Геворг наш бесспорный лидер. Чуть позже я узнаю, что наш Геворг – это вообще человек-легенда. Он участвовал в Первой Карабахской войне с первого до последнего дня, трижды был ранен, прошел путь от рядового до капитана. При этом в мирной жизни он рабочий человек, правда, не простой: сварщик высшей категории с сорокалетним стажем. На эту войну он пошел рядовым, в качестве добровольца. Однажды я спросил Геворга: а по-

чему ты пошел на эту войну рядовым, а не офицером? Он посмотрел на меня с улыбкой, будто спрашивая, как же я не понимаю простых вещей?

– С тех пор, как я служил, прошло почти тридцать лет. Многое изменилось.

«Многое, – подумалось мне. – Но не такие люди, как Геворг. Уж во всяком случае, не их воля и дух».

Он с первого дня взял на себя ответственность за эту войну и за нас всех. Он заботится абсолютно обо всём: о нашем блиндаже, чтобы нам было тепло и комфортно, чтобы мы могли выспаться ночью, чтобы у нас всегда были вода, кофе и сигареты, но прежде всего – боекомплект.

Тут самое время сказать про ещё одну уникальную способность Геворга: благодаря ему мы, пожалуй единственные из всей роты, а может и батальона, не испытываем недостатка ни в сигаретах, ни в кофе.

У меня вообще сложилось твердое убеждение, что кофе и сигареты для армян самое главное, особенно на войне. Нет, даже не так, сигареты на первом месте, а кофе на втором – так будет точнее. Это то, без чего армяне не могут обойтись. Но так только кажется. Да, без кофе они будут страдать, а без сигарет – и вовсе мучиться. Но сражаться будут в любых условиях.

Настоящий солдат не только хорошо обучен, храбр, действует быстро и решительно. Настоящий солдат в любых условиях добудет всё необходимое для жизни на войне. Геворг именно такой. У него удивительная способность где-то доставать сигареты, когда ни у кого их нет. То же касается кофе, спичек и вообще всего.

Одна из разгадок его способности к «доставанию» всего и вся заключается в том, что его уважают как, пожалуй, никого другого в нашей роте. Отказать могут кому угодно, но только не ему. Его настолько уважают все, от рядового добровольца до командира батальона, что на любые свои просьбы или требования он всегда получает положительный ответ.

Разумеется, кофе и сигареты не самое главное, что его беспокоит. Настоящее беспокойство причиняет ему задел боеприпасов.

– Что такое сто двадцать патронов?! – возмущается он. – Этого хватит на три минуты боя! Где гранаты?! Почему у нас нет гранатомета?!

С этими вопросами он постоянно обращается к нашему ротному, а если это решает чин рангом выше – направляется прямиком к командиру батальона. Он ходит в штаб роты и батальона каждый день до тех пор, пока мы не получаем всё необходимое.

Это он добился того, что мы получили от комбата дополнительный ящик с патронами, гранаты и бронежилеты.

Что касается кофе и сигарет, тут Геворг особенно изобретателен.

Вот, например, приходит пополнение. Новых людей он встречает на пороге нашей кухни вопросом:

– Вы армяне?

Бойцы смеются, присаживаются к огню, пьют горячий кофе, курят, говорят мало. Охотно делятся с нами сигаретами и кофе – самым дорогим в боевых условиях.

Потом Геворг смеясь цитирует Кису Воробьянинова: «Месье, же не манж па сис жур...»

Однако это шутка. Народ из пополнения он спрашивает не только про кофе и сигареты, но про всё, чего может не хватать этим парням. Если обнаруживается, что они в чем-то нуждаются, Геворг снабжает их всем необходимым. Так, за шутками и беседой, проявляется взаимопомощь в условиях войны.

Но главное – Геворг заботится о наших жизнях. С первого дня он составил для нас распорядок несения караульной службы и зорко следит за его выполнением. Он ненавязчиво, но настойчиво то и дело напоминает нам о боевой готовности – нашей и нашего оружия.

И если я вернулся с этой войны живой, то в первую очередь благодаря ему, Геворгу. Он всегда первым оценивал ситуацию и принимал решение, неизменно правильное. Решений всего два: занять позиции в окопах либо спуститься в блиндаж. Это касается всех, кроме Геворга: он в любой ситуации взбирается на насыпь и оттуда следит за развитием событий. Обычно с ним поднимается ещё кто-то из наших парней. Именно с Геворгом, а не

вместо него. Удостоился и я такой чести – несколько раз поднимался с Геворгом на насыпь и оттуда наблюдал происходящее.

Больше всего мне доводится беседовать именно с Геворгом. И это не случайно. Ему хочется понять, кто я и что собой представляю: всё-таки биография у меня необычная, мягко говоря. Мы с ним почти одногодки, а жизненный опыт совершенно разный.

Оба эти фактора помогают нам в общении. Мне хочется поскорее внести ясность, но это не так просто – доверие не завоевывается в одночасье.

Мы говорим с ним о самом разном: о жизни сейчас и о прошлом... Геворг отличный психолог, и сейчас ему важно знать, насколько я готов к войне, насколько можно положиться на меня во время боя, а главное – насколько можно мне вообще доверять.

В процессе общения я узнаю, что он всю жизнь, с семнадцати лет, работает сварщиком и в своем деле является специалистом высочайшей категории.

Чуть позже выясняется, что Геворг не простой офицер, а в Первую Карабахскую занимал высокие должности в армянской армии. Он досконально знает все тонкости военного дела – что матчасть, что тактику, что устав. У этого человека могли бы учиться лучшие учителя, потому что у него удивительная манера говорить. Он никогда не скажет ни единого лишнего слова, никогда не повысит голоса, но его слова не просто слышишь – к ним прислушиваешься.

Говорим мы о самом разном, но прежде всего, конечно же, о войне. Беседы наши проходят не только в блиндаже или на свежем воздухе. Когда мы занимаем наши окопы в ожидании врага, Геворг говорит уже несколько иначе.

– Когда начнется обстрел, – негромко, в своей привычной манере, наставляет он, – держи всё время рот открытым, чтобы не получить контузию.

Говорит он по-русски специально для меня.

– Старайся не думать о доме. Думай только о том, что необходимо сейчас и будет нужно завтра, – продолжает он.

А уже когда всё стихло и мы с ним делали обход наших позиций в карауле, Геворг сказал мне то, что было самым важным на этой войне:

– Страшно всем. Не бояться только идиоты. Главное, не оставайся один. Никогда. Твоя задача – прежде всего остаться живым. Поэтому думай сейчас о войне. Не о доме, не о жене – ни о чем, кроме войны.

Он, помимо всего, отличный психолог. Тогда, в окопе, когда мы готовились идти на помощь нашим внизу, я буквально вцепился в свой автомат. В конце концов не каждый день своей жизни я ходил в рукопашную под обстрелом. Парни наблюдали за мной, смотрели даже с сочувствием. Но я поклялся себе, что ни за что не дам слабину. Геворг же молча куда-то ушел и вернулся со стаканчиком тутовой водки. Мы все сделали пару глотков. Внутри и на душе у меня потеплело настолько, что я даже спросил:

– Ну, что, идём или нет?!

Потеплело, конечно же не столько от водки, сколько от человеческого участия этих людей. Вообще после этой истории между нами установилось доверие, и когда в один из дней мы остались наедине и Геворг спросил меня с усмешкой: «Хочешь, завтра отправлю тебя в Ереван?», я уже понимал, что это скорее шутка, нежели вопрос.

### **АРМАН-ФИЛОСОФ**

Кроме Геворга я много общаюсь с Арманом. Этот двадцатилетний парень дружелюбен, говорит умно, образно, но не болтлив.

Его всегда интересно слушать. Интересно потому, что этот парень обладает удивительным талантом – находить необычное в обычных, казалось бы, делах и вещах повседневности. О чем бы ни шла речь: о караульной службе или национальном самосознании, Арман всегда скажет что-нибудь такое, что заставляет задуматься.

Как-то на мой вопрос о перспективах войны и мира в свете последних событий Арман сказал мне: «Это война, а на войне

возможно всё». Это были не просто слова. Он и те, кто сейчас здесь, эти молодые фидайны, они так и живут – готовые ко всему. На передовой.

Чаще всего мы разговариваем с ним в карауле. Но это не разговоры «обо всём и ни о чем». Даже в том, как говорит Арман, есть четкий порядок. В начале нашей смены он объясняет мне тонкости караульной службы в боевых условиях.

У меня за плечами опыт армейской службы ещё в советское время, где от нас требовали знать устав караульной службы наизусть. Первое время меня это раздражало, но однажды офицер, начальник караула, сказал мне слова, которые я помню до сих пор: «В уставе, будь он боевой или устав караульной службы, каждая буква написана кровью». Тот советский устав я помню до сих пор, и мне казалось, что караульную службу в боевых условиях я уж точно осилю. Но тут свои тонкости, которые мне терпеливо объясняет Арман. Например: «Не смотри подолгу в одну сторону, иначе тебе начнет казаться, что на тебя движется целое стадо азербайджанцев». Передвигаться здесь нужно тоже по-особенному, учитывая возможность встречи с вражескими диверсантами. Это и многое другое мне объясняет Арман.

Ранним утром, когда становится светло, мы можем немного расслабиться, и наш разговор идет уже совсем в другом ключе. Мы говорим о войне и мире, о национальном сознании и о том, как важна государственность для защиты культуры и будущего Армении.

Арман варит кофе и философствует. Ещё в первый день меня поразили его рассуждения. Это действительно была настоящая философия. По-своему он пришел к тому же заключению, что и Лев Толстой, который в своих дневниках писал о том, что, если человек откажется от испытаний, предложенных ему в этой жизни, точно такие же испытания, а возможно и более суровые, будут положены ему в следующей за земной.

Арман этот тезис применяет к конкретной ситуации, к конкретным событиям, к своей жизни и родной Армении. «Альтернатива войне для каждого из нас есть: можно уехать в Россию или в Штаты, найти хорошо оплачиваемую работу и жить припе-

ваючи. У меня у самого есть родственники в России. Сел в самолет и улетел в Москву. Так некоторые думают. Но на самом деле если ты не можешь защитить свою землю, а земля – это твоё достоинство, то кто будет уважать тебя там, в России, в Америке или в Европе? Кто вообще будет с тобой считаться, если ты не можешь отстоять свои права здесь? Там тебя будут притеснять и унижать ещё больше! Так не лучше ли даже погибнуть за свою землю, за своё достоинство, нежели без него жить?! Вот поэтому мы все здесь», – объясняет мне Арман.

Сейчас я думаю о том, что, если бы словами Армана прониклись все, не было бы этого горького поражения.

Но для этого нужно быть такими, как Арман и парни вдоль всей нашей линии. Это осознание воспитывается в них с младенчества, а кроме того, во-первых, им некуда отступить со своей земли, во-вторых, они отступить не собираются. Такие, как Арман, никогда не «откосят» от армии, а напротив – будут нести службу на границе, там, где они нужнее всего. Арман именно так жил и живёт: срочную служил на границе, а в Четырёхдневную войну пошел добровольцем на фронт. Он готов ко всему, но пришел воевать и побеждать. Армяне – настоящие армяне, такие как Арман и весь наш батальон – не умеют терпеть поражение и не собираются этому учиться.

Слушая Армана, я с горечью думаю уже о нашей, еврейской истории. Мы своё государство выстрадали за две тысячи лет. Осознание необходимости собственного сильного государства пришло к нам после двух тысяч лет страданий, гонений, унижений, погромов и Холокоста.

Армяне несмотря ни на что своё государство сохранить сумели, и сейчас в очередной раз армянскую государственность необходимо защитить. Такие люди похожи на деревья, которые такрослись со своей землёй, что выкорчевать их уже невозможно. Только вместе с землёй.

У нас Арман числится пулемётчиком, но я про себя прозвал его философом. Да он и есть настоящий философ, и не только по складу мышления. Я бы даже определил его как философа-экзистенциалиста. Проявляется это прежде всего в умении увидеть в

любой вещи философский смысл. Что не менее важно, слова Армана идут от сердца. Ему, в хорошем смысле этого слова, до всего есть дело. И со мной он много говорит не просто потому, что ему хочется. Его заботит наше единство, наша слаженность во время предстоящего боя. Я понимаю, что во мне он видит слабое звено нашего боевого механизма. Вообще-то меня учили совсем другой войне, когда перед наступлением позиции противника обрабатываются артиллерией и с воздуха, так что наступающим частям остается только занять местность и подавить отдельные очаги сопротивления, если таковые остались. Да и готовили меня в качестве командира мотострелкового взвода, то есть моторизованного, а не пехотного.

Этим рассуждениями я не стал делиться с Арманом и с другими парнями. Да, я не такой, как они. Я не родился здесь, и я не армянин. Они это тоже понимают, но вместо отчуждения проявляют по отношению ко мне столько человеческого тепла, что я воспринимаю их уже как родных людей.

Однажды в сложной ситуации, когда, собираясь наспех, мы не успели даже запастись водой, Арман заметил моё замешательство, раздобыл где-то полный пластиковый стаканчик и сказал, протягивая его мне:

«Володя, ты так любишь звёзды Арцаха. А давай мы их с тобой посчитаем». Это были слова, сказанные в самое нужное время. Такие слова не могут не воодушевлять.

Такой он человек, Арман Варданян.

Чуть не забыл ещё одну удивительную способность этого парня. Кофе у него получался лучше, чем у кого бы то ни было. Уж не знаю почему. Может, не жалел дров или кофе, но в этом искусстве равных ему не было.

### **НАРЕК**

Нарек – человек заводной. Он никогда не сидит на одном месте и вечно чем-то занят: то ступени на входе в блиндаж вырубает,

то оборудует нашу кухню или мастерит вешалки внутри блиндажа. У него прямо потребность менять и обустраивать этот мир. С самого утра он берется за дело, и уже к полудню наше расположение не похоже на то, каким было ещё вечером. Скажем, ещё ночью, когда часть из нас заступала в караул, а другая отправлялась спать в блиндаж, нам не на что было вешать свои рюкзаки и бушлаты. Но уже утром благодаря Нареку у нас все вещи были аккуратно развешаны в блиндаже. И так изо дня в день он что-то беспрерывно созидает. Что-то полезное для всех нас.

Как и большинство армян, Нарек очень трудолюбив. Спит он по паре часов в разное время суток, если обстановка позволяет. Всё остальное время, кроме караула, без устали орудует то киркой, то лопатой. Впрочем, остальные члены нашей команды от него не отстают – все мы постоянно заняты нужной работой. Но Нарек самый изобретательный из нас. Это он придумал сделать ступени на входе в блиндаж, чтобы мы не скатывались вниз, особенно во время обстрела. Именно он оборудовал нашу кухню, а найденные в округе камни приспособил под сиденья.

После сна он выходит из блиндажа, умывается, курит сигарету, завтракает. Затем обязательно пьет кофе и снова курит, а потом принимается за работу.

Он у нас главный архитектор и строитель, этот высокий, стройный молодой человек, фидаин во втором поколении: его отец воевал здесь ещё в Первую Арцахскую. Вообще большинство молодежи здесь – фидаины второго поколения, имеющие собственный боевой опыт. Нареку тридцать лет. Дома в Ереване у него остались маленький сын и жена.

– Всё начинается с границы, – коротко объяснил мне Нарек, почему он сейчас на войне. – Дом, жизнь, всё! Поэтому мы сейчас здесь.

Человек он волевой, целеустремлённый и прямолинейный. Если чем-то недоволен, то выскажет всё тут же прямо в лицо, без всяких экивоков.

Честно говоря, поначалу мы с ним не очень ладили. Нарек любит шутить, но не все его шутки я понимал: сказывалось отличие

и в языке, и в воспитании, и в жизненном опыте. Нареку тоже далеко не всё нравилось во мне, и я нередко видел укор в его глазах. Характер у меня тоже не подарок, вот и получалось – коса на камень.

Но Нарек в этой ситуации поступил правильно. Не для себя и не для меня. Для всех нас.

– Володя, я тоже умею сердиться, – запросто сказал он мне

Для меня это был очень важный урок, из которого я вынес главное: на войне никогда нельзя ставить личное выше общего. С того дня отношения у нас наладились, а со временем мы и вовсе стали друг для друга родными. Кстати, многие рассказы мои написаны благодаря Нареку. А как он воевал, это вообще отдельный рассказ.

### **ЗОГРАБ**

О Зограбе лучше всего расскажет следующая история.

Первое время я ходил вдоль линии за водой или продовольствием, пригибаясь, чтобы из-за насыпи меня не было видно. Заметив это из соседнего блиндажа, Зограб как-то утром пришел к нам и пригласил меня на необычную экскурсию – вдоль нашей линии. Он шел прямо, совсем не таясь, и я спросил его, не боится ли он пули снайпера? Ведь расстояние, отделяющее нас от противника, позволяет снайперу взять на прицел любого из нас.

– Ты прав насчет расстояния, – улыбнулся Зограб. – Снайпер нас отлично видит, но пулю на простого солдата тратить не станет: работа снайпера стоит дорого. Он это знает, поэтому караулит крупную цель. Если бы сейчас на твоем месте был генерал или хотя бы полковник, по такой цели снайпер сработал бы. А так...

Срочную Зограб служил здесь же, на границе, участвовал в Четырехдневной войне, и вообще он из семьи фидайнов – его отец воевал в Первую Карабахскую. Его и называли в честь погибшего на войне друга отца. Здесь Зограб вместе с братом. Они совершенно непохожи: брат Зограба Мелик – высокий, атлетического

сложения, спортсмен, Зограб и ростом и телосложением помельче. Оба очень способные – это то, в чем братья схожи. Но Мелик силен в финансах, у него очень престижная и высокооплачиваемая работа, а Зограб больше проявил себя в гуманитарной сфере – имеет вторую академическую степень по политологии, и вообще он регионовед, работает в администрации премьера. Узнав, что он регионовед, я решил поделиться с ним своими соображениями по поводу Южного Кавказа, как любят называть наш регион политологи. Зограб внимательно меня выслушал, улыбнулся и сказал:

– Такая точка зрения тоже имеет право на существование. Но...

Далее он привел мне свои аргументы, и я с ним согласился. Беседа вышла очень содержательной и интеллектуальной. Но мы здесь не для этого.

Зограб появляется в нашем блиндаже не только для того, чтобы проведать брата. Он всегда сообщит что-нибудь важное из новостей или приказов командования, поможет в каком-нибудь деле, а бывает и так, что в чём-то помочь нужно ему и его товарищам. Брат Зограба с нами, а Зорик – в соседнем блиндаже. И хотя блиндажи разделены расстоянием, по сути это одно целое. В первую очередь благодаря братьям Зограбу и Мелику. Способности не единственное, что объединяет братьев. Они оба пришли сюда добровольцами. В общем, таким, как Зограб и его брат можно доверять.

А после той экскурсии я ходил вдоль насыпи, уже не пригибаясь. Как все.

**АНУШ ВАРДАНЯН**

## **НЕ ЗНАЮ, ЗАЧЕМ Я ЗДЕСЬ...**

Так случилось, что с детства меня волновали сложные вопросы. Ненавижу ли я турецкий народ? Проклинаю ли турок за уничтожение моих ванских предков?..

...Будучи в Стамбуле в качестве туриста, я увидела ночью подвешенный в звёздном небе гнутый полумесяц. Во мне произвольно возникла параллель со смертоносным ятаганом... Между тем, бродя по улицам, я, к удивлению своему, не чувствовала вокруг никакой злобы и неприязни. Жители города усвоили правило быть любезными с туристами.

Я вспоминала рассказанные мамой истории о резне, и всё во мне закипало — не от ненависти, нет, а лишь от острого ощущения бессилия. Как же могли мы не защищаться, как же могло такое количество людей «смирненно» погибнуть!..

Слыша речи о «моральных победах», чувствую в себе непреодолимое омерзение.

Но полно.

\*\*\*

Когда стали писать о так называемой «армянской агрессии», я была даже рада: в Библии ведь сказано не только о том, что нужно подставить вторую щеку, но есть и другое: «Око за око, зуб за зуб». И недаром Давид в нашем эпосе выбил зубы Козбадину, а затем налепил их ему на лоб...

Непросто вскрывать тайные пласты души... Ропот же в ней – не на судьбу армянки, дочери народа, в котором память о геноциде горит незаживающей раной.

В ответ на недоумение одного чужестранца – к чему, мол, вы постоянно твердите о геноциде? – я сказала, что много бы дала, чтобы стереть эту чёрную мету с судьбы нашего народа. Ни в каком случае не хотела бы, чтобы эта тема в разговоре об армянском народе становилась первичной.

В 2015 году нас избавили от некоторых наших комплексов причислением жертв геноцида к лику святых, Вселенской литургией папы римского Франциска и склонёнными головами сильных мира сего пред вечным огнём памяти жертв резни.

Но ведь главный виновник-людоед – Османская империя, Турция – всё ещё не признал своего преступления...

Верю: придёт тот ясный день, когда над Талвориком, Ваном и Карсом взойдёт зарево мечты их сыновей...

И несметные жертвы обретут покой.

И страшная гибель их обретёт смысл – в день, когда поцелуями пройдут по родной земле стопы их внуков и правнуков...

\*\*\*

Несколько слов о себе.

Я соткана из любви своих родителей и... из солнечных лучей.

Ребёнком я любила разговаривать с вещами, пока мама не вернётся с завода, где она работала лаборанткой. Мамин смех звенел, как жемчужные бусинки, рассыпанные по мраморному полу. А она растерянно глядела на то, как укатывались сияющие жемчужинки...

Я разговаривала со своей немецкой куклой, с растущим напротив окна дубом – пока раскладывала еду на тарелки. Конечно, это было моей тайной. А сегодня мой лучший собеседник – мои мысли: о смысле жизни, о долме в виноградных листьях, о десерте, о детях и внуках, о клубнике, которая скоро созреет, и так далее, и так далее...

Где-то ждёт меня замок из перьев и задёрнутая серебряной шторой пещера, полная сокровищ.

Такова была она — золотыми буквами вписанная в детское сердце формула счастья...

\*\*\*

А затем, в один из обычных дней, когда надо идти по своим делам — в университет ли, к врачу, на работу, — всё это неожиданно кончится. Встретишь кого-то, с кем не был знаком раньше, и день завершится совсем не так, как обычно, и сама ты будешь уже не такой, как прежде...

Ты встретишь загадку по имени любовь. И лишь от тебя зависит, будет ли заполнена бочка медового месяца лишь слоем мёда, под которым густые пласты навоза, или будешь всегда жить в переливающихся медовых оттенках...

\*\*\*

Ах, почему я родилась девочкой!

Меня зовут Астхик, и, признаюсь, я никак не представляла себя в роли матери. Все разговоры о том, что беременность пробуждает материнский инстинкт, в моём случае оказались просто сказками. Я не без грусти наблюдала за деформациями своего тела.

Я всегда размышляла о старости и смерти. Что предпочтительней: умереть молодой и красивой от какого-либо несчастного случая — или дожить до глубокой, убелённой сединами старости?.. Навсегда потерять изящную походку и «украсить» морщинами тонкие черты...

И где же она, эта пресловутая «радость материнства»?..

Быть может, лишь родив, наполнишься нежностью?

Первым шоком для меня был... гинеколог. Оказалось, что это мужчина. Чужой, незнакомый и...

Он без промедления перешёл к выполнению своих прямых обязанностей. Покорно подчинившись необходимости, не могу передать, какие душевные муки я испытывала от его грубого обращения...

Странная, незнакомая доселе ситуация оставила глубокий след.

Я чувствовала себя униженной...

Затем событие свершилось.

Ребёнок родился в полночь. Дежурного врача не оказалось, роды приняла русская медсестра.

«Жребий брошен!» – как сказал великий полководец.

Я воскликнула бы то же самое, если бы понимала тогда, что жизнь моя повернулась на 180 градусов. И родилась Анаит...

Все русские слова вылетели у меня из головы – хорошо ещё, медсестра понимала по-армянски. В ответ на мои уверения, что ребёнок вот-вот родится, она сердито отвечала:

– Врач сказала, что роды начнутся к утру.

Я кое-как поднялась на стол... и младенец вырвался прямо в руки медсестре. Ни капли боли и трудности. Только счастье, что освободилась от тяжести... А медсестра нежно приговаривала:

– Золотая головушка, красавица...

Мне стало ясно, что родилась девочка.

Первой мыслью моей было: и ты пройдёшь через всё это... И сердце моё наполнилось жалостью к этому белому кричащему комочку.

Затем ровно час меня зашивала красивая докторша.

– Терпи, мамочка, самое сложное позади...

А потом...

Потом я стала пленницей и рабой своей крошки – в буквальном смысле слова. Всё моё внимание было отдано ей, и даже супруг стал словно бы лишним. Счастьем для меня было купать её и кормить грудью.

Испарилась та гармония, что царила меж нашими телами – мужа и моим. Моя интимная жизнь затерялась в карусели дневных и ночных кормлений, стирки пелёнок и других насущных забот...

Но то щемящее, невероятное, потрясающее чувство – чувство МАТЕРИНСТВА – довелось мне пережить лишь при рождении второго ребёнка.

Всё было уже знакомо, а значит – легче.

Имя второй дочери родилось произвольно. Вслед за именем богини Анаит само собой всплыло имя морской феи Цовинар.

Теплота и трепетность малютки как бы передалась мне, наполнив душу любовью и положив начало моему примирению с собой.

Конечно, всё повторялось снова, но без какой бы то ни было тяжести. Цовинар, верная своему морскому имени, вырывалась из моих рук и плыла в широкой ванне, даже занырявая при этом под воду. Каждое такое купанье становилось своего рода цирковым номером, собирая вокруг себя домашних, а иногда и соседей.

...А следующим большим потрясением для меня стала потеря возможности (в силу физиологии – после пятидесяти) стать матерью. Появилось чувство униженности и пустоты.

У меня так и не родился сын...

\*\*\*

Отношение к сыну-воину в армянском народе особое: здесь и продолжение фамилии, и помощь Родине солдатом, и подсознательные, и сознательные импульсы...

Верю в то, что у меня будет внук по имени Давид.

Молодёжь всё куда-то мчится, подобно мустангам.

Бывали в жизни часы, дни, даже месяцы, в которые я будто не жила: вся память о них стёрлась, как с непроявленной фотоплёнки. Дни разлук, дни без любви словно ластиком стирают цвета, голоса, облики...

Спрашиваю, куда я исчезну?

Я представляю себе, что с Альфы Кентавра приземлится неопознанный летающий объект, и когда я услышу: «Летим с нами!» – я не раздумывая отправлюсь в путь.

В путь – по Млечному пути...

*Перевел Константин Шакарян*

**ИРИНА ДЗУЦОВА**

## **КАРА-ДАРВИШ: ПОЛУДЕННЫЙ ПАФОС ВОСТОКА**

*К 150-летию со дня рождения Акопа Генджяна*

В 1910-1920-е годы – время трудное, переломное – в Тифлисе пересеклись пути многих местных и приезжих деятелей культуры. Поэты вдохновлялись царившей здесь атмосферой одухотворенной дружбы и творческого братства. В кафе «Интернационал» Тифлис был объявлен городом поэтов. Возникла своеобразная мода на артистические кафе-клубы и студии с оригинальными названиями: «Химериони», «Фантастический кабачок», «Синдикат футуристов», «Ладья аргонатов», «Павлиний хвост»...

На однообразие жизни тифлисской богеме жаловаться не приходилось: здесь декламировали стихи, читали доклады, устраивали выставки, диспуты, яростно спорили. Старт был равным для всех. Отвергнув рутину, шаблон, консерватизм, молодые бунтари от искусства поддались новой волне. Футуристы эпатировали публику и гордились этим. Они отстаивали свободу поэтических исканий, заумный язык, освобождающий, как они считали, слово, и создавали новую эстетику в поэзии. В Тифлисе поэзия (как и изобразительное искусство) расправляла крылья, здесь работали напряженно и плодотворно, стремились внести в поэзию свою оригинальную интонацию, создавали новые мифы и символы. Как вспоминал в 1960-х годах писатель Виктор Шкловский, «были разные поэты, у каждого был свой ум и своя заумь...»

В числе тифлисских поэтов той эпохи нельзя не вспомнить Кара-Дарвиша. Акоп Минасович Генджян (1872–1930) – поэт-футу-

рист, переводчик и журналист, был активным участником литературно-художественной жизни Тифлиса в первые десятилетия прошлого века.

Акоп Минасович учился в Новонахичеванской духовной семинарии до 1893 г., затем поступил в семинарию Святого Эчмиадзина, но религиозная карьера его не интересовала. Получив диплом, он работал учителем начальной школы в нескольких армянских селах, а в 1910 г. переехал в Тифлис. Там он основал небольшую издательскую компанию, которая выпускала переводные книги, посвященные армянской культуре.

В 1893 г. Кара-Дарвиш начал печатать статьи по армянской филологии в газете «Нор Дар» («Новый век»). В 1911-1912 гг. Кара-Дарвиш сотрудничал с несколькими газетами, включая «Сурхандак» («Вестник», 1910), «Энкер» («Товарищ») и «Кайцер» («Искры», 1911), но в основном работал в газете «Мшак» («Труженик»).

В 1914 г. он сблизился с приехавшими в Тифлис на гастроли футуристами Владимиром Маяковским, Василием Каменским и Давидом Бурлюком и окончательно примкнул к увлекшему его движению футуристов. В 1914 г. Кара-Дарвиш издал книгу на армянском языке «Что такое футуризм?».

Подписываясь с 1909 г. столь необычным литературным псевдонимом (он означает «черный дервиш»<sup>\*</sup>), Акоп Генджян был единственным поэтом, писавшим на заумном языке по-армянски. Кара-Дарвиш несомненно был знаком с манифестом «Лучисты и будетляне» (1913) через посредника в лице поэта Ильи Зданевича, который, среди прочих, подписал манифест вместе с Михаилом Ларионовым.

Кара-Дарвиш состоял членом первой в Грузии футуристической группы «Синдикат футуристов», окончательно оформившейся

---

<sup>\*</sup> Как сообщает Крикор Беледян (Krikor Beledian, «Kara-Darvish and Armenian Futurism», in «International Yearbook of Futurism Studies», Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston, 2014), Кара-Дарвиш подписывался также тремя другими псевдонимами: «Кара», «Алталена» и «В.Нурян».

в 1917 г., и был близок к авангардной группе футуристов «41°», основанной в Тифлисе в 1918 г. поэтами Алексеем Крученых, Ильей Зданевичем, художником Кириллом Зданевичем и театральным деятелем Игорем Терентьевым. В «Синдикат футуристов» входили вышеупомянутые Алексей Крученых, Илья и Кирилл Зданевичи, поэт Николай Чернявский, художники Владимир Гудияшвили и Сигизмунд Валишевский.

Первый «Вечер заумной поэзии», организованный «Синдикатом футуристов», состоялся 19 января 1918 г. В диспуте, последовавшем за чтением доклада И.Зданевича «Заумная поэзия и поэзия вообще», принял участие и Кара-Дарвиш. По поводу этого вечера в «Синдикате футуристов» газета «Республика» писала: «Вечер заумной поэзии» не разочаровал. Он оказался интересен и значителен по содержанию – интереснее и значительнее, чем многие предполагали».

Кара-Дарвиш, один из первых пропагандистов футуризма в Грузии, писал не только стихи, но, как уже упоминалось, статьи по армянской филологии, книги, а также читал лекции в Армянском благотворительном обществе. 1916-1917 гг. – самый активный период в творческой деятельности Кара-Дарвиша. В Тифлисе и Баку он читал свой доклад «Прокламация» в истинно футуристическом стиле, озаглавленный «Восток как источник искусства и нового творчества: Новые цвета жизни».

К 1922 г. вышли в свет его поэмы: «Песни бунтующего тела», «Чаша жизни», «Спящая фея», «Разбитая красавица», «Кто я», «Женщине». Кара-Дарвиш – автор поэм «Гетера», «Катастрофа», «Челнок», «Старым богам», «Лесная нимфа», «Странник», «Сирень», «Под люстрами», «Голгофа». В «Пляске смерти», которую перевел на русский язык Осип Мандельштам, Кара-Дарвиш возглашал:

*Пойте мне песни, хоровод, пляши,  
Тризну на грудах костей соверши.  
Пусть бесы топчут и воют глухо,  
Я слышу богов чародейный бег,*

*На вершинах гор рождение духа:  
Ночь разрезает человек.*

В другом своем программном стихотворении, переведенном с армянского поэтессой Татьяной Вечоркой – одной из участниц культурной жизни Тифлиса, Кара-Дарвиш объявлял:

*Я – сумасбродный мечтатель, луна и созвездья – мой сон,  
Я – крепкотелый потомок гордых армянских племен,  
Страж неусыпный всех ценностей, я – анархист-демократ,  
Нет для меня иноземца – всем я товарищ и брат.  
Всем фарисеям я – деспот, лжецам я – жестокий сатрап,  
Только для праведных – голубь, дитя я, ягненок и раб,  
Я – футурист, я дроблю зацелованный глупый кумир.  
Вандал я, витязь, готовящий к чуду грядущему мир.  
Я – сумасбродный любовник, и тело избранниц моих  
Жгу возделеньем и страстью, желанный в альковах ночных.  
Я – призывающий к буре, волнующий сонную тишь,  
Я – ваш поэт – властелин и ничтожество – Кара-Дарвиш.*

В сентябре 1919 г. в Тифлисе был издан сборник «Софии Георгиевне Мельниковой: Фантастический кабачок». Он посвящен артистке театра миниатюр, выступавшей в так называемом художественном подвале «Фантастический кабачок» с чтением стихов поэтов-футуристов. Помимо стихов Василия Катаняна, Алексея Крученых, Игоря Терентьева, Николая (Колау) Чернявского, Григола Робакидзе, Тициана Табидзе, Паоло Яшвили в сборник вошло стихотворение Кара-Дарвиша на армянском языке «Холм нарциссов, или Танец дервишей»: Кара-Дарвиш использовал здесь шрифтовые эксперименты.

По свидетельству Т.Вечорки, Кара-Дарвиш был практически единственным поэтом, издававшим свои стихи на почтовых открытках. Им было напечатано (видимо, за свой счет и мизерным тиражом) около полутора десятков почтовых открыток-буклетов с собственными стихами. Сам автор называл эти карточки-поэмы

«магическими». Несколько из них – на армянском языке, большая же часть – на русском, в переводах русских поэтов, перебравшихся из России в Тифлис: О.Мандельштама, Т.Вечорки, К.Чернявского, А.Хведченя, А.Лишко.

Этих открыток сохранилось крайне мало. Все открытки-буклеты вышли в издательстве «Шреш» в начале 1920-х гг. Исключение составляют три открытки (из известных на сегодня одинарных), вышедшие до революции на армянском языке. Одна из них отпечатана, как полагают специалисты, при помощи Ильи Зданевича – его знаменитым акцентированным шрифтом. Две другие хранятся в фонде С.Г. Мельниковой в Центральной научной библиотеке Союза театральных деятелей России. На всех открытках имеется фотоизображение самого поэта. Лишь на одной («Женщине», 1925 г.) опубликован рисованный портрет Кара-Дарвиша работы К.Зданевича.

Вот несколько отзывов поэтов о Кара-Дарвише. Футурист Василий Каменский: «Поэт Кара-Дарвиш – светлая, талантливая голова. Солнечный друг наших дней футуризма». На другой открытке – строчки поэта Давида Бурлюка: «Кара-Дарвиш! Вы весь – Кавказ. Кавказ весь – Вы». На третьей открытке – слова Григола Робакидзе: «Кара-Дарвиш человек необычайной искренности, необычайной непосредственности и необычайного пафоса! Кара-Дарвиш – полуденный пафос Востока». Кирилл Зданевич написал (к портрету Кара-Дарвиша, нарисованному им): «Кара-Дарвиш красное мясо, сладострастье земли». У того же Крикора Беледяна имеются свидетельства переписки Кара-Дарвиша в 1918 г. или 1919 г. с поэтом Паоло Яшвили: в проекте письма на русском языке Кара-Дарвиш выдвинул идею «международного парламента духа». Он должен был состоять из «поэтов», сторонников «глобального государства», в котором не будет господ и рабов, а все граждане будут «детьми по духу и гениями по мысли».

В своей книге «Путь энтузиаста» В.Каменский вспоминал о своем пребывании в Тифлисе в первое десятилетие двадцатого века: «В солнцедатном Тифлисе в смысле газетных встреч и густых выступлений жилось превосходно. Здесь по-настоящему любили поэтов и так кахетински принимали, что голова ходила лез-

гинкой. Ого! Грузины умеют чтить поэзию! Недаром в Грузии много своих поэтов. Как раз тогда блестяще шумела грузинская группа поэтов-новаторов под именем «Голубые роги»\*. Это: Робакидзе, Яшвили, Табидзе, Гаприндашвили, Гришашвили. А у армян был свой футурист Кара-Дарвиш. И мы, поэты, жили в тесной дружбе».

Илья Зданевич призывал: «Читайте Кара-Дарвиша – Уолта Уитмена Востока!». Кстати, Кара-Дарвиш переводил произведения американского литератора Уитмена на армянский язык. Поэт Паоло Яшвили восклицал: «Его волосы, его улыбка, его восторг! Человек – он оправдание. Как поэт – он неведом. Кара-Дарвиш! – Позвольте представить. Уолт Уитман... В Кара-Дарвиша верит поэт Паоло Яшвили».

О Кара-Дарвише вспоминала жена поэта Тициана Табидзе, Нина Макашвили: «Кара-Дарвиш был очень доброжелательный и беспредельно наивный... Вообще-то он и футуризм были довольно далеки друг от друга, но он так хотел быть футуристом!»

О Кара-Дарвише в своем стихотворении «Фантастический кабачок» (1918 г.) писала поэтесса Нина Васильева:

*И вождь восточных футуристов  
Кара-Дарвиш, гетер певец,  
Друг самых крайних анархистов,  
Всегда восторжен и неистов,  
Пророчил грустный нам конец.*

Поэт Игорь Терентьев предложил свое видение личности армянского футуриста:

*Слава стране,  
Где ходит Кара-Дарвиш,  
Похожий на Екатерину Вторую,  
Где я живу и ворую.*

---

\* Литературная группа грузинских символистов, созданная Паоло Яшвили в 1915 г.

В 1923 г. в Тифлисе Кара-Дарвиш познакомился с известной танцовщицей Айседорой Дункан (женой Сергея Есенина). Он написал о ней статью «Танцовщица-революционерка», опубликованную в армянской тифлисской газете «Мартакоч» («Призыв к бою») 6 октября 1923 г.

Автор отмечал: «Создательница новой танцевальной эстетики ... Творческий подход всегда был сутью ее танцевального искусства ... Интернационал танца. Дункан – великая преподавательница этого танца».

Кара-Дарвиш был одним из горячих почитателей творчества художника Нико Пиросмани и, вероятно, автором первой (к сожалению, не найденной) статьи о нем на армянском языке. При содействии Кара-Дарвиша, сотрудника газеты «Восток», 29 июня 1914 г. была опубликована статья «Нико Пиросмани» И.Зданевича, одного из первооткрывателей грузинского примитивиста. Статья в защиту художника была гневной: «Ублюдки Европы – ваши поэты, живописцы, музыканты, критики и профессора, молодые и старые, не стоят сантиметра его клеенок. Между тем, когда два года назад мы в печати указывали на Пиросмани и требовали у общества внимания и помощи – вы промолчали, и эта лень и невежество не простятся вам».

Честь и хвала Кара-Дарвишу, рекомендовавшему столь дерзкую статью, обличающую равнодушие общества к Пиросмани.

Последние известные нам стихотворения Кара-Дарвиша, полные меланхолии, датированы 1930 годом.

**САША ЗАЙЦЕВА**

## **“ОДНА ИЗ МОИХ МУЗ РОДИЛАСЬ В АРАРАТСКОЙ ДОЛИНЕ”**

*Саша Зайцева – современная русская поэтесса, арт-деятель и редактор, автор сборника стихотворений «Снег, которого не было», вышедшего в Германии, лауреат нескольких международных литературных конкурсов, участник арт-проектов в Сибири, Санкт-Петербурге и Москве, старший преподаватель Новосибирского государственного университета.*

*Саша родилась под Краснодаром, выросла в Казахстане, сейчас живет на два города – Новосибирск и Санкт-Петербург. Она проехала двадцать стран мира, а два года назад провела почти шесть месяцев в Армении в духовном и творческом ретрите\*. После этого она выпустила альбом мелодекламаций «Вереск», посвященный Армении, и стала участником первого АрмАртФеста–2021 при посольстве Армении в Москве.*

*Миграция и путь как стиль жизни и творчества – это про Сашу Зайцеву. Она органично соединяет города, страны, культуры, языки и направления искусства. Сегодня мы говорим с ней о том, как нить Ариадны привела ее в Араратскую долину.*

**– Саша, о тебе написано, что ты как поэтесса смешиваешь стихи с другими видами искусства. Такой эксперимент не нов – кто-то рисовал на скульптурах, кто-то в рамках выставлял тексты и т.д. Насколько оправданны такие эксперименты?**

**–** Да, действительно, моя страсть – это стыки различных искусств. Я делала проекты, где соединяются слово и музыка, слово и современные выставочные средства, слово и перформанс и т.п. Например, однажды я запустила акцию – расклеивала в разных

---

*\* Ретрит – времяпрепровождение, посвящённое духовной практике.*

городах, где я была, свои стихи на досках объявлений, среди «продам гараж» и «маникюр на дому». Недавно создала серию абстрактных картин, где сквозь колористическую субстанцию «проступают» мои строки. Как на стыке литосферных плит возникают горы, так для меня на стыке искусств рождается самая мощная творческая энергия. Да, это не ново, и я «стою на плечах гигантов». Насколько оправданно? Не знаю, судить не мне. Я лишь следую за своей Музой – почти на ощупь, потому что иного пути прожить свою жизнь я не представляю.

**– Какое место в жизни человека XXI века может занимать поэзия?**

– Я полагаю, огромное. Может быть, поэзия и поэтичность – в широком смысле этого слова, куда можно включить и музыку, и живопись, и театр, – вообще единственное, что способно как-то объяснить нашу жизнь, придать смысл, примирить нас с собственным существованием.

Бродский говорил: «Человечество, вероятно, спасти уже нельзя. А отдельного человека, личность – можно». Поэзия – самое интимное из искусств, она учит нас думать, чувствовать, говорить и слышать – прежде всего себя. Однажды мне довелось держать в руках удивительный рукописный сборник стихов: он принадлежал Елене Вяловой, вдове русского поэта Павла Васильева, которого пытали и расстреляли по надуманному поводу в 1937-м году. Елену же, как «врага народа», отправили в казахстанский лагерь на девятнадцать лет. Вся активная фаза ее жизни – от 26 до 45 лет – прошла в лагерях. У нее не было детей, она больше не вышла замуж. Но она спасалась стихами: в ее блокноте строки Цветаевой, Ахматовой, ее мужа...

«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, твой жезл и твой посох успокоят меня» – это слова из 22-го псалма Давида, тоже своего рода стихи. С моей точки зрения, сейчас всё человечество проходит долиной смертной тени: пандемия, военные конфликты, экологическая напряженность, социальное неравенство, тоталитаризм, насилие, голод. Мы произвели так много оружия, что можем легко уничтожить и сами себя, и всё живое. И

даже те, кто сегодня живет хорошо, у кого есть дом, еда, здоровье, в какой-то момент (и это вполне естественный фактор роста) ощущают духовное опустошение. Поэзия, вероятно, не спасет. Но она поможет человеку обнаружить в себе человека.

**– Сегодня в интернете можно найти разные программы для написания стихотворений, некие онлайн-инструменты, помогающие подобрать рифму и т.п. Как вы относитесь к таким программам?**

– Я отношусь к ним прекрасно – как к любому инструменту, если его применять осознанно и понимать, зачем ты его применяешь. Я пишу стихи с двенадцати лет, и как минимум лет до двадцати я в основном только упражнялась в стихосложении – тренировалась сплести венок сонетов, высчитывала слоги в ямбе и амфибрахиях, изошрялась в рифмах. Тогда таких программ не было – приходилось находить слова просто ... читая словари! И лишь научившись весьма неплохо писать «под Пушкина и классиков», я начала «ломать» свои стихи, чтобы обрести свой почерк, свой голос, свой стиль...

Если сегодня кто-то хочет поупражняться в стихосложении, ему это будет удобнее делать. Однако это не значит, что стихотворение, написанное машинным способом, сразу станет великим, – и одновременно не значит, что оно не станет великим. Инструмент – всего лишь инструмент.

Можно учиться рисовать по бумажным пособиям, а можно – по роликам на ютубе. Вопрос, что получается на выходе, что именно «выдает» нам человек, вступивший на путь творца.

Что главное в поэзии? Чтобы она была созвучна душе человека. Когда я в отчаянии, я читаю себе Александра Блока и Павла Васильева. Когда я сомневаюсь в себе – Арсения Тарковского и Булата Окуджаву. Когда я счастлива – Высоцкого. Если новый поэт, используя онлайн-рифмовник, смог найти удачные слова, чтобы выразить свой трепет по отношению к жизни, я уверена, что эти строки будут учить наизусть люди, чтобы повторять их себе в важный момент их жизни.

Но если автор не дает себе духовного труда прожить, почувствовать болезненно-прекрасный аромат жизни, а лишь соединяет одно слово с другим, – поэзии в его стихах не будет. Даже если рифмы и ритм будут соблюдены.

**– Одна моя знакомая поэтесса говорила, что она пишет стихи каждый день. Это не графомания, а образ жизни, что-то необходимое, без чего никак нельзя. А что для вас написание стихов?**

– Это некий итог жизни. Самые лучшие мои стихи писались не один и не два года: есть стихотворение, образ которого впервые пришел ко мне двадцать лет назад. Иногда я годами вынашиваю строчку, повторяю про себя, обкатываю ее языком во рту, как конфету, пробую на вкус. Так что порой за двумя-тремя словами в моих стихах стоит по два-три года моей жизни.

**– Вы писали:**

*любить  
это ходить  
по воде*

**Какими судьбами и как давно вы ходите по «армянской воде»?**

– Впервые я прилетела в Ереван на четыре дня в конце октября 2017 года – и почти случайно: тот год для меня выдался очень непростой, мне пришлось многое пережить, многое переосмыслить, и я хотела сделать себе подарок на день рождения – найти что-то новое, что наполнит меня. Ереван выбрала по рекомендации моего друга, поэта и режиссера Павла Крузенштерна (Санкт-Петербург). Он очень любит Сергея Параджанова и буквально «отправил» меня в его музей. Мое кресло было у окна, и когда самолет подлетал к Еревану вечером в пятницу 20 октября 2017 года, я увидела над закатными облаками громаду Арарата – и почувствовала, словно у меня сердце вынули и вставили заново. Мандельштам писал: «в Армении оживают». Так было и у меня. Больше я не смогла забыть ни Ереван, ни Армению.

Весной 2018 года я вернулась в Ереван на две недели. Первый день была счастлива, во второй – рыдала без остановки от тоски, что через двенадцать дней обратный самолет. На третий пошла и

сняла квартиру на полгода. Просто жить в Ереване, читать книги в парках, покупать себе розы пачками, выбирать зелень и овощи, плавать в открытых бассейнах, пить вино в барчике «Ин Вино» на улице Сарьяна, сидеть часами в аскетичных армянских храмах, слушая молчание камня, бродить по выставкам и улицам – это было самое большое счастье в моей жизни. За эти полгода я встретила множество замечательных людей, которые вдохновляли меня и учили чему-то новому. Но самое главное – именно в Ереване я встретила настоящую себя, я поняла, кто я, услышала свое дыхание, осознала, для чего живу и как должна прожить эту жизнь. Иногда я неделями не разговаривала ни с одним человеком вживую, исключая «Барев дзез» и «Шат мерси» в супермаркетах. Я просто наблюдала за Арменией и за собой. Так родилось одно из дорогих мне стихотворений – «Сезон пионов». И да, там, в Ереване, во второй раз родилась я.

**– Армению вы называете своей духовной родиной. Может ли у творческого человека быть несколько духовных родин?**

У меня – да. Это, безусловно, Россия, и конкретно – Сибирь и Дальний Восток, потому что я чувствую очень крепкую связь с этой землей. Это Европа, и в большей части Франция, Италия, Голландия, Германия и Швейцария – я понимаю, что мой «культурный код» был бы неполным без этих стран. Это Казахстан, потому что моей первой духовной точкой опоры была литература, а преподавала мне ее Юлия Михайловна Осинская в обычной средней школе города Павлодара. И, наконец, это Армения. Предвосхищая вопрос о происхождении, могу сказать: армян у меня нет на семь колен ни в одном направлении, но одна из моих главнейших муз точно родилась где-то в Араратской долине. При этом не значит, что, называя своей духовной родиной ту или иную страну, я в каждом стихотворении буду писать что-то вроде «Люблю тебя, моя Сибирь» или «Ереван, я без тебя никуда».

Очень многие вещи у меня прорастают в творчестве иносказательно. Я вообще всегда больше любила абстракцию, чем фигуративность – и в музыке, и в живописи, и в театре, и в литературе. Поэтому у меня не так много стихов, где напрямую упомянуты армянские топонимы или понятия. Но есть метафоры и обра-

зы, которые отсылают к Армении очень четко: например, «розовая чаша пустых гор». Вообще я шучу, что всё, что написано после Армении, – написано про Армению. Эта культура настолько мощна, что эхо ее влияния будет распространяться так или иначе на всю мою жизнь.

**– Интересно было бы узнать, у вас, как художника и поэта, есть ли любимые имена в армянской живописи и литературе?**

– Я не буду оригинальна. В детстве это Айвазовский и мультики «Арменфильма». В подростковом возрасте – Шарль Азнавур. Позже – Паруйр Севак и Сергей Параджанов, его фильмы, коллажи и письма.

**– В одном стихотворении вы упомянули старинный армянский храм Дадиванк, увы, оказавшийся «в плену» после 44-дневной войны.**

– Я вообще чувствую сильнейшую связь с армянскими храмами. Однажды я провела всю ночь под звездным небом около крепости Амберд и встречала рассвет в ее храме. Эти духовные переживания едва ли можно с чем-то сравнить.

Перед глазами до сих пор стоит золотая октябрьская дорога до монастыря Агарцин.

И каждый раз, когда я приезжаю в Армению, я отправляюсь к стенам Ахпата, чтобы просто посидеть, прислонясь к ним спиной.

Дадиванк «проник» в мое сердце тоже – мне повезло побывать там однажды с экскурсией. Когда я вошла в храм и почувствовала, что встала на что-то мягкое, я обомлела: ковер, который там лежал, расцветал под моими ногами, словно сама жизнь и сама Вселенная.

Это был самый красивый ковер в моей жизни – и фраза «Пойдем, я покажу тебе ковер в монастыре Дадиванк» сначала стала частью моей инсталляции «Личное место», которую я делала для крупного арт-события «48 часов Новосибирск» в 2019 году (этот фестиваль проводится Гёте-Институтом как созвучный берлинскому фестивалю «48 часов Нойкёльн»). Затем из этой строки родилось стихотворение, и наконец она стала основой одной из моих абстрактных картин. Ковер из Дадиванка для меня символ тра-

диции, духовности, эстетики, чувственности. Кстати, одна джазовая певица из Германии, Лера Маурер, на мои стихи про Ахпат и Дадиванк сделала песню на английском – уже есть концертная запись на ютубе, и скоро должен выйти альбом.

– Будет интересно послушать. Саша, вы недавно участвовали в армянском фестивале в Москве. Интересно было бы подробнее узнать об этом мероприятии и о вашем участии.

– Фестиваль «АрмАртФест» проводился культурным центром при посольстве Армении в России под руководством заслуженного деятеля искусств РФ Владимира Габбе. Мое участие в фестивале было довольно скромным: вместе с пианистом-импровизатором Артуром Филимоном мы провели концерт мелодекламации, то есть стихотворений под музыку. Программу я составила так, чтобы показать, насколько сильно взаимоврастание русской и армянской поэзии; я читала свои стихи и стихи Паруйра Севака, Осипа Мандельштама, Валерия Брюсова, Эдуарда Асадова и других. Также я подготовила выставку своей абстрактной живописи, в которой в прямом и переносном смысле «просвечивают» цитаты из моего армянского цикла. Мы получили много добрых, искренних отзывов от зрителей, так что, полагаю, наше с Артуром выступление удалось. К сожалению, работа над концертом и выставкой полностью меня захватила и я просто не смогла проследить за остальной программой фестиваля. Но я знаю, что она была очень яркой: друзья делились восторгами и вживую, и в соцсетях.

– В двух городах, в которых вы живете, есть армянские общины. Поддерживаете ли вы связь с ними?

– Нет, я довольно закрытый человек, в чем-то интроверт. Можно сказать, мой внутренний творческий «компьютер» работает следующим образом: я иду, гуляю, что-то замечаю, меня это поражает, и я «ухожу в себя на обработку», «зависаю» с этой мыслью надолго. Я два года думала об одном-единственном ковре в монастыре – представляете, что случится со мной, если я буду активно «впитывать» в себя события целых культурных центров?

А если серьезно, обычная «взрослая жизнь» довольно банальна: мне нужно платить ипотеку, зарабатывать на еду, покупать какие-то вещи, поддерживать свою семью, заниматься домом.

Очень много сил уходит на элементарное «воспроизводство» своей жизни. Снова цитирую Бродского: «Мало того, что надо жить, надо еще и платить за это». Но если когда-то меня пригласят в армянский культурный центр и я смогу быть полезна в диалоге культур России и Армении, я с интересом рассмотрю предложение.

**– Сейчас в России очень мало переводчиков с армянского на русский. Не намерены ли вы в будущем заниматься переводом армянской поэзии?**

– Время покажет. В любом случае, армянская поэтическая традиция – одна из сильнейших в мире. Я уверена, что в сети ее пленительной красоты и звучности будут попадать десятки, сотни творческих людей по всему свету, пока будет живо Человечество. И талантливые переводчики найдутся.

**– Давайте представим читателям «ЛА» те ваши стихи, о которых мы говорили. И удачи вам во всех начинаниях.**

\*\*\*

мы так уязвимы, стоит  
первой листве пробиться  
первому дождю  
пройти  
пойдем, я покажу тебе ковер  
в монастыре Дадиванк  
пойдем  
я покажу тебе  
звезды над  
Ахпатом  
сядь у этой стены  
прислонись к ней спиной  
здесь тишина  
качается колоколом  
здесь  
тишина  
возьми ее в сердце  
и неси вечно

пока несет тебя  
степной  
ветер

\*\*\*

сезон пионов

возьми молчанья столько,  
сколько сможешь  
унести

на улице Лео  
жил человек,  
рисовал портреты  
старых вещей,  
его жена  
стирала и развешивала  
на прищепках  
космос,  
дочь срезала цветы  
и ставила  
в трехлитровые банки  
на лестнице

Офелия,  
ее звали  
Офелия

возьми молчания  
столько,  
сколько сможешь  
снести

*Беседу вел Арцви Бахчинян*

Поступающие в редакцию рукописи не рецензируются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал  
“Литературная Армения” обязательна.

Адрес редакции:  
0019, Республика Армения,  
Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 3.  
Телефоны: +374 10 563557  
              +374 10 563666  
[www.litarmerenia.com](http://www.litarmerenia.com)  
e-mail: [info@litarmerenia.com](mailto:info@litarmerenia.com)

Сдано в набор 14.04.2022  
Подписано в печать 27.06.2022  
Формат 70х100/16  
Печ. л. 11. Заказ N 84  
Бумага офсетная. Тираж 500 экз.  
Регистрационный номер 43  
Отпечатано в типографии ООО “ВМВ-ПРИНТ”